

ISSN 2079-9160

Российская
ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
♦
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК
♦
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
♦

№ 3

МОСКВА-КАЗАНЬ 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл),
И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов
(Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов
(Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев
(Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М.
Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан),
Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме
(Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю.
Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хахимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Анисеева (Москва)
Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва),
А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В.
Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак
(Москва), И.А. Невская (Германия), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын
(Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кара-оол
(Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск),
Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 3

МОСКВА–КАЗАНЬ 2010

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik), E.A.
Grunina (Moscow), S.G. Klyashornyy (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsyn (St. Petersburg),
L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevsk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 3

MOSCOW-KAZAN 2010

3-4 февраля 2010 г. в г. Москве проходило Годичного собрание Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН совместно с редколлегией и редсоветом журнала «Российская тюркология», а также представителями других тюркологических организаций России. Ниже приводится текст доклада, председателя РКТ при ОИФН РАН д.ф.н., проф. И.В.Кормушина, прочитанный на Годичном собрании.

О ТЕКУЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗАДАЧАХ РОССИЙСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

И.В.Кормушин, г.Москва

Уважаемые коллеги!

Как хорошо знают многие из здесь присутствующих, в 1973 г. в системе Академии наук СССР была создана общественная, а лучше сказать, – общественно-государственная, структура – Советский комитет тюркологов. В Положении о Комитете, утвержденном Президиумом АН СССР, было сказано, что в сфере деятельности СКТ должны находиться:

- 1) координация научных исследований в области тюркологии внутри страны,
- 2) международные контакты и научное сотрудничество с тюркологами зарубежных стран.

При этом в принципе формирования состава СКТ из представителей академической и вузовской науки было заложено стремление объединить обе ветви и, главным образом, привлечь внимание академистов к проблемам высшей школы. Численный состав СКТ в 46 человек при общей численности работающих тюркологов в Советском Союзе – педагогов вузов и научных работников в несколько тысяч человек.

Координация тюркологических исследований со стороны комитета носила рекомендательный характер, заключалась в призыве заниматься теми или иными, наиболее важными и актуальными для тюркологии темами и в помощи ученым, согласившимся на проведение подобных исследований, во включении их тематики в научно-исследовательские планы соответствующих учреждений. Для научного общения и обмена идеями у СКТ существовали три мощных канала интерактивности: 1) журнал «Советская тюркология», выходивший под фактическим руководством СКТ 6 раз в год с 1970 г.; 2) ежегодные пленарные заседания СКТ, проводившиеся в Москве; 3) Всесоюзные тюркологические конференции, созываемые один раз в четыре года.

Все эти мероприятия осуществлялись благодаря их государственному финансированию, определенному решениями директивных органов СССР.

1. Положением об СКТ, утвержденном Президиумом АН СССР было определено, что «Советский комитет тюркологов состоит на финансовом и хозяйственном обслуживании Института языкознания АН СССР, имеет свою ежегодную смету расходов, утверждаемую директором института в пределах общего объема затрат». Сколько помню себя – а я был приобщен к делам Комитета со времени подготовки к Алма-Атинской конференции 1976 г. – СКТ кроме проведения пленумов в Конференц-зале ИЯза ничем иным этот институт не нагружал, никогда никаких собственных смет расходов внутри ассигнований Институту языкознания не имел. Таким же положение по этому вопросу продолжает оставаться и в настоящее время.

2. Журнал «Советская тюркология» являлся органом двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР, но редакция находилась в Баку, поскольку финансовое обеспечение было возложено на азербайджанскую академию. Поэтому после распада СССР журнал естественным образом отошел к независимому Азербайджану, а Россия тюркологического журнала лишилась.

3. Всесоюзные тюркологические конференции (ВТК) продолжили отчет от I съезда тюркологов 1926 г. в Баку и прошли в столицах тюркоязычных союзных республик: в 1976 г. – в Алма-Ате; в 1980 г. – в Ташкенте; в 1985 г. – в Ашхабаде; в 1988 г. – во Фрунзе / ныне Бишкек. Финансовое обеспечение осуществлялось правительствами союзных республик с полными или частичными субвенциями из центра.

Раскол Советского Союза совпал с тем временем в череде тюркологических конференций, когда эстафета переходила от союзных республик к автономным. Следующие две конференции, шестая и седьмая, больше как-то по инерции и на энтузиазме организаторов, прошли: в 1992 г. – в Казани, а в 1996 г. – в Уфе, но последующих конференций в рамках этого вида деятельности Комитета собрать более не удалось.

После смерти в 1986 г. основателя Комитета акад. А.Н.Кононова руководство Комитетом перешло к заместителю А.Н.Кононова – член-корр. Э.Р.Тенишеву, заместителями которого стали К.М.Мусаев и И.В.Кормушин, а ученым секретарем – А.А.Чеченов.

После 1991 г., когда Комитет сократился до масштабов российской структуры, его на первых порах называли несколько на западный манер – Российским национальным комитетом тюркологов, но несколько позже, принимая во внимание, что слово "национальный" не вполне соответствует духу федеративного устройства общероссийских институтов, остановились на более естественном – Российский комитет тюркологов.

В 90-е годы РКТ был заслушан на Отделении литературы и языка в 1996 г., после чего предполагалось оживление работы, однако при более чем скромном финансовом содержании институтов Академии наук, мизерных зарплатах сотрудников, этого не произошло. Примерно в течение 15 лет – все девяностые и первая половина нулевых годов – тюркологический комитет существовал в аннотиационном состоянии. Ныне мы предпринимаем попытку войти в стадию ревitalизации – оживить деятельность Комитета.

19 сентября 2007 г. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН утвержден РКТ в новом составе в количестве 48 человек, в руководство Комитета входят И.В.Кормушин, Д.М.Насилов, С.Г.Кляшторный и А.В.Дыбо. В качестве первоначальных мероприятий мы при поддержке академических институтов Уфы и Казани провели годичные собрания РКТ в 2008 и 2009 гг., приурочив их к большим конференциям, устраивавшихся хозяевами, тюркологами Башкортостана и Татарстана по своим планам. Такой способ взаимодействия Комитета с местными крупными организациями имеет и свои плюсы, и свои минусы. Так, одновременно с организационными вопросами мы ввели в свою программу научную часть, надеясь организовать свободную дискуссию по вопросам исторической грамматики тюркских языков – в 2008 г. в Уфе, и по современным проблемам синтаксиса тюркских языков – в 2009 г. в Казани. Подготовленные доклады были сделаны, но полноценных обсуждений сути проблем не получилось. Такая форма не снимает с повестки дня необходимость самостоятельной организационной деятельности Комитета.

В рамках международных контактов члены РКТ И.В.Кормушин, Д.М.Насилов, В.Г.Гузев и Д.Д.Васильев приняли участие в 77-м Празднике турецкого языка, состоявшемся в Анкаре 26-27 сентября 2009 г. и посвященном встрече представителей тюркологических центров Европы и Азии. Это мероприятие финансово было обеспечено турецкой стороной.

Одновременно с налаживанием регулярных годичных собраний Комитета нынешнее руководство Комитета предприняло попытку организовать в России выпуск академического журнала по тюркологии взамен утраченной «Советской тюркологии». Обратились с соответствующим письмом к руководству ОИФН. Нас любезно принял акад. А.Б.Куделин, который в принципе поддержал наше стремление, но сказал, что добиться для «Российской тюркологии» такого же официального статуса, как для «Вопросов языкознания», в настоящее время вряд ли возможно, однако современные законы и правила предоставляют возможности самим обеспечивать финансирование и за этот счет выпускать журнал, в том числе привлекая спонсорские средства. Со своей стороны, ОИФН не отказывает нам в использовании грифа Отделения историко-филологических наук, что, действительно, для этого предприятия имеет большую ценность и на что мы, не скрою, имеем моральное право.

Добавлю также, что официальный журнал должен быть зарегистрирован как средство массовой информации, издатель должен быть юридическим или физическим лицом, журнал должен быть включен в каталог агентства «Роспечать», которому необходимо предоставить график выхода журнала в свет, – и за все это необходимо платить вперед, а за просрочку еще и штрафы. Для объявления журнала ваковским требуется вести рецензирование статей. Практически получается, что для организации выпуска в свет хотя бы четырех номеров в год необходима работа двух-трех человек, для которых эта работа будет основной, т.е. они должны получать за это зарплату. Добавьте сюда проблемы подписки, доставки в отдаленные районы и т.п. Ясно, что силами двух человек – а сейчас это Д.М.Насилов и Ф.С.Хакимзянов, работающие на общественных началах, у которых много своей собственной работы – мы будем выпускать от силы два номера в год, как это пока и делается.

Если взять технико-экономическую сторону издания, то для регулярного выпуска журнала его годовой бюджет должен быть около 200 тыс.руб, если

причислить сюда небольшую плату за рецензирование. Деньги по сегодняшним масштабам невелики, но их где-то нужно разыскать.

В целом, обозревая наши попытки наладить различные стороны тюркологической деятельности, следует констатировать, что – как бы это помягче выразиться – никто и нигде, ни в одной инстанции, не ждет нас с распростертыми объятиями, никто вместо нас не будет биться за наше дело. Значит, сделать это должны мы сами. Мы должны объединиться и действовать прежде всего в интересах общего дела. И при этом мы должны перестроить всю свою стратегию и тактику. Ни от кого ничего не просить и не ждать, самим находить необходимое для дела.

Перестройка нашей работы должна начаться с расширения нашей базы. Мы должны встряхнуться и вспомнить, что тюркология – комплекс историко-филологических дисциплин, связанных с одной из многочисленных языковых семей, с числом говорящих около 150–160 млн. человек, говорящих ныне на 3–4 десятках языков и диалектов, имеющих довольно длительную, 1300-летнюю письменную историю и почти тысячелетнюю историю изучения.

В Российской Федерации, даже после того, как от нее отошли и стали самостоятельными Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан, все еще остается 25 тюркоязычных этносов – 21 народ и 4 этнографические группы, это:

Тюркоязычные этносы в Российской Федерации

№ п/п	название народа	численность	владеют яз.
1.	татары	5.558.000	
1а.	астраханские татары	2.000	
1б.	кряшены	25.000	
1в.	татары сибирские	10.000	
2.	башкиры	1.674.000	
3.	чуваши	1.637.000	
4.	якуты	444.000	
5.	кумыки	423.000	
6.	тувинцы	244.000	
6а.	тувинцы-тоджинцы	36.000	
7.	карачаевцы	192.000	
8.	балкарцы	108.000	
9.	ногайцы	91.000	
10.	хакасы	76.000	
11.	алтайцы	67.000	
12.	шорцы	14.000	
13.	долганы	7.000	
14.	кумандинцы	3.000	
15.	сойоты	3.000	
16.	теленгиты	3.000	
17.	телеуты	3.000	
18.	тубалары	2.000	
19.	тофалары	1.000	
20.	челканцы	1.000	
21.	чулымцы	1.000	
Итого	25 (21+4)	10.628.000	7,32%

Из десятки мировых крупных тюркских этносов, тех, чья численность свыше одного миллиона человек, три этноса – татары, башкиры и чувашаи – входят в число коренных народов России. Еще 5 народов относятся к категории средних, показывая численность свыше 100 тыс. человек. Всего же численность коренных тюркоязычных этносов по переписи 2002 г. – 10,6 млн. человек, а вместе с группами некоренных тюркских народов – из национальностей бывших союзных республик, а также уйгуров, турок и др. – число тюркоязычных граждан превышает 12 млн. человек, что составляет свыше 8% населения РФ.

Еще более важным и наполняющим нас гордостью обстоятельством является то, что тюркология в России – издавна развивающаяся отрасль гуманитарной науки, и она здесь не только удел ученых татар, чувашей, хакасов и др., но в гораздо большей степени коренных русских, а вместе с ними и обрусевших немцев, и поляков, и евреев, и украинцев и многих других, кто множил славу российской тюркологии. И Россия не была здесь исключением: также давно тюркологией занимаются в Германии, Англии, Франции, Нидерландах, Австрии, Венгрии, Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Италии, Финляндии, Швеции, Норвегии, а теперь и в Америке. Поистине тюркология – наука мирового распространения. И негоже нам, россиянам, кто бы мы ни были по национальному происхождению, отказываться от нашего значительного вклада в мировую тюркологию, скатываться с завоеванных высот, сетуя на неблагоприятные экономические и иные обстоятельства жизни.

Именно опираясь на давние традиции тюркологической науки в России и относительно широкую прослойку тюркоязычного населения в нашей стране, мы должны расширить, как уже сказано, базу нашей науки. По нашим давним наметкам, которым, как нам казалось еще не время осуществляться, необходимо создать новые формы взаимодействия ученых-тюркологов и широкой общественности. Наряду с Комитетом тюркологов при Академии наук необходимо создать еще две структуры.

1) На каждой национальной территории, а также в учреждениях образования и науки организовать ячейки тюркологов – профессионалов и любителей, которые смогут объединиться в общества в пределах области или республики, а в масштабах России – в союз обществ и организаций тюркологов Российской Федерации. Задача таких обществ поддерживать и удовлетворять интерес к истории, языкам и культуре тюркских народов, распространять современные знания, помогать народам отстаивать их гуманитарные права;

2) Фонд поддержки тюркологических исследований, в котором следовало бы аккумулировать спонсорские и иные средства, с тем чтобы с процентов на собранный капитал, в первую очередь, а также из основных средств осуществлять финансирование различных издательских и исследовательских проектов, восполняя недостаточный охват тюркологической тематики грантами РГНФ, РФФИ и др. фондов.

В связи с предложенным необходимо организовать несколько комиссий РКТ:

а) комиссию по организации региональных отделений Союза обществ и организаций тюркологов России и выработке общего положения (примерного устава) общества;

б) комиссию по организации Фонда поддержки тюркологических исследований и выработке устава фонда.

При любых обстоятельствах мы должны провести в 2011 г. Всероссийскую тюркологическую конференцию. Если нам дадут грант МФГС, эта конференция будет с участием стран СНГ и тематика будет несколько иной, чем в их отсутствие. Необходимо образовать комиссию по подготовке конференции. Но объявлять о конференции надо будет сейчас же, а сбор заявок ограничить сентябрем–октябрем.

Есть еще несколько направлений нашей работы, которым пока некогда уделить внимание, это: 1) вопросы *международного сотрудничества* на основе кооперации; 2) вопросы *помощи вузам*. Может быть и по этим вопросам следовало бы создать комиссии и заслушать их через год.

Замыслы большие, но не нужно думать, что они невыполнимы. Нужно верить в себя и спокойно, понемногу продвигаться к намеченным целям. И силы земные и небесные будут с нами.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К 80 ЛЕТ ТУВИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ¹

К.А.Бичелдей, Кызыл

Резюме. По мнению автора, Тува имеет почти пятнадцативековую историю бытования письменностей разных систем и форм на своей территории, и этот процесс завершился созданием в 1930 г. тувинской национальной письменности на латинской основе, ее сменила кириллица, которая и поныне успешно выполняет функцию тувинской национальной письменности.

Ключевые слова: древнетюркские тексты, национальная письменность, старомонгольский письменный язык, тибетская письменность.

За всю длительную историю существования тувинского этноса (точнее, от средневековья до современности) в его культурной жизни применялось немало различных по происхождению и облику письменных систем. Ныне известны тексты на древнетюркском руническом и древнеуйгурском, старомонгольском, тибетском, латинском, кириллическом (русском) алфавитах.

Тувинский язык – один из тюркских языков. Конечно же, ему не чужды древнетюркские тексты. Тем более, что в бассейне Енисея – в его верховьях, в пределах Саянского нагорья, т.е. на территории современной Тувы, и по среднему течению, в Минусинской котловине, преимущественно на территории Республики Хакасия, – обнаружено, начиная с XVIII в., значительное число (теперь уже свыше 150) памятников тюркского рунического письма. В Туве из общего числа в 71 надпись на отдельно стоящих камнях, исключая надписи на скалах и на предметах, пригодными для текстологического анализа, т.е. содержащими хотя бы одно достоверно читаемое слово, можно признать 64 надписи. В Хакасии из общего числа в 24 эпитафийные надписи пригодны для текстологического анализа – 21. Памятники обоих регионов и всех внутрирегиональных групп написаны на одном и том же едином литературном языке древнетюркского мира. Древнетюркский литературный язык обладал структурными признаками *д*-языка, иными словами, в его основу был положен диалект или диалекты, генетически близкие или тождественные, прежде всего, диалектам древнеуйгурского языка, а также диалектам – предкам современного тувинского, тоже *д*-языка.

Письменность, представленная памятниками орхоно-енисейского письма,

¹ Доклад, прочитанный на Международной научной конференции «Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона» (инф. см. в разделе «Хроника»).

алфавитная, знаки ее передают отдельные звуки или сочетания звуков. В классическом орхонском алфавите 38 графем, с учетом региональных и хронологических вариантов – 50 графем, часть из них малоупотребительна или уникальна [Кормушин 1997: 17].

Живые тюркские диалекты в VIII–X вв. уже обладали определенными различиями, в качестве письменного языка они все же использовали единое в своей основе наддиалектное койне. Поэтому язык памятников рунического письма до недавнего времени называли обобщенно «древнетюркским». В целом, можно говорить о четырех локально-хронологических вариантах древнетюркского языка:

а) вариант собственно древнетюркский (орхоно-тюркский) первой половины VIII в.;

б) уйгуро-древнетюркский (древнеуйгурско-рунический, древнеуйгурский старшей поры);

в) кыркыско-древнетюркский (енисейско-тюркский) VIII/IX–X вв.;

г) древнеуйгурский (младшей поры) из Восточного Туркестана конца IX – начала X вв.

Исторические и социальные изменения, связанные с падением древнетюркских каганатов, привели к настолько полному забвению этой письменности, что наука была вынуждена заново открывать ее.

Большой интерес в истории тувинской письменности представляет вопрос о бытовании на территории Тувы старописьменного монгольского языка, которым тувинский народ, не имевший собственной национальной письменности, пользовался в официальной и личной переписке в течение нескольких столетий, начиная примерно с XVII–XVIII вв. и вплоть до 30-х годов XX в. Поэтому, когда говорят, что тувинский народ был бесписьменным до 30-х гг. XX в., «бесписьменность» следует понимать в относительном плане – в плане отсутствия до определенного времени именно национального тувинского письма на основе самого тувинского языка [Бичелдей 2000: 121].

Особенности написания старомонгольского письма – это написание текста сверху вниз, строки читаются слева направо, причем каждая буква пишется в разных вариантах, в зависимости от позиции, которую она занимает в слове. Старомонгольское письмо – письменность, созданная на основе уйгурского алфавита. Старомонгольский алфавит состоит из 29 букв, из них 7 гласных и 22 согласных, все они являются производными от 14 основных знаков уйгурского алфавита, который практически до XVI в. сохранялся у монголов в том виде, в каком был заимствован, и лишь на рубеже XVI–XVII вв. в него были внесены значительные заимствования [ЛЭС: 307].

В первые же годы после образования тувинской национальной государственности остро встал вопрос о создании тувинской национальной письменности как о необходимом и первом условии развертывания культурного строительства и, в конечном счете, – политического и экономического развития страны. В то время функцию письменного языка выполнял старописьменный монгольский язык, на котором велось делопроизводство, издавалась в весьма ограниченном количестве литература и документация (главным образом, решения центральных партийных и государственных органов), с 1925 г. выпускались газета «Унэн» («Правда») и журналы «Хувьсгалт ард» («Революционный арат»), «Хувьсгалт залуучууд» («Революционная молодежь») [Монгуш 1967: .96].

Но монгольский язык не мог стать литературным (письменным) языком в Туве. Старописьменным монгольским языком к концу 20-х годов владело менее 1,5% тувинского населения. К тому же и среди грамотной части населения

уровень знания этого языка был низким. Монгольской грамотой владела главным образом феодальная знать и чиновничество. Абсолютное большинство тувинцев (за исключением жителей некоторых местностей юго-восточной части Тувы, где сохранилось тувинско-монгольское двуязычие до сих пор) не знало монгольского языка, издавна говорило только на своем родном языке.

Известно, что с проникновением в Туву буддизма в XVIII в. его служители из числа местных жителей обучались тибетскому языку, овладевали письменностью. При этом среди служителей буддизма знание тибетского языка было более распространенным, чем владение старописьменным монгольским языком. Например, письменный монгольский язык знало только 7 из 33 делегатов «буддийского съезда», тогда как все они могли читать по-тибетски [Материалы: 191–196]. В силу известных причин история использования в Туве тибетского письма, вопросы археографии оставались неисследованными.

В настоящее время в Туве вновь возрождается буддизм, появились молодые люди, получившие образование в Индии, где в крупных тибетских буддийских монастырях с 1990-х гг. обучаются определенное количество тувинских юношей, некоторые из которых вернулись в Туву с хорошим знанием тибетского языка. Работают вот уже более десяти лет приглашенные тибетские ламы Лобсан Тубтен, Такпа Гьяцо, Пенде Гьялцен. Таким образом, стало возможным обратиться к их помощи и работать в архивах. К данному моменту проведена инвентаризация рукописей на тибетском языке в архивах Национального музея им. 60 богатырей. Подобный архив имеется в Тувинском институте гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва. Достаточно много их в руках у населения республики и в ныне вновь созданных и действующих монастырях.

Изучение рукописей, написанных в Туве на тибетском языке (или возможно, на тувинском языке с использованием тибетского письма), представляют определенный интерес и для истории, и исторической грамматики тувинского языка.

В конце августа 1999 г. тибетский лама Лопсан Тубтен, живущий в Туве с 1996 г., сообщил, что у него имеется небольшая сутра, по всей видимости, написанная жителем Тувы. Свое предположение подтвердил тем, что в сутре имеются названия ряда местностей Тувы, которые почитаются как святыни. Первый перевод и знакомство состоялось в присутствии главного научного сотрудника Института языкознания РАН, докт. филол. наук И. В. Кормушина, приехавшего тогда на экспедицию и чтения лекций в ТывГУ. Затем в декабре 1999 г. почтенный Лопсан Тубтен сообщил, что у него есть ещё две сутры, которые также предположительно написаны в Туве. Как полагает геше, эти сутры религиозного содержания написали местные ламы, хорошо знающие тибетский язык и тибетское письмо [Тубтен 2000:19].

Как известно, в процессе ликвидации неграмотности, начавшемся в первые годы после установления Советской власти, особые сложности возникли с обучением грамоте населения, пользовавшегося арабским, старомонгольским, тибетским и др. письменностями, не приспособленными к фонетическим системам соответствующих языков (тюркских и др.). Возникшее движение за переход на новый алфавит (на латинской основе) активизировало усилия ученых по разработке проектов такого алфавита. В 1924 г. различные проекты алфавитов для тюркских языков были обсуждены в Радловском кружке при Музее антропологии и этнографии Российской АН и Лингвистической секции Неофилологического общества при ЛГУ. Для подведения итогов дискуссий и разработки применения латинского алфавита была образована комиссия во главе с академиком Л. В. Щерба. В 1926 г. в Баку на I-м Всесоюзном тюркологическом

съезде, посвященным вопросам латинизации письменности тюркоязычных народов, был создан Центральный комитет нового тюркского алфавита, впоследствии преобразованный во ВЦКНА. В задачи ВЦКНА входило также создание алфавитов для бесписьменных народов СССР. В результате деятельности ВЦКНА 20 народов СССР перешли на «новый алфавит», 50 народов впервые в истории получили письменность [ЛЭС.:89–90].

Над проектами тувинской письменности на основе новотюркского алфавита, как вспоминал А.А.Пальмбах в своем выступлении на научной конференции, посвященной 30-летию тувинской письменности (1960 г.), работа велась параллельно в Москве и Ленинграде. Она выполнялась такими известными учеными-лингвистами, специалистами по восточным языкам, уже имевшими опыт работы над национальными письменностями, как Евгений Дмитриевич Поливанов (Москва) и Николай Николаевич Поппе (Ленинград).

В Ленинграде работа над проектом тувинской письменности проводилась в Тюркологическом кабинете Института языка и мышления АН СССР под руководством С.Е.Малова. «Были установлены фонетические особенности современного тувинского языка и с учетом этих особенностей разработан проект алфавита на основе НТА» (новотюркского алфавита).

Как отмечает Б.И.Татаринцев, А.А.Пальмбах не случайно опустил здесь имя того исследователя, который установил фонетические особенности тувинского языка и создал проект тувинского алфавита. Это было имя Н.Н. Поппе, которое в 1960 г. нельзя было упоминать «открытым текстом». Вместе с тем, о Поппе как исследователе звукового строя тувинского языка в связи с проектированием им тувинского алфавита на основе НТА прямо сказано в кандидатской диссертации А.А.Пальмбаха «Опыт изучения тувинской письменности в связи с условиями образования и развития национального литературного языка», защищенной 10 мая 1941 г., когда имя Н.Н.Поппе еще не находилось под запретом.

В своей статье о тувинском алфавите, опубликованной в 1929 г., Н.Н.Поппе указывал, что поводом к ее написанию явилось обращение Правительства Тунгус-Тувинской Народной Республики (Тувинской Народной Республики) в Наркомат иностранных дел (НКВД) СССР с просьбой оказать содействие в деле создания тувинской письменности. По этому вопросу НКВД обратился в Академию наук, которая и поручила разработку этого вопроса Н.Н.Поппе [Татаринцев 2000.71].

Время указанного обращения пока точно неизвестно. Известно другое: созданию тувинской письменности на основе латиницы предшествовал проект на русской графической основе, реализованный в «Букваре для тувинских детей», который был подготовлен в ТНР Бузыкаевым и Брюхановым и изданный в Москве Издательством народов Востока в 1927 г. тиражом в 4 тысячи экземпляров. Прежде всего, этот учебник интересен тем, что в нем отражен звуковой состав тувинского языка, его основные отличия от звуков русского языка путем выделения некоторых букв при помощи диакритических знаков, не выходя из рамки русского алфавита. Предложенный авторами алфавит явился прообразом современного тувинского алфавита на основе русской графики [Бичелдей 2000.:121–123].

Важной причиной отказа от уже готового и изданного в достаточно большом количестве экземпляров учебника является, с одной стороны, массовый переход в 1930-х гг бесписьменных и младописьменных тюркоязычных народов на графику на основе латиницы, с другой стороны, важное значение имела мысль о неприемлемости русского алфавита для тюркских народов, так как этот алфавит исторически связан с русификаторской политикой царской России. Активным сторонником латинизации не только тюркских, но и русского письма был

А.В.Луначарский. Он приводил свои воспоминания о беседе с Лениным, в которой обнаружилась полная поддержка тем идеи латинизации русского письма. Ленин, по словам Луначарского, говорил так: «Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно».

Дело не ограничилось обсуждением, были сделаны даже некоторые практические шаги. Так, в 1929 г. Народный Комиссариат просвещения РСФСР образовал комиссию по разработке вопроса о латинизации русского алфавита. В протоколе заседания этой комиссии от 14 января 1930 г. читаем: «Признать, что латинизацию русского алфавита следует понимать как переход русской письменности и печати на единый для всех народов СССР интернациональный алфавит на латинской основе, – первый этап к созданию всемирного интернационального алфавита. Переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит на латинской основе – неизбежен» [Выдрин 2005].

Поэтому для тувинского языка переход на графику на основе русского алфавита в тот момент был бы преждевременным актом, что и определило отказ от данного варианта.

Проект Н.Н. Поппе ранее получил официальное одобрение, но затем от него отказались. Одной из причин отказа явилось, по-видимому, то, что со второй половины 20-х гг. тюркоязычные народы (в основном те, что жили на территории СССР) в массе своей начали переходить на латинизированные письменности, которые создавались на общей основе – едином новотюркском алфавите (НТА), разработанном советскими учеными, и руководство ТНР решило последовать примеру других.

Исходя из сказанного, можно предложить, что то обращение в НКВД, о котором упоминал в своей статье Н.Н. Поппе, было направлено примерно в конце 1927–начале 1928 г. Именно в 1927 г. руководство ТНР приняло решение о разработке национальной письменности, или, как тогда предпочитали говорить, государственной письменности.

Власти ТНР, вернее, ее провосточное направление (с ориентацией на Монголию и опору на собственные силы), дали задание создать латинизированную письменность тувинским ламам, в первую очередь Монгушу Лопсан-Чинмиту и его товарищам. Проект алфавита Лопсан-Чинмита коренным образом отличался от проекта Н.Н.Поппе. В частности, он имел иную основу, нежели последний, созданный, как уже упоминалось, на основе новотюркского алфавита (НТА).

По неясным причинам Лопсан-Чинмит не пошел по этому пути: он разработал свой проект на основе одного из действующих западноевропейских алфавитов. По словам Куулара Дондука, «он (Лопсан-Чинмит) взял за основу современный немецкий алфавит, внес в него кое-какие изменения ... и составил новый тувинский алфавит».

Следует сказать, что изменения оказались значительны. Изменен был уже сам порядок букв: в алфавите Лопсан-Чинмита идут сначала все гласные (10 букв), а затем – согласные (18 букв). Подобный порядок характерен для алфавита старописьменного монгольского языка, а также и для других восточных алфавитов. Кроме того, было сильно изменено международное чтение (значение) ряда букв.

Вследствие подобной специфики алфавит Лопсан-Чинмита значительно отделился от своей основы – одного из западноевропейских алфавитов. Вместе с тем, этот проект оказался также далек и от систем письма, разработанных на основе новотюркского алфавита, что, наряду с резким обострением политической

борьбы в 1929 г., определило дальнейшую судьбу проекта.

Сторонники же просеверного (просоветского) направления обратились в Наркомат иностранных дел СССР с просьбой оказать содействие в деле создания такой письменности. Наркомат в связи с этим обратился в Академию наук СССР, руководство которой дало соответствующие поручения ученым.

В Москве, как отмечал А.А.Пальмбаха, разработку проекта тувинской письменности вели Лингвистическая комиссия Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) и кафедра родных языков Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) под руководством известного языковеда-полиглота Е.Д. Поливанова.

Е.Д.Поливанов, как и Н.Н.Поппе, тоже активно участвовал в языковом строительстве. Ему принадлежит более двадцати работ по истории и практике латинизации письменностей. Он создал и первый проект латинизированной письменности для узбекского языка.

Е.Д.Поливанов разработал также и проект тувинской письменности, а на его основе – букварь, работа над которыми велась зимой 1928–1929 гг. и названия которых отражены в списке найденных работ Е.Д.Поливанова.

Что произошло с указанными работами по тувинскому языку, точно не известно. На их судьбу могли повлиять некоторые обстоятельства жизни Е.Д. Поливанова. В конце 1928 – начале 1929 г. он выступил против так называемого «нового учения о языке» академика Марра, которое, в духе того времени, считалось «революционным» и «марксистским», после чего Поливанов подвергся травле и репрессиям, был смещен со всех занимаемых им должностей и вынужден был уехать в Среднюю Азию. В 1937 г. Е.Д.Поливанов был арестован, а в начале 1938 г. погиб.

Н.Н. Поппе в конце 1928 или начале 1929 г. закончил работу над проектом тувинского алфавита, получившего одобрение Совета Тюркологического кабинета, после чего он 21 февраля 1929 г. через Наркомат иностранных дел был передан в Полпредство ТНР в Москве. В том же году была опубликована статья Н.Н.Поппе «Заметки по фонетике танну-тувинского языка в связи с вопросом об алфавите», где содержалась характеристика основных звуков (фонем) тувинского языка и их письменные фиксации, приводился сам алфавит, а также излагались соображения по тувинской орфографии.

Между тем отношение к проекту Н.Н.Поппе со стороны руководства ТНР изменилось (с учетом также разработок Е.Д.Поливанова) – в первой половине 1930 г. было завершено создание тувинской национальной письменности. На заключительном этапе Н.Н.Поппе и работники КУТВа трудились над проектом тувинской письменности уже совместно, о чем можно судить, в частности, по материалам архива А.А.Пальмбаха, где сохранился написанный его рукой и относящийся скорее всего к 30-м гг. набросок структурного плана главы монографии, одним из пунктов которого значится «Проект тувинского алфавита Поппе и КУТВа». Работа велась при участии тувинцев-студентов КУТВа и включала в себя разработку правил орфографии и составление учебных пособий [Татаринцев 1993: 18].

В июне 1930 г. в Туву прибыла специальная научная экспедиция, которую возглавлял проректор КУТВа Л.Д. Покровский и которая привезла с собой готовый проект письменности и тираж букваря для взрослых (более 4 тыс. экземпляров). После обсуждения проекта и внесения некоторых дополнений в алфавит 28 июня 1930 г. был издан декрет о введении тувинской национальной письменности. Эта дата широко отмечается общественностью Тувы, хотя история письменности на введении латиницы здесь не завершается.

Создание тувинской национальной письменности является выдающимся событием в истории тувинского народа [Аранчын 1971: 23]. Отмечая его юбилей, мы с благодарностью должны вспоминать тех, кто стоял у колыбели тувинской письменности, кто вложил свой труд в дело ее создания и внедрения. Это, прежде всего, непосредственные участники составления, обсуждения и принятия разных проектов тувинского алфавита московские и ленинградские ученые Н.Н.Поппе, Е.Д.Поливанов, С.Е.Малов, Н.Ф.Яковлев, К.А.Алавердов, А.А.Пальмбах и другие и помогавшие им, учившиеся в то время в СССР тувинские студенты С.Лопсан, Н.Товарищтай, С.Бугажык, Д.Данзын-оол и др. Это и создавшие свой проект тувинского алфавита тувинские ламы М.Лопсан-Чинмит и Севээн. Это организаторы работы в Туве по внедрению национальной письменности – председатель Комитета государственной письменности О.Ч.Данчай, министр культуры С.К.Тока и др. Это авторы тувинских букварей и учебных пособий по тувинскому языку, выходявших в разное время, А.И.Москалев, А.А.Соколов, К.А.Алавердов, П.Сат (Сат Бугажык), А.М.Сухотин, С.Д.Танов, С.С.Лопсан, М.Д. Биче-оол, С.А.Сарыг-оол, Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах, Л.Б.Чадамба, А.М. Белек-Баир, И.Ч.Эргил-оол, Х.С.Алдын-оол, Ш.Ч.Сат, В.С.Чылбак, А.А.Алдын-оол, К.Б. Март-оол и др. Это многочисленные культурмейцы 30-х гг., которые руководили кружками по изучению тувинской письменности. Это работники печати, издававшие газеты и книги.

Письменность на латинизированной основе просуществовала в Туве около полутора десятков лет. Она сыграла важную роль в поднятия грамотности тувинцев до 85% к 10-летию тувинской письменности – к 1940 г. вместо 1,5% в конце 20-х гг., когда в Туве выступал в качестве письменного старописьменный монгольский язык. Новая письменность дала возможность организовать на тувинском языке обучение детей в школах, издание газет и книг, делопроизводство на местах и в центре, благодаря ей начала зарождаться современная тувинская литература. В целом латинизированная письменность явилась весьма важным этапом в развитии тувинской письменности. Но она сегодня представляет для нас главным образом исторический интерес [Монгуш 2001: 4].

В 1941 г. руководство ТНР приняло решение о переводе тувинской письменности с латинизированной на русскую графическую основу, т.к. в 1936–1941 гг. «новый алфавит» для большинства языков СССР был заменен алфавитами на основе русской графики. Затем несколько лет шла подготовительная работа к переходу к новому алфавиту.

На самом деле русский алфавит совсем не чужд для тувинского языка. Ведь кириллица уже использовалась не только в проекте Бузыкаева и Брюханова, но и в конце XIX в. русскими учеными-языковедами В.В.Радловым и Н.Ф.Катановым при фиксации тувинских слов с помощью так называемой русской академической транскрипции, известной под названием «радловской».

Что касается последнего варианта алфавита на основе русской графики, то ее разработку проводила в Туве специально созданная комиссия, научное руководство осуществлялось А.А.Пальмбахом, сыгравшим в создании письменности на русской (кириллической) основе главную роль. Окончательный переход тувинской письменности на указанную основу состоялся в 1944–1945 гг., к моменту вхождения Тувы в состав СССР.

Как пишет Д.А.Монгуш, 10 июля 1941 г. ЦК ТНРП и Совет Министров ТНР утвердили новую письменность на основе русского алфавита. Полный перевод тувинской письменности на русскую осуществлен в середине 40-х гг., когда Тувинская Народная Республика уже вошла в состав России (СССР)

[Монгуш 2001:4]. Алфавит новой письменности содержит в себе 36 знаков – взяты все буквы русского алфавита и добавлены к ним 3 знака (**ң, ө, ү**): а, б, в, г, д, е, е, ж, з, и, й, к, л, м, н, ң, о, ө, п, р, с, т, у, ү, ф, к, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я.

Отметим, что именно тувинская графика на основе кириллицы в течение почти 70 лет достаточно успешно выполняет свою функцию – быть тувинским национальным алфавитом, единообразно используемым как система тувинской письменности, и всецело обслуживает любую печатную продукцию на тувинском языке наравне с функцией быть графической основой всех видов рукописных записей любой формы и содержания на тувинском языке. Таким образом, в настоящее время нет оснований бить тревогу о том, что действующая тувинская графика не справляется или плохо справляется со своей основной функцией.

Проблема графики в другом: в свое время при создании тувинского алфавита на основе русской графики, кроме чисто лингвистического подхода, в плане использования фонетического, а в необходимых случаях, и морфологического принципов при создании тувинского алфавита, был использован и политический принцип – принцип максимального приближения тувинской фонетики и алфавита к русской фонетике и алфавиту с учетом господствовавшей в то время идеи о постепенном формировании единой советской нации и единого языка на основе нивелирования и, возможно, исчезновения национальных языков. Такой подход в значительной мере отрицательно сказался на алфавите в том смысле, что особые звуки тувинского языка не получили своего отражения в графике, а в орфографии некоторые, весьма значительные и своеобразные фонетические явления и закономерности были «максимально приближены» к аналогиям в русской орфографии. Подобная ситуация до определенного времени создавала лишь некоторые неудобства и возникали отдельные вопросы о степени совершенства действующей тувинской графики и орфографии.

С момента вступления в силу Закона Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» (декабрь 1990 года), определившего статус тувинского языка как государственного языка Республики Тыва наряду с общефедеральным государственным статусом русского языка, создались благоприятные условия для постепенного расширения общественных функций тувинского языка и значительно увеличился объем печатной продукции, издаваемой на тувинском языке. Изменившаяся языковая ситуация на первый план выдвинула «дремавшую» необходимость совершенствования тувинской графики и орфографии. Косвенным катализатором и научной основой назревшей реформы явилось завершение комплексного теоретического исследования звуковой системы тувинского языка, которое позволяет максимально бережно и точно осуществить эту далеко непростую задачу [Бичелдей 2005: 20].

Таким образом, есть все основания считать, что Тува имеет почти пятнадцативековую историю бытования письменностей разных систем и форм на своей территории, и этот процесс завершился созданием в 1930 г. тувинской национальной письменности на латинской основе, ее сменила кириллица, которая и поныне успешно выполняет функцию тувинской национальной письменности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аранчын Ю.Л.* Институт за четверть века // Учен. зап. Тув. НИИ яз., лит. и истории. Вып. 15. – Кызыл, 1971.
- Бичелдей К.А.* Бузыкаев и Брюханов – авторы первого учебника тувинского языка на основе русской графики // Башкы. – Кызыл, 2000, №5–6. – С.121–123.
- Бичелдей К.А.* Проблемы совершенствования графики и орфографии современного тувинского языка // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы. – Кызыл, 2005. – С.20–28.
- Выдрин А.* Языковая политика в Узбекистане. Фитрат, Поливанов, Сталин и другие... // <http://www.analitika.org/article.php?story=2005082912590548>
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. – М., 1997.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь.* – М., 1990.
- Материалы по ламскому вопросу в Туве /* Рукописный фонд ТИГИ, д.11, лл.191–196.
- Монгуш Д.А.* Развитие тувинского языка в советскую эпоху // Учен. зап. Тув. НИИ яз., лит. и истории. – Кызыл, 1967. – Вып. XII. – С. 96–107.
- Монгуш Д.А.* Тувинская письменность (современное состояние и перспективы) // Гуманитарные исследования в Туве. – М., 2001. – С.3–13.
- Татаринцев Б.И.* 75-летие создания тувинской национальной письменности // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы. – Кызыл, 2005. – С.17–20.
- Татаринцев Б.И.* К истории изучения тувинского языка (20–30-е годы) // Вопр. тувинского языкознания. – Кызыл, 1993. – С.18–24.
- Татаринцев Б.И.* К истории создания тувинской письменности. Н.Н.Поппе // Башкы. – Кызыл, 2000, № 2. – С. 71–77.
- Тубтен Лобсан, Бавуу-Сюрюн М.В.* Использование, бытование тибетского письма в Туве // Становление и развитие науки в Туве. – Кызыл, 2000. – Ч.1. – С.19–21.

К.А. Bicheldey. 80 years old Tuvian writing system: formation, development, prospects

Summary. In the author's opinion Tuva has nearly fifteen centuries old history of existence of writing systems of different forms on its territory, and this process ended in 1930 with creation of Tuva national writing system based on Latin, which was replaced by Cyrillic script, which still serves well as Tuva national writing system.

Key words: Old Turkic texts, national writing system, Old Mongol written language, Tibet writing system.

К ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТЕКСТОВ

Д.М.Насилов, г. Москва

Резюме. Для современной тюркологии важен вопрос, каким образом вводить языковой материал памятников древнетюркских языков в построения исторической грамматики. Без разведения истории литературного языка и истории отдельного диалекта, как это отражено в памятнике, использование его данных оказывается непродуктивным. В тюркологии уже предложены такие методики стратификации древнетюркского текста. Расширение подобных исследований остается важной задачей тюркской текстологии.

Ключевые слова: древнетюркские тексты, историческая грамматика, литературный язык, диалект, стратификация текста.

Памятники рунической письменности – это удивительное явление в культурной жизни тюркоязычных народов. В этом – 2010 – году вспомним только несколько знаменательных дат в их истории. Прошло 1465 лет со времени, когда на арене мировой истории впервые в 545 г. н.э. зазвучал этноним «тюрк», зафиксированный в китайских анналах; минуло 1459 лет с тех пор, как Бумын стал каганом Первого тюркского каганата (551 г.), и прошло 1300 лет со времени создания Второго тюркского каганата под руководством Кутлуга, ставшего Эльтериш-каганом (689/690 г.). Это – даты гражданской истории тюрков.

А теперь три исключительно важные даты в их культурной истории – это 732, 735 и, вероятно, 720/725 г.; от этого времени нас отделяют, соответственно, 1278, 1275 и 1290/1285 лет. Указанные даты знаменуют собой годы возведения трех знаменитых стел в бассейне рек Орхон и Тола – памятников Кюль-тегину, Билге-кагану и Тоньюкуку. Мы привыкли легко говорить: «545 год, или 735 год, или 689 год», но когда мы видим количество отделяющих наши дни от тех исторических событий лет и понимаем, что здесь речь идет о почти тысяче пятистах годах или тысяче трехстах годах, мы можем, как мне представляется, осознать и глубину прошедших событий, и масштаб поразительных достижений тех далеких предков современных тюркских народов, которые создали первые в их истории государственные объединения и оставили потомкам первые литературные тексты.

И еще насколько дат. Прошло 280 лет с момента знакомства европейской науки с тюркскими рунами (появление книги Ф.-И.Страленберга, 1730 г.), 120 лет с открытия орхонских стел Н.М.Ядринцевым (1889 г.), 117 лет со дня исторического доклада В.Томсена о расшифровке рунического алфавита (1893 г.) и 116 лет с публикации В.Радловым первых переводов памятников (1894 г.). Немного позднее Радлов включил в свои исследования и памятники рунического письма из бассейна Енисея. С этого времени началось последовательное освоение лингвистического богатства орхон-енисейских памятников рунической письменности, которое было дополнено также руническими текстами Уйгурского каганата. Еще одна дата: в 1940 г., т.е. 70 лет тому назад, было завершено Хусейном Намыком Оркуном первое в Турции издание корпуса известных

рунических памятников, которое создало фактическую базу для изучения этих текстов в Турции и других странах. Для отечественной тюркологии. это 1951–52 гг., когда были изданы книги С.Е.Малова, возродившие российскую рунологию.

Итак, сотни лет стелы с надписями на древнейшем тюркском языке простояли в степях Центральной Азии и вот уже они более ста лет изучаются лингвистами, литературоведами и историками. И что здесь поразительно: древнетюркские тексты не только остаются первым и единственным автохтонным источником сведений о языке и жизни тюркских племен в раннем средневековье, но и оказались источником неисчерпаемым и до сих пор до конца еще не освоенным.

Первый развернутый грамматический очерк языка рунических орхон-енисейских памятников составлен В.В.Радловым в 1897 г. За прошедшие 113 лет осуществлено несколько полных грамматических описаний этого языка, среди которых в первую очередь следует назвать труды Т. Текина (первое издание 1968 г.), Г.Айдарова (1971 г.) и А.Н.Кононова (1980 г.), а также более кратких очерков его основных грамматических категорий, вошедших в энциклопедические издания или учебные пособия (А.Габен, В.М.Насилов, О.Прицак, И.А.Батманов, И.В.Кормушин и др.); кроме того, опубликовано большое количество статей, в которых рассматриваются частные вопросы грамматики или лексики языка памятников рунической письменности.

Наряду с специальными грамматиками языка только этих памятников существуют известные всем грамматики так называемого «древнетюркского языка» («Alttürkisch, Old Turkic»). Это понятие объединяет язык письменных текстов, по содержанию весьма разнообразных, написанных на разных алфавитах, созданных в разных географических регионах и на протяжении нескольких веков. С хронологической точки зрения этот период определяется как «древнетюркская эпоха», крайней границей которой принимается время экспансии монголов и возникновение империи Чингис-хана.

Первой такой грамматикой был классический труд А.Габен «Alttürkische Grammatik» (первое издание 1941 г.) Здесь «древнетюркский язык» представлен в двух группах памятников: 1) во всех памятниках рунической письменности; 2) в памятниках «(древне)уйгурского» языка, происходящих из Восточного Туркестана. Новейшей грамматикой «древнетюркского языка» является фундаментальная работа М.Эрдала «A Grammar of Old Turkic» (2004 г.). В этой работе указанные выше две группы памятников дополнены третьей группой – памятниками, созданными в государстве Караханидов. Однако всё равно хронологической границей всех привлеченных языковых материалов остается подчинение Центральной Азии монголам. Кстати, именно В.В.Радлов в 1910 г. первым на основе языковых критериев отнес все тюркоязычные памятники к двум большим периодам и ареалам: 1) древнетюркские памятники Восточной Азии домонгольского времени; 2) среднетюркские памятники Средней и Западной Азии и Европы после распада монгольской империи; «образование монгольского государства является естественной границей обоих периодов», – писал он.

Усилиями тюркологов нескольких поколений к настоящему времени достаточно полно изучен и описан грамматический строй языка указанных письменных памятников и в ряде лексикографических работ обобщен их лексический фонд.

Современная тюркология делает большие успехи в разработке сравнительно-исторической грамматики тюркских языков и в создании исторических грамматик отдельных тюркских языков. В связи с этим встает

важный вопрос о том, каким образом можно использовать языковой материал памятников древнетюркского языка в построениях тюркской исторической грамматики. Из этого вытекает, что необходимо четко квалифицировать функциональный статус данного языка и определить, какую форму существования языка отражают указанные памятники письменности. На первом месте стоят, естественно, памятники рунической письменности, поскольку они сохранили древнейшее состояние тюркского языка VIII в.

В.В.Радлов был первым тюркологом, который увидел в этих памятниках письменный литературный язык, распространенный среди тюркских племен в составе Второго тюркского каганата. Приведу его высказывание: «Языковой продукт народа состоит из двух стоящих рядом языковых миров: разговорные диалекты отдельных племенных групп, подвергающиеся взаимному влиянию, и письменный язык (или языки), который имеет независимое от диалектов развитие в возвышающихся в течение времени различных культурных центрах. Поэтому разговорный язык в своих диалектах и искусственный (т.е. литературный. — *Д.Н.*) язык, зафиксированный на письме, суть собственно несоизмеримые величины, которые должны рассматриваться с разных точек зрения». Понятно, почему именно Радлов сформулировал это правило. Во-первых, он был в своё время лучшим знатоком многих живых тюркских языков (точнее – диалектов), с которыми он работал в России, и поэтому мог на практике понимать различный статус существовавших в то время письменно-литературных форм тюркских языков, форм разговорных и фольклорных. Во-вторых, он имел полное право так сказать о древнетюркских текстах, поскольку они отвечают всем критериям, которые современное языкознание и социолингвистика выдвигают к понятию «литературный (или литературно-письменный) язык».

Среди этих критериев следует указать такие: 1) художественная обработанность, 2) стилистическое разнообразие, 3) наличие некоторой языковой нормы, 4) наддиалектная форма существования, т.е. обслуживание через письменность носителей разных диалектов, 5) наличие регионального варьирования при сохранении художественно-изобразительных и языковых традиций. Функционирование литературной формы языка в конкретном языковом коллективе (языковой общности людей) определяется конкретной языковой ситуацией (также важное понятие современной социолингвистики). В укреплении функций и распространении литературного языка первейшую роль играет письменность и уровень владения ею носителями данного языка, т.е. грамотность населения. Первым собственно тюркским алфавитом стало руническое письмо, созданное во Втором тюркском каганате. Изучение функционально-стилистического аспекта рунических и других древнетюркских текстов дает очень интересные результаты [Стеблева 1965; 1976; 2007; Тугушева 2001; Tekin 2003; Uzer 2008].

Современное понимание литературного языка как особой формы существования языка требует проводить четкое различие между 1) историей литературного языка и 2) историей народно-разговорного языка.

История литературного языка предполагает рассмотрение языка письменных текстов не только в грамматическом отношении, но прежде всего как функционально-стилистические реализации определенных жанров соответствующими художественно-изобразительными средствами; при этом учитываются типологические особенности литературных традиций, проблемы нормированности языка и его региональные вариации.

История народно-разговорного языка включает в себя историю развития грамматического строя и лексики тюркских языков (диалектов) начиная от

общетюркского состояния и историю конкретного тюркского языка с момента его выделения из общетюркского (общегруппового) состояния.

Таким образом, ныне признанное в общем языкознании положение о наддиалектном статусе языка литературного текста и наличии особого его отношения с языком разговорным и разными диалектами, было сформулировано в российской тюркологии в самом начале XX в. Оно было поддержано и развито учениками и последователями В.В. Радлова – А.Н.Самойловичем, С.Е.Маловым, А.Н.Кононовым, А.К.Боровковым и другими тюркологами, которые работали с письменными памятниками.

Новый этап плодотворного развития этих идей связан с именем Э.Р. Тенишева, который в 70-е гг. XX в. посвятил данной научной проблеме ряд публикаций [Тенишев 1977; 1979; 1981; 1988]. Это было вызвано, во-первых, возросшим уровнем развития лингвистической науки о тюркских языках и, во-вторых, началом работы российских тюркологов над сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков. Итоги этой работы ныне всем известны: это шесть томов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», опубликованных в 1984–2006 гг. под редакцией Э.Р.Тенишева.

Именно работа над сравнительно-исторической грамматикой снова остро поставила вопрос о возможности использования данных письменных памятников в языковых реконструкциях. К тому времени в тюркологии были изданы и грамматически описаны практически все письменные тексты, относящиеся к кругу древнетюркских (около 200 рунических текстов из разных регионов), основные памятники древнеуйгурского языка, тексты эпохи Караханидов; кроме того, были в большом количестве опубликованы памятники из Центральной, Средней и Малой Азии последующих периодов в истории тюркских народов.

Практически все издатели памятников отмечали неоднородность представленного в них языка, наличие грамматических и лексических явлений, характерных для разных групп тюркских языков – огузско-уйгурской, карлукской, кыпчакской. Эти особенности породили в тюркологии представление о «смешанном» языке большинства памятников, в том числе и древнетюркских. Их язык представлялся как некая «бессистемная» совокупность разных грамматических форм и лексем, произвольно используемых авторами литературных произведений. В тюркологии к тому времени, к сожалению, не были выработаны общепризнанные и стандартные приёмы вычленения в языке памятника базовой, ведущей грамматической системы и диалектных включений. Такое положение ограничивает возможность использования материала письменных памятников в разработке исторической грамматики.

В этих условия наиболее достоверной базой могут стать прежде всего данные тюркских диалектов. Именно на этом репрезентативном материале построена изданная сравнительно-историческая грамматика под редакцией Э.Р.Тенишева, и внимательный читатель там почти не увидит ссылок на письменные памятники.

Однако письменные памятники остаются важным источником данных об определенных этапах развития литературного языка, в котором наряду с традиционными (в некоторых случаях и архаическими) языковыми формами фиксируются, как говорилось, и диалектные факты соответствующего хронологического периода. Важно только расчленить эти явления, развести их хронологически и географически (топографически) на основе специальной методики. Эта методика базируется в первую очередь на учете общих закономерностей возникновения и развития литературных языков, на выделении базового диалекта или койне, легших в основу данного литературного языка и на

форме отражения этих явлений в изучаемом тексте, на системном анализе текста, на учете функционально-стилистических особенностях данного текста, на реконструкции соответствующей языковой ситуации при создании памятника. Здесь тюркологам помогает опыт изучения истории литературных языков в государствах Европы и других регионов, а также достижения современной текстологии и социолингвистики. Ещё раз следует подчеркнуть, что без указанной процедуры, т.е. разведения истории литературного языка и истории отдельного диалекта, как это отражено в изучаемом памятнике, использование языковых фактов этого памятника для исторической грамматики оказывается непродуктивным.

В самой же тюркологии в этом направлении пока сделано еще очень мало. Российские тюркологи работают над данной проблемой и достигли известных успехов в выработке теории и методики рассматриваемого текстологического анализа. Здесь можно указать на методику сопоставительного анализа лексики средневековых тюркских памятников, которую использовал Э.Наджиб. Системное изучение лексики памятника XIII в. «Хосрау и Ширин» Кутба с разграничением лексем разных хронологических стратов и сопоставлением их с современными формами позволило более точно определить статус этого литературного языка, показать его хронологические рамки и наметить связи с разговорным языком той эпохи [Наджиб 1979].

Очень интересную и продуктивную методику стратификации языка памятника письменности разработала Г.Ф.Благова, показав ее на материале ряда именных и глагольных категорий. Она применила действенную методику текстологического анализа, когда язык памятника членится на страты, отражающие, с одной стороны, систему языка и, с другой стороны, подсистемные, точнее сказать, пока еще внесистемные языковые элементы, соседствующие с первой. Г.Ф.Благова системные элементы определяет как «базисные», а вторые – как «периферийные». Базисные элементы отражают языковую норму, опирающуюся либо на предшествующие литературно-языковые традиции, либо на сложившийся в данном языковом сообществе стандартный тип языка. В то же время периферийные компоненты характеризуют вариативность этой нормы. Так, например, еще в 1977 г. на примере склонения в «Кутадгу билиг» Г.Ф.Благова выявила в этом тексте базисную систему карлукско-кыпчакского типа, определила периферийный характер архаичных огузских форм и показала литературно-жанровую обусловленность использования несистемных падежных форм в целях рифмы и других художественных приёмов [Благова 1977; 1982].

Используя разработанную Г.Ф.Благовой методику, Ф.Ш.Нуриева на обширном материале ранних литературных памятников Поволжья доказала, что формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка началось в период Золотой Орды. В это время в Поволжском регионе происходит становление и укрепление койне кыпчакского типа, которое через письменно-литературную форму начинает приобретать качество литературной нормы. Именно эта литературная норма легла в основу того варианта литературного языка, который в тюркологии принято называть «поволжским тюрки» [Нуриева 2004].

Конечно, изучение в этом плане каждого письменного текста требует больших усилий и времени, поскольку здесь подключаются статистические методы обработки языковых фактов и их системная интерпретация. Однако результаты такого анализа дают репрезентативный материал и для истории литературных языков, и для исторической грамматики конкретного тюркского языка. Поэтому расширение подобных исследований остается важной задачей

современной тюркской исторической текстологии, источниковедения и исторических грамматических разработок.

Точно также требует, как нам представляется, такого подхода и весь корпус древнетюркских текстов начиная с памятников рунической письменности. А многочисленные древнеуйгурские памятники до сего времени остаются практически вне этой линии изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Благова Г.Ф. О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов // *Вопр. языкознания*, 1977, № 3. – С. 86–100.

Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. – 304 с.

Наджит Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: Кн.1. – М.: Наука, 1979. – 480 с.

Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. – Казань: Изд-во Казан. госун-та, 2004. – 376 с.

Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI–VIII вв. – М.: Наука, 1965.

Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М.: Наука, 1976.

Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков. – М.: Вост. лит-ра, 2007.

Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // *Сов. тюркология*, 1988, № 1. – С. 67–85.

Тенишев Э.Р. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка // *Социальная и функциональная дифференциация литературных языков*. – М.: Наука, 1977. – С. 61–78.

Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // *Вопр. языкознания*, 1979, № 2. – С. 80–91.

Тенишев Э.Р. О наддиалектной природе языка караханидско-уйгурских письменных памятников // *Типы наддиалектных форм языка*. – М.: Наука, 1981. – С.266–277.

Тугушева Л.Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 176 с.

Tekin T. Orhon yazıtları. – İstanbul: Yıldız, 2003. – 152 s.

User H.Ş. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları.– Konya: Kömen, 2009. – 548 s.

Nasilov D.M. To historical linguistic interpretation of Old Turkic texts.

Summary. In modern Turkology the question how to enter the material of old Turkic monuments into constructions of historical grammar is important. Without separation of history of a literary language and history of specific dialect as it is reflected in the monument, use of its data appears unproductive. In Turkology such techniques of stratification of Turkic text are offered. Expansion of similar researches remains an important task of Turkic textual criticism.

Key words: Old Turkic texts, historical grammar, literary language, dialect, stratification of text.

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛЕКСИКИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ¹**

В.И.Рассадин, г.Элиста

Резюме. Одним из недостатков методики современных алтаистических исследований является недооценка сугубо лексикологических приемов анализа слов. В рамках сравнения семантических групп следует привлекать не только общие слова, но и все термины, причем более показательны термины, являющиеся общеязыковыми или межъязыковыми. Некоторый лексический материал показывает, что предки монгольских народов вели оседлый или полуседлый образ жизни со стойловым содержанием скота и заготовкой сена, что не было свойственно древним тюркам, занимавшимся вольным выпасом скота на степных просторах.

Ключевые слова: алтаистика, лексические параллели, лексикологический анализ, семантическая группа, семантический метод.

Хотя вопрос о родстве основных алтайских языков – тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских – поставлен еще в середине XVIII в., до сих пор он остается не решенным. Современное состояние алтаистики также не оставляет надежд на его успешное решение. Очевидно, это дело будущего.

Одним из недостатков методики алтаистических исследований, по сути дела разновидности сравнительно-исторических изысканий, является недооценка сугубо лексикологических приемов анализа словарного состава гипотетически родственных языков. Совершенно справедливо отмечала в свое время В.И.Цинциус, что словарный материал алтаистами использовался главным образом для установления основных фонетических соответствий между подходящими словами из языков алтайской семьи [Цинциус 1971: 78]. Мы считаем, что до сих пор не утратил силу, но стал актуальнее ее призыв, гласящий буквально следующее: «... полагаем, что для проверки и подтверждения достигнутых алтаистикой результатов, а также для выявления дополнительных доказательств генетической общности алтайских языков в целом, необходимо раздвинуть рамки фактического материала и углубить методику его анализа. Одним из наиболее эффективных способов подбора новых лексических (и, следовательно, одновременно также фонетических и морфологических) параллелей является обзор словарного запаса языков алтайской семьи по широким тематическим разделам» [Там же]. При этом, корректируя данное высказывание, следует отметить, что рассмотрение лексики алтайских языков в составе определенных тематических групп, семантических гнезд поможет выявить не только сходные, так называемые генетически родственные общеалтайские элементы, наличие большого количества которых априори предвидят в каждой

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-04-00178а).

такой группе ортодоксальные алтаисты, но и фактические расхождения, различные заимствования, т.е. позволит объективно оценить степень и глубину как сходства, так и различия этих языков. Здесь мы целиком солидарны с С.Е. Яхонтовым, считающим, что «...свидетельством родства является отнюдь не многочисленность общих элементов; родственные языки, если они разошлись достаточно давно, могут сохранить очень мало общих слов. Доказательно не число совпадений, а характер их распределения по семантическим группам. Не имеет значения также судьба какого-либо одного слова, рассматриваемого в отдельности, вне своей семантической группы» [Яхонтов 1971: 112]. Для лексикологических исследований в области алтаистики весьма и весьма важным является вывод С.Е.Яхонтова о том, что «...в языках родственных (т.е. имеющих общее происхождение) наиболее многочисленные и убедительные лексические совпадения обнаруживаются в пределах устойчивых групп лексики, причем внутри каждой группы слова наиболее употребительные совпадают чаще, чем второстепенные. В языках же, сблизившихся в результате конвергенции и составляющих (или составлявших в прошлом) языковой союз, большинство общих слов относится к области культуры, а в других областях они обозначают сравнительно менее важные понятия; в семантических группах, мало проницаемых для заимствований, наиболее употребительные слова не совпадают – каждый из языков, образующих союз, имеет здесь собственную лексику» [Там же].

Поскольку наряду с ортодоксальной алтаистикой есть мнение, что столь поразительное сходство между современными алтайскими языками, особенно между монгольскими и тюркскими, является не следствием их генетического родства, а результатом их длительной конвергенции и взаимовлияния, установление реального объема сходжений и расхождений между этими языками на уровне лексики как раз и возможно при помощи исследования их словарного состава в рамках семантических групп. Мы считаем, что привлекать для сравнения следует не только общие слова, но все термины, в т.ч. и не сходные, представленные в рассматриваемых группах. При этом более показательным обращением к терминам, являющимся для конкретных групп языков общеязыковыми или межъязыковыми, т.е. желательно сопоставлять выявленные обще- или межтюркские, общемонгольские и т.д. термины.

Учитывая большую важность этого семантического метода для исследования лексики алтайских языков, нами была сделана попытка применения его для изучения словарного состава монгольских и отдельных тюркских языков по некоторым семантическим группам [Рассадин 1981: 97–119; 1984: 55–80; 1987: 64–75].

Такой подход к изучению лексики одного конкретного языка, но на алтаистическом фоне, позволил получить совершенно неожиданные результаты. Охарактеризуем некоторые из них.

Так, сравнительно-исторический анализ монгольской лексики, относящейся к рыболовно-охотничьей, куда мы включили названия не только орудий, оружия, приспособлений и приемов охоты и рыболовства, но и объектов промысла – диких животных и рыб, показал, что почти все основные термины, входящие в эту семантическую группу, являются общемонгольскими и почти все они восходят к прамонгольскому языку. Это свидетельствует о том, что древним прамонголам, пользующимся в ту пору единым, еще не разветвившимся впоследствии языком, была присуща охота на таежных зверей и птиц и добыча рыбы при помощи как сетей, так и остроги (лучение рыбы) и крючков.

Интересно, что среди этих общемонгольских названий таежных копытных и пушных зверей, а также хищников нет, как правило, тюркских параллелей, а только тунгусо-маньчжурские. Ср., например: монг. *хандагай* «лось» ~ тюрк.

булан «лось»; монг. *гөрөөс гөрүгэсүн* «олень», «косуля» ~ тюрк. *кийик*, *кулмүз* (самец косули), *элик* (самка косули); монг. *гахай*, *бодон гахай* «свинья, кабан» ~ тюрк. *кабан*, *чочка*, *доңгуз*; монг. *хүдэри* «кабарга» ~ тюрк. *табырга*; монг. *чоно* «волк» ~ тюрк. *бөрү*; монг. *баабгай* «медведь» ~ тюрк. *алыг*, *азыг*, *айу*; монг. *үнэгэн* «лиса» ~ тюрк. *тилки*; монг. *хэрмэн* «белка» ~ тюрк. *тийиң* и т.д. При этом тюркские параллели выявились лишь к обозначениям диких степных животных типа «кулан», «дзерен», «лев», «шакал», а также горных: «козерог», «архар», «барс». Сквозными общеалтайскими терминами оказались лишь названия, связанные с изюбром (маралом). Ср., например: монг. *буга* ~ тюрк. *бугу* ~ тунг.-м. *бугу*, *бүхэ* «бык изюбря»; монг. *согоон* ~ тюрк. *сыгун* ~ тунг.-м. *согон*, *сэхэ* «самка изюбря». Большинство же терминов, имеющих параллели в других алтайских языках, принадлежат либо к тюрко-монгольским соответствиям, либо к монголо-тунгусо-маньчжурским (это названия лося, косули, кабана, северного оленя, россомахи, колонка, барсука, белки-летяги, мыши, бурундука, т.е. животных, характерных для таежной зоны). Интересно, что обобщенное название дикого зверя – *аң* – является общим лишь для тюркских и монгольских языков (ср.: тунг.-м. *бэйнгэ*, *бэюн*).

Если обратиться к терминам, обозначающим издревле типичное оружие и снаряжение охотника, сформировавшиеся еще в первобытную эпоху, а это – копье, нож, топор, лук, стрела, то увидим следующую картину:

<u>тюрк.</u>	<u>монг.</u>	<u>тунг.-м.</u>	<u>значение</u>
<i>сүңгү</i>	<i>джида</i>	<i>геда</i> , <i>гида</i>	копье
<i>бычақ</i>	<i>кытуга</i>	<i>кото</i>	нож
<i>балта</i>	<i>сүкэ</i>	<i>сукэ</i>	топор
<i>йа</i>	<i>нумун</i>	<i>бэр</i>	лук
<i>оқ</i>	<i>сумун</i>	<i>нюр</i>	стрела

Материал показывает, что только названия лука и стрелы самобытны в каждом из алтайских языков, названия же древнейших видов оружия: копья, ножа, топора общи лишь между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Тюркские термины стоят особняком.

Сравнение основных терминов рыболовства показывает полную самобытность каждого из алтайских языков в рамках этой семантической группы. Ср. некоторые примеры:

<u>тюрк.</u>	<u>монг.</u>	<u>тунг.-м.</u>	<u>значение</u>
<i>балық</i>	<i>джигасун</i>	<i>(х)олло</i>	рыба
<i>қармақ</i>	<i>гахуули</i>	<i>хинна</i>	удочка
<i>илмек</i>	<i>гөхү</i>	<i>каман</i>	крючок
<i>тор</i>	<i>гувчуур</i>	<i>адыл</i>	сеть
<i>чанчқы</i>	<i>сэрэгэ</i>	<i>бадār</i>	острога
		<i>аркивун</i>	
<i>сүген</i>	<i>гүр</i>	<i>кэнгэр</i>	морда
<i>туғ</i>	<i>шибэгэ</i>	<i>уки</i>	запруда

Таким образом, этот беглый обзор одной лексико-семантической группы, отражающей, правда, древнейшее занятие охотой и рыболовством, предшествовавшими животноводству, показывает самобытный характер базовых терминов в каждой из групп алтайских языков. Наиболее существенными и показательными здесь оказываются монголо-тунгусо-маньчжурские соответствия. Наименее всего проявляются тюрко-монгольские связи.

Проведенный нами сравнительно-исторический анализ терминов другой, не менее обширной семантической группы, относящейся к животноводству и

включающей не только названия домашних животных, но и термины, связанные с содержанием и хозяйственным их использованием, показал, что тюрко-монгольские соответствия охватывают названия крупного рогатого скота, верблюда, овец и коз и все названия продуктов, получаемых из молока. Названия же, связанные с коневодством, в тюркских языках самобытны (ср.: тюрк. *ат* «конь», *бе* «кобыла», *кулун* «жеребенок», *тай* «жеребенок-двухлетка»), а монгольские термины (ср. соответственно монг. термины *морин*, *гэгү*, *унаган*, *дагаган*) имеют полные аналогии в тунгусо-маньчжурских языках (ср.: тунг.-м. *морин*//*мури*н «конь», *гэо*//*гбг*, *гэг* «кобыла», *унахан*//*унакән* «жеребенок»). В тюркских языках не выработалось общетюркских терминов, связанных с стойловым содержанием скота в хлевах и заготовкой сена. В монгольских языках бытуют общемонгольские термины: *хүрийэ*, *хашига* «загон для скота», *хотон* «стойка», *дал* «теплый хлев», *хажуур* «коса для кошения сена», *хадаху* «косить сено», *хадаланг* «покос», *бухал* «копна сена», *цомоо* «стог сена» и т.п., которые имеют полные соответствия в тунгусо-маньчжурских языках. Это свидетельствует о том, что предки монгольских народов вели оседлый или полuosедлый образ жизни со стойловым содержанием скота и заготовкой сена, что не было свойственно тюркам, занимавшимся вольным выпасом скота на степных просторах.

Нам представляется, что представленный метод исследования семантических групп лексики следует применять гораздо чаще, так как его последовательное использование при анализе словарного состава алтайских языков поможет по-новому взглянуть на лексические параллели, позволит реально оценить схождения и расхождения алтайских языков, их историческую глубину.

ЛИТЕРАТУРА

Рассадин В.И. К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. – Новосибирск: Наука, 1981. – С.97–119.

Рассадин В.И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Удэ, 1984. – С.55–80.

Рассадин В.И. Охотничье-рыболовецкая лексика в шорском языке // Дialectная лексика тюркских языков Сибири. – Новосибирск, 1987. – С.64–75.

Цинциус В.И. Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков // Проблемы общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971.

Яхонтов С.Е. Лексика как признак родства языков // Проблемы общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971.

V.I.Rassadin. About semantic method of research of Altay languages.

Summary. One of the drawbacks of methods of modern researches of Altay languages is undervaluation of purely lexicological techniques of word analyses. While comparing semantic groups not only common words should be analyzed, but also terms, especially common language and interlingual terms. Some lexical material shows that ancestors of Mongol peoples had sedentary or semi-sedentary life with farm animal housing and haymaking, which was not common for ancient Turkic peoples who preferred unrestricted cattle grazing in steppe.

Key words: altayistics, lexical parallel, lexicological analysis, semantic group, semantic method.

**О ФУНКЦИЯХ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ПАДЕЖА
В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Р.А.Закиров, г.Наб.Челны

Резюме. В статье на материале древнеуйгурских литературных текстов рассматриваются значения и функции инструментального падежа на *-(u)n*. Показаны разнообразные вариации значений при обстоятельственном употреблении этих словоформ. Данные свидетельствуют о продуктивности показателя *-(u)n* в древнеуйгурском языке, в то же время отмечена тенденция к адвербиализации словоформ с этим показателем.

Ключевые слова: адвербиализация, древнеуйгурский язык, инструментальный падеж, значения, функции, место в падежной парадигме.

В современных тюркских языках имеются наречия типа татарских *кышын* 'зимой', *язын* 'весной', *кичен* 'вечером', *иртэн* 'утром'. Конечный согласный *-n* с огласовкой ученые практически единодушно возводят к показателю древнего инструментального (творительного, орудного, орудийного, инструктивного, комитативного) падежа [Ганиев 2005: 297].

Особенности функционирования этого ныне неупотребительного в тюркских языках падежа с аффиксом *-in* довольно детально изучены на материале тюркских рунических [Кононов 1980: 159–160], караханидско-уйгурских [Нигматов 1989: 66], староана-толийских [Гузев 1987: 96–98] памятников. На материале текстов древнеуйгурского литературного языка (IX–XIII вв.) функции *-in* специально не анализировались, что порой приводит к не соответствующим действительности выводам об этом падеже в языке древнеуйгурских памятников [Сравнительно-историческая 1988: 36].

Э.Р.Тенишев выделил в этих памятниках в качестве основного значения данного падежа значение орудийности [Тенишев 1953: 57]. М. Эрдал, отмечая вариативность огласовки *-n* в текстах разных периодов и написанных на разных алфавитах, обращает внимание на значения показателя *-in*, которые выявляются при использовании словоформ в их обстоятельственных функциях [Erdal 2004: 378–380, 467].

Как показали наши наблюдения, в древнеуйгурских текстах в парадигме склонения имен существительных *-in* ведет себя как «живое» падежное окончание. Причем, вопреки мнению о том, что кроме редких исключений в тюркских рунических памятниках, аффикс инструментального падежа присоединяется только к чистым основам без словоизменительных аффиксов [Сравнительно-историческая 1988: 104], в древнеуйгурских памятниках встречается немало примеров, когда *-in* располагается после показателей множественного числа и принадлежности. Приведем примеры из самого крупного древнеуйгурского памятника «Алтун ярук» (X в.): *terkin tavratı jügrük atlarin qoşuyluq qanlıda olurup* 'Поспешно сев в экипаж, запряженный быстрыми

конами' [Кауа 1994: 625, 5], *isig öz alimčtilarimniñ javlaq köñülläri šašilsin tip tijü ünümin idi üzmädin qiqıra bartim* 'Я беспрестанно кричал своим голосом: "Пусть придут в смятение злые души отнимающих жизнь" [Кауа 1994:12, 8]. В отдельных случаях показатель инструментального падежа располагается и после двух других словоизменяемых аффиксов: *nečä mänin täñrim sizni ögmäkdin jükünmäkdin turmiš bujanlarimniñ kirsiz tapčasız köñülüüm süzülmäklig arıy turuy edgü qilinlarimniñ qut qolunu bujan evirermen* 'Сколько добра, испрашивая благословения, совершаю я, мой повелитель, своими благодатными поступками, состоящими из восхваления Вас, поклонения [Вам], своим чистым сердцем [и] истинными добрыми делами' [Кауа 1994: 124,3].

Инструментальный падеж в древнеуйгурском литературном языке имеет довольно широкий круг значений. Самым продуктивным является значение орудия (средства осуществления) действия: *tikä qulyaqın jüyilimiš köñülin tıñlasınlar* 'Пусть они слушают острым ухом, внимательно (букв: сосредоточенным сердцем)' [Кауа 1994: 581, 17], *amru üzüksüz ašin içkün kädimin adruq tapıyın uduyın jemä tapınsar udunsar* 'Если постоянно окажут почтение (буддам) едой, одеждой, разным служением' [Кауа 1994: 464, 17], *oqın jüräkimkä ursuqmıš teg siqilurmen emgäkin* 'Я подавлен горем, словно мое сердце пронзено стрелой' [Кауа 1994: 621, 8].

В качестве особой разновидности общего значения орудности можно рассматривать и обозначение материала: *jiti erdinin itiglig ed tavarlar* 'Украшенные семью драгоценностями богатства' [Кауа 1994: 190, 1].

Много примеров на значение образа, способа совершения действия, когда имя в инструментальном падеже выполняет синтаксическую функцию обстоятельства: *bu darnıy üzükün jañılmadin sözläsün* 'Пусть он произносит это заклинание по слогам без ошибок' [Кауа 1994: 484, 4].

Продуктивное в языке тюркских рунических памятников [Кононов 1980:159] значение совместности, соучастности (комитатив) в древнеуйгурских текстах встречается реже: *anası qatın baliqda ordi içintä olurup biš jüz qızlar quvraqın tägirmiläjü qavšatıp* 'Его мать-госпожа сидела в городе внутри дворца, окружив (себя) пятьюстами служанками' [Кауа 1994: 632, 15].

Немногочисленны и примеры на обстоятельственно употребление формы инструментального падежа в значении времени или места совершения действия, объема: *sansarlıy qaraqudın künin keçmiš* 'За день он преодолел мрак сансары' [Кауа 1994: 71, 7].

Характерной особенностью древнеуйгурского языка является распространное присоединение показателя инструментального падежа к прилагательным с аффиксом наличия, обладания *-lig* и, особенно, отсутствия *-siz*: *bodi tıgmä jorıyda inčkülügin meñiligin ornantıñiz ersär* 'Если вы спокойно и радостно (со спокойствием и радостью) устроились в жизни, называемом бодхи' [Кауа 1994: 381, 17], *emgäksizin terk kejä bütürsüz işlärig* 'Вы без мучений, быстренько закончите дела' [Кауа 1994: 492, 2].

Нетрудно заметить, что в приведенных примерах прилагательные после присоединения аффикса *-in* подверглись адвербиализации. Вообще, в языке древнеуйгурских памятников часты примеры, когда прилагательные с аффиксом *-in* употребляются как приглагольные определения, т.е. наречия: *meñü nirvanlıy baliqqa örügün amilin ornatađı erürsüz* 'Вы спокойно поселитесь в городе вечной нирваны' [Кауа 1994: 654, 119].

Это дает основание для утверждения о том, что в древнеуйгурском языке делалась попытка формального различения имен прилагательных и наречий в разных синтаксических функциях (определения и обстоятельства) при помощи аффикса *-in*. Аналогичное явление наблюдается и в ранних памятниках караханидско-уйгурского литературного языка [см.: Нигматов 1989: 66].

Нередко встречаются случаи также обстоятельственной функции у составного аффикса *-maksiz̄in*, словоформа с которым непосредственно связана с глаголом–сказуемым: *toymaql̄i ölmekli tilgende tinmaqsiz̄in tegzinür* '[Они] беспрестанно вращаются в колесе рождения и смерти [Кауа 1994: 367, 19]'; *jana šakituni teḡri burqañı turqaru unıtmaqsiz̄in öjejin saqıñayn* 'И я постоянно, не забывая, буду думать и размышлять о божественном будде Шакья-Муни'.

В целом же, в древнеуйгурском литературном языке инструментальный падеж функционировал довольно активно, хотя отдельные словоформы с аффиксом *-in* проявляют тенденцию к адвербиализации.

Тщательное изучение функционирования инструментального падежа в тюркских памятниках разных эпох позволит однозначно решить вопрос как о причинах исчезновения этого падежа, так и о конкретных способах словообразования современных наречий с формантом *-in* (лексико-грамматический или суффиксальный).

ЛИТЕРАТУРА

Ганиев Ф.А. Современный татарский литературный язык: Суффиксальное и фонетическое словообразование. – Казань: Дом печати, 2005.

Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980.

Нигматов Х.Г. Функциональная морфология тюркоязычных памятников XI–XII вв. – Ташкент: Фан, 1989.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв.ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1988.

Тенишев Э.Р. Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск»: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1953.

Erdal M. A Grammar of Old Turkic. – Leiden: Brill, 2004.

Кауа С. Uygurca Altun Yarıuk. Giriş, metin ve Dizin. – Ankara, 1994. (Все примеры даны по этому изданию. *Первые цифры* – номер листа рукописи, *вторые* – номер строк на странице.)

R.A.Zakirov. About functions of instrumental case in Old Uygur literary language

Summary. The article on the material of Old Uygur literary texts deals with meanings and functions of instrumental case (with *-(i)n* ending). It shows different variations of meanings when these word forms are used in adverbial function. Facts prove productiveness of *-(i)n* indicator in Old Uygur language, at the same time tendency of adverbialization of word forms with this indicator has been specified.

Key words: adverbialization., Old Uygur language, instrumental case, meanings, functions, place in case paradigm.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИНТЕРФИКСАХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Ф.А.Ганиев, г.Казань

Резюме. Некоторые словообразовательные и грамматические суффиксы, имеющие в своем составе интерфиксы, в современных тюркских грамматиках и исследованиях рассматриваются как единый аффикс, без вычленения в них собственно суффикса и интерфикса. В данной статье доказывается наличие в тюркских языках одного из типов аффиксов – интерфиксов. Отсюда вытекает вывод о необходимости уточнения структуры известной части суффиксов тюркских языков (типа *-выч/-веч*, *-вык/-век*, *-шар/-шәр*).

Ключевые слова: аффикс, интерфикс, префикс, звукокомплекс, татарский язык.

Аффиксы по месту положения относительно корня или основы слова делятся на:

- 1) префиксы, или приставки, помещаемые перед корнем, например, в русском языке *у-* (*уехать*), *вы-* (*выехать*), *при-* (*приходить*), *пере-* (*переходить*);
- 2) суффиксы, присоединяющиеся к корню или основе после них;
- 3) инфиксы, встречающиеся в середине слова и выражающие грамматические значения, например, в английском языке (*stood* «стоял» и *sta+n+d* «стоять»);
- 4) интерфиксы, служащие для связи корней со служебными морфемами или другими корнями, например, в русском языке (*шоссе+й+ный*, *дом+о+строй*);
- 5) конфиксы, представляющие комбинацию из приставки и суффикса, например в русском языке (*за+читать+ся*, *за+речь+е*, *под+окон+ник*);
- 6) флексии, окончания и т.д. [Лингвистический 1990: 59].

В языках мира имеются и другие виды аффиксов, например в арабском языке.

Приведенная выше классификация аффиксов представляет собой деление их по месту положения в слове.

Существует еще другая классификация аффиксов – по функции, т.е. функциональная классификация.

Так, в тюркских языках распространен один из видов аффиксов – суффиксы. По функциям они делятся на словообразовательные, грамматические, лексико-грамматические, стилистические (эмоциональные).

Словообразующими суффиксами, например, в татарском языке являются *-чы/-че* (*таш* «камень» – *ташчы* «каменщик»), *-даш/-дәш* (*авыл* «село» – *авылдаш* «односельчанин»), *-лык/-лек* (*матур* «красивый» – *матурлык* «красота», *таш* «камень» – *ташлык* «каменистое место»).

К грамматическим суффиксам в татарском языке относятся служебные морфемы, выражающие, например, значения падежей (*юл* «дорога» – именительный падеж, *юл+дан* – исходный падеж, *юл+га* – направительный падеж), показатели категории времени, например, *-ды/-де* (*-ты/-те*) – суффикс прошедшего категорического времени (*кил+де* «пришел», *кайт+ты* «вернулся», *уку+ды* «читал») и т.д.

К стилистическим (эмоциональным) можно отнести суффиксы *-кай/-кай* (*бала+кай, сандугач+кай, иптәш+кай*) и *-чык/-чек* (*китпа+чык, өстәл+чек*).

В тюркских языках, в том числе в татарском языке, встречаются некоторые суффиксы, образующие как новые лексические единицы, так и грамматические формы. Например, суффикс *-ыш/-еш/-ш* в глаголе *эшлә+ш* «помочь работать» выражает значение содействия, в *торкылда+ш* «курлыкать – о многих» выражает значение множественности, в *урла+ш* «заниматься воровством» – значение постоянства. Все эти значения передают семантику взаимно-совместного залога. Вместе с тем этот же суффикс может образовать новые лексические единицы, не относящиеся к категории залога (*коры+ш* «вянуть», *әче+ш* «киснуть», *авы+ш* «наклоняться», *ал+ыш* «схватиться»). Этот суффикс, как видно, выражает как лексическое, так и грамматические значения.

В общем языкознании эти функции обозначаются терминами: 1) деривационные; 2) реляционные; 3) деривационно-реляционные 4) экспрессивные.

В тюркских языках, в том числе в татарском языке, по месту положения в слове кроме суффиксов, следующих за корнем и основной, имеются и интерфиксы, также представляющие один из видов аффиксов. Как было сказано выше, интерфиксы – это аффиксы, служащие для присоединения служебной морфемы, т.е. суффикса, к корню или основе. Нами это явление было отмечено в 1974 г. [Ганиев 1974: 95–96].

Как показывает исследование морфологической и словообразовательной структуры тюркских языков, в них на границе корня или основы и суффикса встречается интересное явление, а именно интерфиксация, на которую тюркологи до сих пор не обращали и не обращают внимания.

Интерфиксы, например, в морфологической и словообразовательной структуре русского языка занимают значительное место. Так, интерфикс «л» встречается между корнем и суффиксом: *суди+(л)+ище, вмести+(л)+ище* (ср. *убежище*), интерфикс «й» – в словах *кофе+(й)+ный, шоссе+(й)+ный* (ср. *сахар+ный*), интерфикс «н» в словах *чити+н+ский* (ср. *лондон+ский*) [Земская 1973: 105–113].

В морфологической и словообразовательной структуре тюркских языков наблюдаются следующие интерфиксы: «й», «в» («w»), «н», «ш», «с» и т.д.

Так, в татарском языке в формах будущего категорического времени между корнем или основой глагола, оканчивающимися на гласную, появляется интерфикс «й»: *эшлә+(й)+әчәк* «будет работать», *чәрелдә+(й)+әчәк* «будет шепетать», *укы+(й)+ачак* «будет читать», *сана+(й)+ачак* «будет считать», *сөйлә+(й)+чәк* «будет говорить». По правилам действующей орфографии эти формы времени передаются как *эшләячәк, чәрелдәячәк, укыячак, санаячак, сөйләячәк*.

Примечание. Иногда говорят и пишут *сөйлиячәк*, что неправильно, ибо суффикс *-ачак/-әчәк* присоединяется не к форме настоящего времени *сөйли*, а к основе глагола – *сөйлә*.

В 3-х томной грамматике татарского языка приведен суффикс *-ячак/-ячәк* (*-йачак/-йәчәк*) как показатель будущего категорического времени (*уйла+ячак* «будет думать» и *эшлә+ячәк* «будет работать») [Татарская 1993: 122]. Как явствует из сказанного выше, в татарском языке нет суффикса *-йачак/-йәчәк*. В этом звукокомплексе элемент «й» не относится к составу указанного суффикса, он является типичным интерфиксом, соединяющим суффикс *-чак/-әчәк* и корень или основу глагола с исходом на гласную. Отнесение *-ячак/-ячәк* к показателю будущего времени является досадной ошибкой.

Встает вопрос, почему в данном случае появляется интерфикс «й» между корнем или основой и суффиксом *-ачак/-эчэк*. Это объясняется тем, что между корнем или основой, оканчивающимися на гласную фонему, и суффиксом *-ачак/-эчэк*, начинающегося с гласной, образуется внутреннее зияние (хиатус) – стечение двух гласных. Для ликвидации этого зияния в языке используется вставной согласный, что и представляет собой интерфикс. Вообще для татарского языка не характерно стечение двух гласных рядом в одном слове. Русский язык тоже стремится избегать стечения двух гласных, например, в разговорном языке слово *поэзия* произносится *по+^й+эзия*, слово *океан* произносится *оке+^й+ан*.

Для тюркских языков, в том числе для татарского языка, весьма интересным является интерфикс «в» («w»). В татарском языке имеются словообразующие суффиксы *-ык/-ек* (*ват+ык*, *бастыр+ык*) и *-ыч/-еч* (*юан+ыч*, *сөөн+еч*, *үкен+еч*, *таян+ыч*). При присоединении данных суффиксов к корням и основам, оканчивающимся на открытые гласные, между этими гласными и суффиксами *-ык/-ек* и *-ыч/-еч* возникает дополнительный вставной элемент – согласный «в» («w»). Например, в татарском языке: *яна+(в)+ыч* «брусок для заточки косы», *терә+(в)+еч* «подпорка», *капша+(в)+ыч* «щупальце», *чорна+(в)+ыч* «моталка», *үлчә+(в)+еч* «весы», *ялтыра+(в)+ык* «блестящий», *яңгыра+(в)+ык* «водопад», *шалтыра+(в)+ык* «побрякушка», *тупла+(в)+ык* «лежбище», *лыгырда+(в)+ык* «болтун», *ләңгердә+(в)+ек* «тявкуча» (о собаке); в туркменском языке: *ойна+(в)+ач* «игрушка», *елпе+(в)+еч* «веер», *шагла+(в)+ык* «водопад», *жүрле+(в)+ек* «свисток»; в каракалпакском языке: *шырма+(в)+ык* «плющ», *шытырда+(в)+ык* «побрякушка», *дэҗыла+(в)+ык* «плакса». Однако и туркменские и каракалпакские тюркологи звукокомплексы *-вач/-веч*, *-вык/-век* рассматривают как единый показатель, не вычлняя в них интерфиксы и суффиксы [Басаков 1952: 214; Туркменско-русский 1988: 448].

Данные примеры показывают, что элемент «в» ни в какой мере не входит в состав суффикса *-ыч/-еч* и *-ык/-ек*. Он является интерфиксом, возникающим на границе суффикса и корня или основы.

Можно привести еще примеры на интерфиксы в разных тюркских языках. Так, очень четко выделяется интерфикс «ш» («с») в разделительных числительных, которые образуются при помощи суффикса *-ар/-эр*; например, татар. *бер+эр* «по одному», *өч+эр* «по три», *дүрт+эр* «по четыре», *биш+эр* «по пять», *сигез+эр* «по восемь», *ун+ар* «по десять»; тур. *bir+er* «по одному», *dörd+er* «по четыре», *sekiz+er* «по восемь», *beş+er* «по пять»; кар.-балкар. *бир+ер* «по одному»; ног. *он+ар* «по десять», *бес+ер* «по пять».

В тюркских языках при присоединении к числительным, оканчивающимся на гласные, суффикса *-ар/-эр*, начинающегося с гласной, также регулярно возникает интерфикс «ш» («с»); например, татар. *ике+(ш)+ар* «по шесть», *жиде+(ш)+эр* «по семь», *егерме+(ш)+эр* «по двадцать»; тур. *iki+(ş)+er* «по две», *altı+(ş)+ar* «по шесть», *elli+(ş)+er* «по пятьдесят», *yedi+(ş)+er* «по семь»; ног. *алты+(с)+ар* «по шести», *ике+(с)+ер* «по две»; кар.-балкар. *тёртю+(ш)+ер* «по четыре», *ону+(ш)+ар* «по десять», *беши+(ш)+ер* «по пять», *алты+(ш)+ар* «по шесть».

Как видно, появляющийся в разделительных числительных вставной звук «ш» («с») не является исконным элементом звукокомплекса *-шар/-шэр*. В последнем имеется два компонента: суффикс *-ар/-эр* и интерфикс «ш» или «с», служащий для устранения зияния (хиатуса) между корнем или основой слова и суффиксом.

В тюркских языках третье лицо категории принадлежности в единственном числе выражается суффиксом *-ы/-е*: *ат – ат+ы, эт – эт+е, китап – китаб+ы, дэфтар – дэфтар+е*. Но когда корень или основа оканчиваются на открытый гласный звук, между ним и суффиксом *-ы/-е* появляется интерфикс «с»: *ата – ата+с+ы, эби – эби+с+е, һава – һава+с+ы, алма+с+ы*.

Отсюда можно заключить, что, в частности, в татарском языке в парадигме категории принадлежности отсутствует суффикс *-сы/-се*. Этот звукокомплекс членится на интерфикс «с» и суффикс *-ы/-е*. Представляется, что иная трактовка неадекватно отражала бы грамматическую природу данного суффикса.

В исследованиях иногда интерфиксы рассматривают как асемантические морфемы, что, видимо, неправильно. При первом приближении к выделению интерфиксов в тюркских языках мы тоже были склонны их интерпретировать как асемантические элементы. В данном случае все интерфиксы выполняют ярко выраженную языковую функцию, поэтому их невозможно считать нефункциональными (асемантическими). Вообще, следует отметить, что в тюркских языках практически отсутствуют асемантические элементы.

В тюркских языках выделяется еще один вид аффикса – приставка (префикс), правда, в ограниченном количестве. Он встречается в словах, где корень (или основа) является тюркским по происхождению, а префикс заимствованием. Если же корень слова заимствован вместе с суффиксом и представляет одно целое заимствование, то эта структура не членится на значимые морфемы с точки зрения синхронной морфологии тюркских языков, поэтому такие лексемы не представляют тюркское словообразование (*антифриз, гипербола*). Здесь же речь идет о структурно выделяемых частях слова в тюркских языках, когда одна из его частей является тюркской.

Так, в татарском языке встречаются слова с заимствованной приставкой *анти-* и с татарской основой (*антикисәкчә* «античастица», *антиҗисемнәр* «антитела», *антидөнъя* «антимир»), в узбекском языке тоже есть образования такого типа (*серёғ* «жирный», *серсув* «многоводный», *сертук* «волосистый») и т.д. [Ўзбек 1977: 216–217].

В татарском языке имеют место слова с другой приставкой – служебной морфемой *гипер-*: *гипер+тавыш* «гиперзвук», *гипер+тавышлы* «суперзвуковой», *гипер+кибет* «гипермаркет»; они членятся на структурные значимые части с точки зрения татарского языка.

Можно еще привести примеры с вычленяемой морфемой *ультра-*: *ультра+тавыш* «ультразвук», *ультра+кыска* «ультракороткий», *ультра+кызыл* «ультракрасный», *ультра+миләүшә* «ультрафиолетовый», *ультра+кыскадулкынлы* «ультракоротковолновый». Здесь элемент *ультра-* в современном татарском языке представляет морфему, присоединяемую слева к корню или основе. Такое же образование наблюдается и в узбекском языке: *ультратовуш* «ультразвук».

Как видно, в татарском языке, как и других тюркских языках, имеются приставки, заимствованные из других языков и представляющие в современном состоянии языка вычленяемые служебные морфемы – аффиксы.

Таким образом, языковой материал показывает, что в тюркских языках по месту положения имеется три вида аффиксов:

- 1) суффикс, присоединяемый к корню или основе после них;
- 2) интерфикс внутри слова, соединяющий служебную морфему и корень или основу;
- 3) приставка, присоединяющаяся спереди к корню или основе слова.

Отсюда вытекает первый вывод о том, что употребление общего родового термина «аффикс» для обозначения суффикса не раскрывает сущности обозначаемой морфемы по месту её положения.

Каждая из имеющихся служебных морфем в тюркских языках должна обозначаться своим термином: 1) служебная морфема, идущая впереди корня или основы – приставка; 2) служебная морфема, соединяющая корень или основу с суффиксом – интерфикс; 3) служебная морфема, идущая после корня или основы – суффикс (постфикс). Использование термина «аффикс» для обозначения суффикса – это всё равно, что, например, в ботанике назвать *березу* родовым термином *дерево* и использовать последний везде и всюду вместо видового термина *береза*. На наш взгляд, в тюркологии дальше так продолжаться не может.

Из изложенного следует второй вывод о том, что звукокомплексы типа *-выч/-веч*, *-вык/-век*, *-ячак/-ячэк*, *-шар/-шэр*, *-сы/-се* и т.п., которые в тюркских грамматиках рассматриваются в качестве единых суффиксов, на самом деле таковыми не являются. Поскольку в звукокомплексах *-выч/-веч*, *-вык/-век* элемент «в» («w»), в *-ячак(-ячэк)* / *-йэчэк(-ячэк)* элемент «й», в *-шар/-шэр* элемент «ш», в *-сы/-се* элемент «с» представляют собой интерфиксы, служащие для ликвидации зияния (хитатуса) между корнем или основой с исходом на гласную и служебной морфемой, начинающейся с гласного звука.

Включение без соответствующих комментариев этих показателей в указанных формах в современные тюркские грамматики, в том числе и татарские, представляется нам досадным недоразумением. Мы полагаем, что в тюркологии накоплен достаточный теоритический и фактический материал для понимания сущности таких звукокомплексов как состоящих из двух служебных морфем – суффикса и интерфикса.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Т. I. – М., 1952.
Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литера-турном языке. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974.
Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973. – С.105–113.
Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
Татарская грамматика, II, Морфология. – Казань, 1993
Туркменско-русский словарь. Краткий грамматический очерк. – М.: Русский язык, 1988.
Ўзбек тили морфем луғати. – Тошкент: Ўқитувчи, 1977.

Ganiev F.A. To the question of interfixes in Turkic languages

Summary. Some word forming and grammatical suffixes that comprise interfixes are considered as one affix in modern Turkic grammar books and researches, i.e. without dividing them into suffixes and interfixes. This article shows presence of interfixes in Turkic languages. Therefore structure of a number of suffixes in Turkic languages (e.g. *-vych/-vech*, *-vyk/-vek*, *-shar/-sher*) should be specified.

Key words: affix, prefix, sound complex, Tatar language.

**О ФОРМИРОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)**

А.В.Есипова, г.Новокузнецк

Резюме. Статья посвящена проблеме формирования словообразовательного значения. В ней анализируются разные подходы к определению содержания понятия «словообразовательное значение» и устанавливаются причины разнообразия взглядов на его природу. Автор описывает пути формирования многозначности словообразовательных аффиксов, принципы выделения общего и частных сло-вообразовательных значений, прямых и переносных.

Ключевые слова: грамматика тюркских языков, семантика, словообразование, языки Южной Сибири, шорский язык.

В отечественной тюркологии понятие «словообразовательное значение» разработано недостаточно глубоко, а словообразовательная семантика еще ждет своего детального описания. Словообразовательное значение рассматривают обычно в отрыве от словообразовательной формы. Исследователи, как правило, не указывают о каком словообразовательном значении идет речь: о словообразовательном значении аффикса, производного слова, аффиксальной общности слов или словообразовательной модели. Это приводит к тому, что в один термин вкладывается разное содержание. Тюркологи не учитывают также многокомпонентный характер словообразовательного значения аффикса и специфики его участия в формировании аффиксальных общностей производных, а также особенности координации значений мотивирующей основы и словообразовательного форманта и др. При таком подходе действительно сложно разобраться в сущности словообразовательного значения.

В данной статье рассматривается формирование словообразовательного значения, а именно: 1) анализ различных подходов к определению содержания понятия «словообразовательное значение», 2) определение разных видов словообразовательных значений, 3) формирование многозначности словообразовательных аффиксов, выделение общего и частных словообразовательных значений

В языкознании существует разные подходы к определению словообразовательного значения. Словообразовательное значение выводится только из значения аффикса или из значения мотивирующей основы, приравнивается к общему значению, придаваемому аффиксом группе однотипных слов, или понимается как семантическое приращение к значению слова, передающееся словообразовательными средствами. Оно определяется из отношения производящего и производного слова, трактуется как повторяющаяся семантическая «разность» производной и производящей основ или как повторяющаяся «сумма» значений производящей основы и словообразовательного форманта. Считается также, что в

формировании словообразовательного значения участвует как аффиксальная, так и мотивирующая часть производного слова, при ведущей роли последней.

Такие различия в понимании природы словообразовательного значения проистекают, прямых и переносных значений. Из того, что исследователи не учитывают уровень обобщения, выражаемого конкретным аффиксом, моделью производного слова и моделями аффиксальных общностей производных слов разной сложности. В сущности, в данных подходах нет предмета для спора, так как они касаются разных сторон формирования словообразовательного значения и поэтому не сопоставимы, однако могут быть объединены в иерархически организованную систему словообразовательных значений.

Словообразовательное значение, понимаемое как значение, изменяющее значение первичной основы, вносящее в него ту или иную модификацию [Винокур 1959: 425], относится к словообразовательному аффиксу. Известный тезис о том, что: «Значение суффикса, реализуется только в соединении с производящей основой, да еще в сопровождении определенной системы флексий. Поэтому правильно было бы говорить не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря, о значении образца» [Янко-Триницкая 1963: 85], касается словообразовательного значения модели производного слова.

Общее значение, придаваемое суффиксом целой группе однотипных слов и отличающее их от других производных основ [Максимов 1975: 23–25], характерно для аффиксального объединения слов, создаваемого на базе общности части речи производящих основ. Ведь однотипные слова – это слова, образованные от слов одной части речи посредством одного и того же доминирующего словообразовательного аффикса.

Словообразовательное значение, трактуемое как соотношение между лексическими значениями производных слов и их производящих основ как их семантическое различие [Лопатин, Улукханов 1980: 135; Моисеев 1987: 25–29; Ишбаев 2000: 44–45], подходит для словообразовательного значения аффиксальной общности слов более высокого уровня обобщения, так как здесь не указана категориальная принадлежность производящих основ.

Общее словообразовательное значение, соответствующее деривационному шагу, т. е. отношению производящего и производного слова (например, «признак, имеющий отношение к признаку», «субстанция, имеющая отношение к процессу», «процесс, имеющий отношение к субстанции» и т. д.), может быть рассмотрено как словообразовательное значение определенной части речи [Соболева 1970]. Значение мотивирующей основы участвует в формировании частных значений словообразовательного аффикса.

Большое разнообразие подходов к определению содержания понятия «словообразовательное значение» обусловлено тем компонентом, который считается ведущим в формировании словообразовательного значения. В.И.Максимов и И.С.Улукханов подчеркивают, что деривационное значение выражается только словообразовательным аффиксом [Максимов 1975: 23–25; Улукханов 1977: 10].

Р.С.Манучарян, хотя и считает аффикс самодостаточным и основным носителем словообразовательного значения, отмечает его функциональную несамостоятельность, вследствие чего значение аффикса является лишь его семантической потенциальностью, реализация и актуализация которой зависит, прежде всего, от внутрисловного контекста [Манучарян 1975: 373]. На наш взгляд, здесь прослеживаются

два не связанных между собой момента. Словообразовательный аффикс, как любая аффиксальная морфема действительно функционально несамостоятелен, но это его свойство никак не влияет на словообразовательное значение, которое он выражает. Являясь языковым знаком, он имеет и план выражения, и план содержания. В то же время значение аффикса как носителя словообразовательного значения определенной аффиксальной общности слов конкретизируется именно внутрисловным контекстом. Сравните, например, образование имен существительных в турецком языке, обозначающих название языка какого-либо народа. Это происходит посредством присоединения к основе-названию национальности аффикса *-ça / -çe* [Севортян 1966: 118; Баскаков 1989: 960; Мельчук 1997: 290; Мансурова 2008: 536]: тур. *Fransız* 'француз' – *Fransızça* 'французский язык', *Türk* 'турок' – *Türkçe* 'турецкий язык', *Rus* 'русский' – *Rusça* 'русский язык', *Alman* 'немец' – *Almança* 'немецкий язык'. Очевидно, что значение производного слова формируется путем координации значений дериватемы «язык народа» и названия национальности: тур. *Fransız* 'француз' ↔ *=ça* 'язык народа' → *Fransızça* 'язык народа француз' → 'язык французов', 'французский язык'. Аналогично формируется значение и других производных слов в отдельности. Однако для выражения общего словообразовательного значения приведенного словообразовательного ряда значения «язык народа» недостаточно: необходимо указать, о каком народе идет речь. Но так как народов много, а дериватема должна выражать значение, подходящее к любому народу, она имеет вид «язык народа X», где X название любой национальности. В таком случае значение аффикса действительно будет реализоваться, актуализироваться во внутрисловном контексте.

Как видно, значение аффикса *-ça / -çe* во всех примерах одинаково – это «язык народа», но в полнозначных производных словах, оно не требует актуализации, так как соединяется только с одним определенным значением производящей основы. В словообразовательном же ряду, когда основ много, необходим выбор какой-то одной основы, превращение неизвестной величины X в известную, что связано с реализацией и актуализацией значения аффикса. Это тем более важно, если речь идет о словообразовательной модели как образце для производства слов с определенным значением. С этой точки зрения права Янко-Триницкая, говоря о том, что в языке значение образца создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова [Янко-Триницкая 1963: 85],

Е.А.Андреева утверждает, что считая основным носителем словообразовательного значения немотивирующую часть производного, исследователи абсолютизируют значение деривационного форманта [Андреева 2002: 42]. Она уверена, что невозможно вывести словообразовательное значение из значения словообразовательного аффикса. Е.А.Андреева подтверждает свое мнение материалами чувашского языка на примере производных с аффиксами *-лăх / -лĕх, -ла / -ле*). Она утверждает, что данные аффиксы участвуют в образовании слов с разными значениями, и что выявление словообразовательной семантики из значений аффиксов невозможно из-за полисемантической последних [Андреева 2002: 42]. На наш взгляд, согласиться с автором высказывания можно не во всем. В самом деле, в приведенных ею примерах слова с аффиксами *-лăх / -лĕх* и *-ла / -ле* имеют разное значение. Так, аффикс *-лăх / -лĕх* образует: 1) слова со значением материала, средства, предназначенного для того, что названо мотивирующей основой: чув. *вутлăх* 'материал для огня', *алăклăх* 'материал для двери'; 2) слова со значением места, изобилующего чем-нибудь: чув. *туйралăх* 'дубняк', *мерченлĕх* 'место,

изобилующее кораллами' *вёренелёх* 'заросли клена'; 3) слова с абстрактным значением: чув. *пайталёх* 'полезность', *макалёх* 'тупость'. Если это один и тот же по происхождению аффикс, то должен быть общий компонент значения у всех частных значений данного аффикса. По нашему мнению, им может быть значение «изобилие», которое наиболее ярко проявляется во втором частном значении. У третьего частного значения это – «полнота качества», также своего рода изобилие. У первого – тоже есть общий компонент значения – «однородность материала», из которого состоит или будет сделан весь предмет, без примеси другого материала. Это тоже определенный вид изобилия, в данном случае, материала, который создает целиком весь предмет. Следовательно, аффикс *-а́х / -ёх* имеет общее и частные значения, поэтому высказывание Е.А.Андреевой о невозможности выявления словообразовательной семантики из значений аффиксов по причине их полисемантической, по меньшей мере, не убедительно. А вот тезис о полисемантической некоторых словообразовательных аффиксов справедлив.

И.А.Ширшов установил, что словообразовательное значение не всегда складывается из значений мотивирующей основы и словообразовательного аффикса. В его формировании участвуют и фразеологические наращения, выполняющие связующую функцию между значением производной основы и значениями аффикса. Возникновение фразеологических наращений обусловлено особенностями производящих основ и задается ими, например: *тракторист* 'тот, кто ВОДИТ трактор', *гимназист* 'тот, кто УЧИТСЯ в гимназии'. В разных фразеологических наращениях ('водит' и 'учится' одного аффикса =*ист*), появление которых вызвано семантикой производящих основ «трактор» и «гимназия», реализуется функциональная нагрузка аффикса с чрезвычайно обобщенным значением («лицо») [Ширшов 1979: 115-116].

Итак, словообразовательное значение аффикса носит чрезвычайно обобщенный характер. И.А.Ширшов отметил, что это свойство вызывает появление в словообразовательном значении аффикса разных фразеологических наращений, семантика которых обуславливается значением мотивирующих основ. Функциональная нагрузка аффикса, обладающего чрезвычайно обобщенным значением, реализуется в производящих основах.

Развивая теоретические положения И.А.Ширшова, Е.А.Андреева концентрирует свое внимание на ведущей роли мотивирующих основ в формировании словообразовательного значения. Она отмечает, что значение производного базируется на определенном семантическом компоненте производящего. Так, существительные, включающие сему «орудие», мотивируют глаголы со значением «действовать орудием, названным производящей основой». Существительные с семой «материал» мотивируют глаголы со значением «покрыть, намазать что-либо тем, что названо производящей основой». Сравните, например: чув. *йёвенле* 'надевать узду', 'взнуздывать', *йётёрле* 'катать скалкой', 'раскатывать'; *пахарла* 'покрывать медью', *тамла* 'мазать глиной'. Таким путем возникают дополнительные компоненты семантической структуры производных (наращения значения) выполняющие, по ее мнению, связующую функцию между значением мотивирующей части и значением многозначного форманта. Фразеологическое наращение не имеется в производных с однозначными аффиксами. Следовательно, семантика мотивированного слова иногда шире, чем значение его компонентов, результатом чего является невыводимость значения слова из суммы значений его элементов, чем и достигается эффект фразеологичности. Однако иногда семантика

производного это не более чем сумма значений мотивирующей части и форманта [Андреева 2002: 45–46].

Тезис И.А.Ширшова о расширении семантической структуры производных за счет фразеологических наращений, верен. Также верен и тезис Е.А.Андреевой о том, что это явление обусловлено семной структурой производящей основы. Однако, утверждение Е.А.Андреевой о связующей функции фразеологических наращений между значением мотивирующей части и значением многозначного форманта представляется спорным. На наш взгляд, более прав И.А.Ширшов, когда отмечает, что обобщенный характер словообразовательного значения аффикса вызывает появление в значении аффикса разных фразеологических наращений, семантика которых определяется значением мотивирующих основ. Правильнее было бы сказать не вызывает, а допускает появление этих наращений, сужающих его значение. Как видно, здесь речь идет о формировании многозначности словообразовательных аффиксов, выделении общего и частных словообразовательных значений, прямых и переносных. Итак, для возникновения многозначных аффиксов необходимо два условия: 1) наличие у аффикса чрезвычайно обобщенного значения и 2) наличие основ, не полностью раскрывающих значение словообразовательного аффикса, оставляющих место для домысливания. Если значение основы недостаточно раскрывает значение аффикса, то, как выход из положения, и появляется связующее фразеологическое наращение или наращения, составляющие комплекс значений, выражаемых одним словообразовательным аффиксом.

Рассмотрим, как формируются частные значения аффикса [+ЛХг²] в шорском языке. Данный аффикс выражает обобщенное значение «обладающий тем, что названо мотивирующей основой». Прямое значение аффикса [+ЛХг²] – «имеющий то, что названо мотивирующей основой», например, шор. *ödüк=түг* (*кижи*) ‘сапоги имеющий (человек)’ → ‘(человек) в сапогах’. Прилагательные на =*лыг* образуются преимущественно от имен существительных. Так, существительные, содержащие сему «продукт питания», мотивируют прилагательные со значением «приготовленный из продукта, названного производящей основой» (шор. *мешке=лыг* ‘грибной’ от *мешке* ‘гриб’). Существительные, включающие сему «материал» или «вещество», мотивируют прилагательные со значением «состоящий из вещества или материала, названного производящей основой» (шор. *молат=тыг* ‘стальной’ от *молат* ‘сталь’). Существительные, имеющие сему «количество» мотивируют прилагательные со значением «содержащий в большом или малом количестве то, что названо производящей основой» (шор. *Тарам=ыг* ‘жилистый’ от *тарам* ‘жила’; *мүндүр=үг* ‘с градусом’ от *мүндүр* ‘град’). Существительные с семой «растение» мотивируют прилагательные со значением «характеризующийся по признаку произрастания того, что названо производящей основой» (шор. *Сейбе=лыг* (*чер*) ‘(место), где растет рябина’ от *сейбе* ‘рябина’) и т.п.

Как свидетельствуют приведенные примеры, не многозначный аффикс, согласует свое значение со значением мотивирующей основы, а основа создает новые варианты значений аффикса, реализуя его потенции, уточняя его основное значение, сужая значение аффикса с чрезвычайно обобщенным значением.

Ряд ученых относит к словообразовательным категориальное значение части речи [Соболева 1970: 77, Хохлачева 1976: 36; Тимофеев 1978;], другие рассматривают значение части речи как грамматическое и поэтому считают невозможным сравнивать два разных типа значений. И.А.Ширшов полагает, что специфику словообразовательной семантики нельзя описать в терминах категориального

значения, так как они не раскрывают сути процесса и оставляют неопределенным словообразовательное значение [Ширшов 1979: 111]. Правда, мы пока затрудняемся сказать о целесообразности / нецелесообразности описания словообразовательной семантики в терминах категориального значения. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что категориальное значение части речи играет существенную роль в формировании словообразовательного значения аффикса, производного слова и словообразовательного ряда.

Е.А.Андреева считает, что «категориальными значениями можно оперировать только в межкатегориальной деривации, где категориальные свойства производящих «ликвидируются» во имя того, чтобы производные обладали новыми категориальными свойствами. Во внутрикатегориальном словообразовании <...> описание словообразовательной семантики в терминах категориального значения невозможно» [Андреева 2002: 46]. С последним аргументом трудно согласиться. При таком подходе получается, что во внутрикатегориальном словообразовании суммируются категориальные значения производящей основы и словообразовательного аффикса. Нам ближе другая точка зрения: в процессе словообразования деривационный аффикс снимает категориальное значение производящей основы, так как она включается в состав новой лексико-грамматической основы [Наделяев 1988: 26]. Это правило применимо ко всем аффиксальным производным без исключения.

И.С. Улуханов отмечает, что словообразовательное значение отличается от категориальных грамматических значений (предметности, процессуальности и т. п.) тем, что оно охватывает только часть слов, относящихся к какой-либо части речи [Улуханов 1977: 26]. Это действительно так, однако данное высказывание вовсе не означает, что словообразовательный аффикс не выражает категориальное значение, а производные слова остаются вне части речи. Нет, деривационные аффиксы даже классифицируют по категориальному признаку. Сравните, например, аффиксы, образующие глаголы, имена существительные, прилагательные и т.д. Следовательно, категориальный компонент значения присутствует и в словообразовательном значении аффикса и этот факт признается большинством ученых.

По мнению Е.А.Андреевой, в создании словообразовательного значения участвуют как производящая основа, так и словообразовательный формант, при ведущей роли производящей основы. Формант выполняет две функции: структурную, формируя новые лексемы, и семантическую, актуализируя значения мотивирующих основ [Андреева 2002: 48].

На наш взгляд, оба структурных компонента производного слова играют одинаково важную роль в формировании словообразовательного значения. Что проку в том, что ведущей признается роль мотивирующей основы, если самостоятельно без помощи словообразовательного форманта она бессильна создать слово с требуемым значением? Какая польза и от того, что главным считается словообразовательный формант, если без производящей основы он не способен образовать новую лексику? Другое дело, что, хотя в формировании словообразовательного значения участвуют оба компонента, именно словообразовательный формант, как выразитель категориального значения части речи, служит основанием для генерализации словообразовательного значения при объединении производных в аффиксальные общности разной сложности и построения соответствующих им словообразовательных моделей. Причем сначала из словообразовательного значения исчезают компоненты, вносимые основой, а затем

и самим аффиксом. Это происходит первоначально путем элиминации лексического значения основы. Затем путем снятия ограничения «общность части речи производящей основы» расширяется ее категориальный спектр, а потом и за счет значения самого аффикса, посредством все большего обобщения его значения. В конце концов, единственно значимой остается лишь часть речи производного, выразителем которой является словообразовательный формант

Категориальное значение чрезвычайно важно не только для генерализации словообразовательного значения, но и для его индивидуализации. Именно категориальное значение части речи, выражаемое словообразовательным аффиксом, определяет круг основ, с которыми он может сочетаться. Так, если аффикс служит для образования глаголов, то в его семантической структуре содержатся семы субъекта действия, объекта действия, инструмента, материала, способа действия, характера действия и т.д., что позволяет ему сочетаться с основами, выраженными соответствующими частями речи и обладающими такими значениями. Если основа полностью раскрывает значение аффикса, то образуются прямые словообразовательные значения, которые встречаются как в однозначных (например, =лы 'житель страны / местности X': тат. *америка-лы* 'американец', *перьм-ле* 'перьяк'), так и в многозначных (например, =лыг: шор. *ат=тыг* 'имеющий коня'; 'верховой') аффиксах. Обобщенное значение аффикса =лыг – 'характеризующийся по признаку обладания тем, что названо производящей основой'. Если же основа не полностью раскрывает значение аффикса, то фразеологические наращенные координируют значения основы и аффикса, создавая переносные значения словообразовательного аффикса, которые соотносятся с обобщенным словообразовательным значением аффикса как общее и частное. Так возникают многозначные аффиксы.

Абсолютно права Е.А.Андреева, утверждая, что, зная семную структуру производящей основы, можно исчислить значения, которые она может породить, т.е. деривационную потенцию слова [Андреева 2002: 46]. Однако не менее верно и то, что, зная семную структуру словообразовательного аффикса, можно определить количество значений, которые способен породить аффикс, т.е. выявить и его деривационную потенцию. Путем комбинации названных свойств основы и аффикса создаются конкретные словообразовательные значения многозначных аффиксов, обусловленные свойствами предмета, характером действия и т.д.

Деривационный аффикс актуализирует значение мотивирующей основы, а основа формирует многозначность аффикса, обуславливая возникновение частных значений в пределах одного общего значения, так происходит координация значений мотивирующей основы и словообразовательного аффикса.

Итак, существуют разные виды словообразовательных значений: словообразовательное значение аффикса, производного слова, аффиксальной общности слов разной сложности, словообразовательной модели. Основополагающим является словообразовательное значение аффикса. Деривационный аффикс служит для образования новых слов, и его значение изменяет лексическое значение основ, к которым он присоединяется. Значение основы потенциально присутствует в значении словообразовательного аффикса. Путем образования фразеологических наращенных основа участвует в формировании конкретных значений аффикса. Координация значений основы и аффикса происходит путем взаимодействия их семных структур.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Е. А. Аффиксальное глагольное словообразование в чувашском языке: Учебное пособие. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я.Яковлева, 2002.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. (Струк-тура слова и механизм агглютинации) / Под ред. А.Н.Кононова. – М.: Наука, 1979.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку / Предисл. С.Бархударова. – М., Учпедгиз, 1959.

Иибаев К. Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: Учебное пособие. – Уфа: Гилем, 2000.

Лопатин В. В., Улукханов И. С. Основные понятия морфемии. Словообразование. Основные понятия. Морфонологические явления в словообразовании // Русская грамматика. – Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – С.123–142; 413–452.

Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Мансурова О. Ю. Словарь аффиксов современного турецкого языка с грамматическим справочником. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2008.

Манучарян Р. С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения: Дис.... д-ра филол. наук. – Ереван, 1975.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т.1 / Пер. с фр. Предисл. А. И.Кибрика. Общ. редакция Н.В.Перцова. – М.;Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, Изд. группа «Прогресс», 1997.

Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке: Учеб. пособие. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.

Наделяев В. М. Современный монгольский язык : Морфология / Отв. ред. Е. И.Убрятова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988.

Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М.: Наука, 1966.

Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1970.

Тимофеев К. А. О некоторых понятиях и терминах словообразования // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. научн. трудов. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1978. С.39–44.

Улукханов И. С. О некоторых проблемах ономазиологии и словообразования // Труды Курского пед. ин-та: Проблемы ономазиологии. – 1977. – Т.175. – С.10–12.

Хохлачева В. Н. Словообразование существительных в русском языке: Опыт системного описания: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1976.

Ширшов И. А. Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке // Вопр. языкознания. – 1979, № 5. – С.109–122.

Янко-Треницкая Н. Л. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. – М., 1963. – С.83–97.

Baskakov A. N. Türkçe-Rusça Sözlük / A.N.Baskakov, N.P.Golubeva, A. A.Kamile-va, K. M.Lyubimov, F.A.Salimzyanova, R R.Yusipova. – М.: Russkiy yazik, 1977; Istanbul, 1989.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Грамматические значения в структурных схемах:

[+ЛХг²]: []–обозначение схематического представления аффикса, + – имяобразующий аффикс, ² – аффикс прилагательного, Х – гласный *ы, и, у*. или *ү*.

Заглавными буквами передается вариативность гласных и согласных.

Х – значение производящей основы

= – показатель аффикса (=ла)

↔ символ координации значения основы и словообразовательного аффикса

→ переход к

Esipova A.V. About forming word-building meaning (on the material of Turkic languages)

Summary. The work is devoted to the problem of forming word-building meaning. Different approaches to definition of content of the notion “word-building meaning” are analyzed in the article and reasons of variety of different views on its nature are specified. The author describes ways of forming polysemy of word-building affixes, principles of distinguishing common and particular word-building meanings, direct and figurative ones.

Key words: grammar of Turkic languages, semantics, word-building, languages of South Siberia, Shor language.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА

“КЕЛЛА-НĀМЕ” – ПЕРЕВОД “ДЖУМДЖУМА-НĀМЕ”
‘АТТĀРА*Р.Ф.Исламов, г. Казань*

Резюме. В статье в сравнительном плане рассматриваются списки тюркского “Джумджума султāн” Хусāма Кāтиба (XIV в.) и персидского “Джумджума-нāме” Фарид ад-Дина ‘Аттāра (XII в.). Автор приходит к выводу, что Хусāм Кāтиб переделал более древнее произведение, внося некоторые изменения в текст персидского оригинала.

Ключевые слова: бейт, легенда о Черепе, мамлюкский Египет, переписчик, пророк.

В фондах Института рукописей Азербайджанской Национальной академии под шифрами В-4426/6051, В-6835/8460, В-2457/16837 хранятся три списка копии тюркского поэтического произведения с условным названием “Келла-нāме” [1]. Оно является, как нам представляется, еще одним дополнительным материалом для сравнительного изучения версий на сюжет легенды о Черепе [2] и может внести ясность в предположение о том, что “Джумджума султāн” Хусāма Кāтиба (XIV в.) есть переделка “Джумджума-нāме” Фарид ад-Дина ‘Аттāра (XII в.).

Общий объем текста первого списка составляет 88 бейтов. В нем дата создания (или переписки) и сведения об авторе (или о переписчике) не указаны. Второй список включает в себе 86 бейтов. В конце текста сообщается, что переписчиком является некий Хабибуллах Валид мелла Ахмад и, судя по указанной дате, он выполнил данную работу в 1274 (1858) г. (تمت الكتاب على حقير الفقير حبيب الله وليد ملا احمد ۱۲۷۴ سنه). Третий список, в котором 85 бейтов, располагает информацией о том, что произведение это было изложено на персидском языке шейхом ‘Аттāром (قلمشدر موزون الدين) в данном случае, вероятно, является ошибкой переписчика.

“Келла-нāме” начинается, как и “Джумджума-нāме” ‘Аттāра и “Джумджума султāн” Хусāма Кāтиба, без традиционного введения:

قضانان بر کون اول عيسى نبى چون * چغوین سیران ایردی دشت هامون
کزکن ناکهان دجله کناری * یولوخدی بر قوری کلیه باری [3]

Так как однажды по предопределению [Всевышнего] тот
‘Иса пророк

Прогуливался в степной равнине.

Итак, проходя по берегу Тигра,

Внезапно наткнулся на одну высохшую [человеческую]
голову.

Эти два бейта в начале произведения, как выясняется, вполне соответствуют двум бейгам аналогичной композиционной структуры персидского сочинения:

ناکھان روزی بتقدیر خدا * کارساز و صانع ارض و سما
مگذشت عیسی کنار دجله * دید در صحرا فتاده کله [4]

Однажды по предопределению Господа,
Дел устроителя, творца неба и земли,
Проходил 'Иса по берегу Тигра,
Увидел – на поле валяется голова.

В произведении Хусāма Кāтиба пророк 'Исā обнаружил высохшую голову (в тексте именно в форме قوروی کله, а не قوروی (غ) باش, а на лужайке во время своего путешествия из Сирии в другую страну.

Далее в “Келла-нāме” высохшая голова описывается таким образом:

قوروی کله چو عادتدن زیاده * نه انسه بکزر اول نه دیوزاده
چنق تک اولمش هر بر کوز چناقای * سنق سقسای کبی هر بر قولاقای
آنک هر کوشنه سیز باخون ای یار * وطن دتمش نچه مور ایله مار [5]

Высохшая голова [больше] обычной,
Она не похожа ни на человеческую, ни на бесовскую.
Наподобие тарелки стала каждая глазная впадина,
Каждое ухо как становились плотными
О милый, вы только взгляните на каждое [ее] ухо,
Сколько муравьев и змей [их] превратили в свое обиталище.

Это немного напоминает ту же картину из сочинения 'Аттāра:

مسکن زنبور و جای موربان * همچو برف اسفید گوشته استخوان
کاسه چشمش پراز خاک سیاه * هر دو گوشش کرده مار و مورجا [4: 65]

Она была обиталищем пчел и местом муравьев,
Кость сделалась белой как снег.
Глазные впадины в ней были наполнены черной землей,
Оба уха ее заняли змеи и муравьи.

У Хусāма Кāтиба описание черепа подаётся по-иному: там на нем имеется надпись с предопределением его судьбы, что в текстах “Келла-нāме” и “Джумджума-нāме” 'Аттāра отсутствует.

Затем 'Иса обращается ко Всевышнему с молитвой, чтобы узнать о прошлом высохшей головы. Всевышний удовлетворяет его просьбу. При этом вызывает интерес то, что ангел Джабрā'ил (جبرائیل), через которого в произведениях 'Аттāра и Хусāма Кāтиба удовлетворяется просьба пророка, здесь не присутствует. Высохшая голова, как и череп в персидском сочинении, не произносит “Нет никакого божества, кроме Аллāха” (لا اله الا الله); в “Джумджума султāн” есть еще и добавление: “'Исā дух Аллāха” (عیسی روح الله).

'Исā начинает расспрашивать голову о том, что было с нею в этом мире:

سنی دونیاده بلیم تا چو کیم سن * غنی سن یا کدا سن یا میلک سن
جوان ایدونمی یا درویش یا پیر * چوبان ایدونمی یاخود اهل تدبیر
بلیم من بو کله کیمندور * کداندور یاخود حاکمندور [6]

Узнаю, кем был ты в мире [этом],
Был ли ты богатым или нищим, или правителем,
Юношей ли ты был или дервишем, или старцем,
Пастухом ли ты был или из мудрецов,
Узнаю я, кому принадлежит эта высохшая голова,

Нищему ли она принадлежит или правителю?

В данном случае наблюдается некоторое расхождение с произведениями ‘Аттāра и Хусāма Кāтиба. В персидском тексте ‘Исā спрашивает у черепа, кем был он в этом мире: злонравный или хороший, скупой или щедрый, а в “Джумджума султāн”е: мужчина или женщина, хозяин или бедняк, бек или султан, или раб, уважаемый или презренный, щедрый или скупой, богатый или бедняк, добродетельный или злодей.

Из рассказа высохшей головы выясняется, что она в прошлой жизни была покорителем мира (جهان گير) по имени Султāн Джумджума (سلطان جمجمه). У нее было восемьсот тысяч целителей, тридцать тысяч индийских красавцев, сорок тысяч наложниц, тридцать тысяч румийских красавцев, тридцать тысяч китайских наложниц в гареме, тридцать тысяч рабов-черкесов, тридцать тысяч арабских скакунов, сто пятьдесят тысяч верблюдов для путешествия, пятьдесят мужчин поваров.

Расхождения, наблюдаемые в вопросе ‘Исы и в рассказе высохшей головы о былом своем достоянии и богатстве, заметим, характерны для всех литературных версий сюжета.

Султāн Джумджума, по его рассказу, правил справедливо: кормил народ по тридцать-сорок тысяч человек в день.

Однажды он после возвращения со своей любимой с охоты сильно заболел:

یتشددی کوشک چون تخت روانم * تتردی ناکهان ایچنده جانم [6]

Когда я достиг дворца и трона,
Внезапно душа моя содрогнулась внутри.

Здесь мы видим, за исключением присутствия возлюбленной Султāна Джумджумы, полное соответствие с произведением ‘Аттāра:

چون رسیدم بر سریر و جای خود * لرزه بگرفت سر تا پای خود [4: 67]

Когда я достиг трона своего и места,
Меня объяла дрожь с головы до ног.

В сочинении Хусāма Кāтиба болезнь настигает правителя в бане (حمام). Целители не смогли его исцелить. По истечении семи дней с неба к нему является ангел с громадной головой и с четырьмя руками, палицей и трезубцем в каждой, и забирает его душу с мучениями. У Аттāра этот ангел назван Мункиром (منکر), а у Хусāма Кāтиба это – ‘Азра’ил (عزرائیل) с шестью лицами, и он заставляет Джумджума султāна испить чашу смерти (قدح), говоря о том, что однажды тот придет в себя и встретится со своими соплеменниками и родными.

После смерти Султāна Джумджума его тело предают земле. Как только люди расходятся с кладбища, в могиле к нему приходят два ангела с огненной палицей в руках. Они спрашивают у него, какому Всевышнему он поклонялся, за каким пророком он следовал, какую веру исповедовал, сопровождая свои вопросы ударами палиц. Затем они, связав его огненными цепями, волокут в ад.

Здесь автор также следует за ‘Аттāром:

گفت ربت را تو اول باز گو * وانگهی پیمبر خود را بجو
نه خودا دانسته نه دین داشتم * نه ره پیمبری بر داشتم

کور بودی توز صنع کردگار * می ندیدی قدرت پروردگار

آسمان را بیستون افراشته * ماه و خورشید اندرو بگماشته [4: 67]

Сначала скажи о твоём Господе,
А потом поищи твоего пророка.
Я не знал Бога, не имел веры,
И не шествовал по пути какого-либо пророка.

.....
 Что, ты был слеп к творению Бога?
 Не видел всемогущества Создателя?
 Он без столпов высоко вознес небеса
 И на них водрузил месяц и солнце.

В тексте “Келла-нāме” так же, как и в персидском сочинении, не упоминаются имена двух ангелов (Кираман катибин – کراما کاتبین), которые в сочинении Хусāма Катиба пишут на оторванном кусочке савана о всём содеянном султаном при его жизни, а перед уходом напоминают ему о предстоящем наказании.

После молитвы пророка ко Всевышнему высохшая голова оживает, приобретает прежний человеческий облик и принимает веру ‘Исы. Оставшуюся жизнь герой проводил в молитве и после смерти попал в рай.

Необходимо отметить, что в языке “Келла-нāме” наблюдаются интересные параллели с сочинением ‘Аттāра. Так, например, в лексике начальных бейтов тюркского текста нетрудно заметить заимствования из персидского текста: دجله، ناکهان (تورک. کله، دجله کناری), قوری کلیه (تورک. قوری کلیه).

Замена в тексте буквы ق на خ, например в слове بولوخدی (بولوخدی بر قوری کلیه باری), как известно, характерна для азербайджанского языка, что свидетельствует о происхождении рукописи. Однако при этом следует напомнить, что явление > ق наблюдается в письменных литературных памятниках и из др. регионов, в тюркск. варианте “Шахнāме”, созданном в мамалюкском Египте в начале XVI в. [7: 443].

Итак, приведенные выше сопоставления позволяют прийти к заключению, что “Келла-нāме” является переводом “Джумджума-нāме” ‘Аттāра с некоторыми изменениями в отдельных местах персидского оригинала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выражаем искреннюю благодарность канд. филол. наук, заведующему отделом теории фольклора Института фольклора Азербайджанской Национальной академии Халилову Агаверди Сархан оглы за любезно предоставленную возможность ознакомиться с этими списками.

2. *Исламов Р.Ф.* О литературных версиях сюжета Джумджума // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: Преемственность поколений: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летию акад. М.З.Закиева и 10-летию кафедры татар. и чуваш. филологии СГПА (г. Стерлитамак 18–20 сент. 2008 г.). – Стерлитамак, 2008. – С.146–153.

3. Рукопись В-4426/6051: 1r⁰.

4. *Жуковский В.* *جمجمه نامه* Легенда об Иисусе и черепе в персидском стихотворном сказе Аттара // Записки восточного отделения имп. русского археологического о-ва. – Т.7. 1892. – СПб., 1893. – С.65 (переводы также даются по этому изд.).

5. Рукопись В-4426/6051: 1r⁰.

6. Рукопись В-4426/6051: 1v⁰.

7. *اوزينه چونکه بختي يخشي بخدي * يصادي عاجدن بر عالي تختي*: Zającowski A. Turecka wersja Sahname z Egiptu Mameluckiego / A.Zającowski. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1965.

Islamov R.F. “Kella-name” – translation of Attar’s “Jumjuma-name”

Summary. The article deals with comparison of Turk and Persian copies of Husam Katib’s “Jumjuma sultan” (XIV) and Farid ad-Din ‘Attar’s “Jumjuma-name” (XII). The author makes a conclusion that Husam Katib remade the more ancient work, having made some changes to the text of Persian original.

Key Words: beit, legend about Skull, Mamluk Egypt, copyist, prophet.

**К ТИПОЛОГИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИНОГО МИРА
В ЭПОСЕ И ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ
(ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА «ДИЛЬФИРИП-ХАНЫМ»)**

А.А.Бурыкин, г.Санкт-Петербург

Резюме. В данной статье прослеживается типичный для волшебных сказок мотив попадания героя в подземное царство, который в более общем виде можно характеризовать как мотив временного пребывания героя в ином мире. Непосредственным поводом для обращения к нему послужил то, что данный мотив присутствует в одной из версий калмыцкого героического эпоса «Джангар» и калмыцкой богатырской сказке «Сын медведя Алват Хар», он также прослеживается в сказках других народов – в селькупской и русской сказках.

Ключевые слова: аналогии, волшебная сказка, подземное царство, сюжетные элементы.

Историко-типологические исследования в области фольклора на современном этапе развития фольклористики представляют собой необыкновенно увлекательную область исследований. Наряду с такими традиционными для таких исследований объектами, как мотивы и сюжеты, в орбиту историко-типологических штудий включаются фольклорные жанры и разнообразные проявления взаимодействия различных самостоятельных жанров фольклора.

Предметом нашего внимания в настоящей работе является мотив или сюжетный эпизод – устойчивая группа мотивов, не образующая самостоятельного повествования «богатырь в подземном царстве». Мотив попадания героя в подземное царство, который в более общем виде можно характеризовать как мотив временного пребывания героя в ином мире, является типичным для волшебных сказок. Непосредственным поводом для обращения к нему в настоящей работе является то, что данный мотив присутствует в одной из версий калмыцкого героического эпоса «Джангар» и калмыцкой богатырской сказке «Сын медведя Алват Хар», и вместе с этим данный мотив прослеживается в сказках других народов – в селькупской и русской сказках.

Одна из песен малодербетской версии «Джангара», исследованной и изданной А.Ш.Кичиковым, а именно «Глава о победе Алого Шовшура славного над свирепым Шара-Гюргеем, мангасовым ханом», содержит следующий эпизод:

В поисках Хонгора Джангар попадает в нижний мир «нижнюю бумбайскую страну», убивает бесовку и семерых ее сыновей, потом с трудом одерживает победу над самым маленьким бесенком, и спасает прекрасную девушку – дочь Гинар-тенгрия. Спутники Джангара – юноша, играющий горами и юноша, выплеснувший из-за щеки море – вытягивают девушку, но бросают Джангара, и Джангар падает в нижний мир, ломая себе правое бедро. К нему приходят две мыши: мышь-самка хочет отведать мяса Джангара, Джангар ломает мыши правое бедро; мышь-самец приносит мыши самке листочек, та исцеляется, и снова нападает на Джангара; мышь-самец приносит несколько листочков, Джангар отбирает у него два листочка из трех, исцеляется сам,

третий листочек оставляет мыши-самке. Исцелившись, Джангар выбирается в средний мир по сандаловому дереву-Калтаврикиши, отправляет спасенную им девушку в верхний мир, приказывает вероломным помощникам оставаться на месте («В землю провалитесь – найду, на небеса улетите – разыщу») и продолжает поиски Хонгора. Спасенный Хонгор в ответ на просьбу покарать двух помощников-изменников просит Джангара помиловать их («эти молодцы-наши благодетели»), намекая на то, что благодаря им Джангар нашел Хонгора и получил волшебное лекарство-листочки [Джангар 1999].

Этот же мотив представлен в одной из калмыцких богатырских сказок. Богатырская сказка «Сын медведя Алват Хар», недавно изданная в русском переводе Т.Г.Басанговой, имеет следующее развитие сюжета:

Сын медведя Алват Хар отправляется в путешествие, встречает юношу, переставляющего горы, юношу, слушающего, что творится в мире, и юношу, играющего водой. Втроем они побеждают старуху-шулмуску, та скрывается в нижнем мире. Алват Хар спускается в нижний мир, находит там прекрасную девушку – дочь хана верхней земли Талвата. Алват Хар убивает шулмуску, берет с собой встретившуюся ему девушку и двух девушек, находившихся около шулмуски, его помощники вытаскивают девушек и бросают Алват Хара, тот падает вниз. У него болит бедро. Приходят две мыши-самец и самка, мышь-самка пробует его мяса, Алват Хар ломает мыши бедро. Мышь-самец приносит листик, Алват Хар отнимает его, мышь приносит другой листик, мышь-самка выздоравливает, Алват Хар повторяет действия мыши и тоже выздоравливает. С помощью птицы Гаруди, птенцов которой он спас от змеи, Алват Хар возвращается в средний мир, там трое его помощников-изменников претендуют на руку спасенной им ханской дочери. Алват Хар говорит, что ее мужем достоин быть тот, кто убил старуху-шулмуску; ханская дочь узнает Алват Хара по своему кольцу, которое он носит на мизинце левой руки. Алват Хар прогоняет от себя трех юношей («Мы не будем теперь четырьмя дружными братьями. Идите куда глаза глядят») [Сандаловый 2002].

Сравниваемые тексты показывают столь значительное сходство сюжетных элементов и мотивов, что оно не может не привлечь к себе внимания. Однозначно общими элементами двух повествований является наличие у героя нескольких помощников, обладающих сверхъестественными свойствами, путешествие в нижний мир, победа над бесовкой, спасение девушки, предательство спутников, намерение мышей отведать мяса раненого героя, нанесение мыши увечья, обретение при помощи второй мыши чудесного лекарства, возвращение в средний мир при посредстве волшебного помощника (дерева или птицы), прощение тех, кто предал героя. Одним словом, сходства во фрагменте эпической песни и в богатырской сказке значительно преобладают над различиями – к последним, в частности, относятся чисто сказочное добывание души шулмуски Алват Харом, которое, однако, ничем не уступает в сказочности точно так же встраивающемуся в сюжет повествования поединку Джангара с самым маленьким бесенком, придающим эпическому тексту сказочную ритмическую структуру в динамике развития сюжета.

Отнесенность большинства общих элементов сравниваемых текстов «Джангара» и богатырской сказки к собственно сказочным мотивам не нуждается в особых доказательствах: такие мотивы встречаются как по отдельности, так и в различных комбинациях в десятках сюжетов волшебных сказок. При этом, однако, присутствие персонажа-бесовки и мышей, желающих попробовать мяса героя и владеющих секретом волшебного растительного лекарства, как кажется, может быть отнесено к национальной фольклорной традиции калмыков, и переводит

сравнение из обобщающей историко-типологической плоскости в плоскость конкретной этнической жанрово-сюжетной системы. Сходство сюжетных элементов и мотивов одной из песен малодербетской версии «Джангара» и богатырской сказки «Сын медведя Алват Хар» было рассмотрено в одной из наших статей [Бурыкин 2003: 131–133].

Рассматриваемые тексты имеют весьма интересную аналогию в одной из русских волшебных сказок – в сказке «Иван-царевич в подземном царстве», записанной Н.Е.Ончуковым в Архангельской губернии [Цит. по: *Русская* 1992]. Ее содержание таково:

Старший сын просит у царя разрешения отправиться искать живую воду, мертвую воду и воду для лечения глаз, доезжает до развилки, выбирает путь, где самому суждено быть голодным; приезжает в дом, где три девицы предлагают ему угоститься и позабавиться. Старший сын ложится на кровать и проваливается в сорокасаженный погреб («*кровать была с подлогом*»), где уже обретаются сорок молодцов, ставших жертвами срамных девиц («*Им-та и пища: бросят соломки, пол вымоют, воды ульют, та и пища. Хорошо*»). То же самое происходит со вторым сыном царя, Василием-царевичем. После того, как старшие сыновья не возвращаются, младший сын, Иван-царевич, просится отправиться на поиски братьев. Царь нехотя отпускает его. Иван-царевич отправляется по пути, «где живому не быть», приезжает к избушке бабы-яги. Баба-яга указывает ему, где находится чудодейственная вода, говорит, что ничего не знает о братьях, на другой день зовет для него Сивку-Бурку и посылает его к своей сестре; вторая сестра посылает его к третьей сестре. Иван-царевич приезжает к трем колодцам, в которых находится чудодейственная вода, наполняет ей сосуды, которые охраняет царь-девица. Девица бросается в погоню, но ее задерживают сестры бабы-яги, она возвращается назад ни с чем.. Иван-царевич доезжает до развилки, направляется туда, где суждено быть голодным, приезжает к трем девицам, и освобождает своих братьев и других пострадавших от срамных хозяек дома.

Молодцы, сидевшие в погребе, разъезжаются по домам, а братья едут домой. Иван-царевич засыпает, а старшие братья, забрав его коря и сумку с чудодейственной водой, сбрасывают сонного Ивана-царевича в дыру под камнем, находят там избушку, в которой сидит царская дочь. Появляется змей, Иван-царевич убивает сначала трехглавого змея, потом шестиглавого и девятиглавого змеев. Лука-водовоз, намереваясь присвоить себе заслуги в победе над змеями, отрубает голову Ивану-царевичу, возвращает дочь царю и требует исполнения обещания – отдать дочь замуж победителю змеев. Дочь просится пойти на берег похоронить Ивана-царевича, находит у него пузырьки с живой и мертвой водой, Иван-царевич оживает: Иван-царевич указывает, куда он положил змеевы головы, царь казнит Луку-водовоза, зовет Маговей-птицу, та выносит его из подземного царства. Иван-царевич узнает, что братья не могут открыть кису с чудотворной водой, открывает ее – царь прозревает. Приезжает на корабле царь-девица с двумя сыновьями, желает встретиться с их отцом. Старший брат идет к ним, но девица распознает обман, наказывает старших братьев, пыгающихся выдать себя за младшего, выходит замуж за младшего брата.

Собственно говоря, в этой русской сказке нас должны интересовать только те эпизоды, которые непосредственно связаны с подземным царством и пребыванием в нем сказочного героя. Здесь совпадений с рассматриваемыми эпизодами «Джангара» и калмыцкой богатырской сказки довольно немного – это образ спасаемой богатырем героини, мотив возвращения героя на землю при помощи чудесной птицы, а также выяснение отношений со спутниками-изменниками. Оригинальным и тем самым интересным в этом отношении является

сама трактовка «нижнего пространства», которую мы находим в этой русской сказке, и которая без преувеличения выглядит уникальной для сказочного фольклора. В этой сказке в развитии действия тот погреб в доме охальных девиц, в который попадают молодцы, соблаздившиеся на уговоры позабавиться с ними, является своего рода моделью подземного мира, то есть «ненастоящим подземным миром» – этот погреб предваряет собой появление входа в подземное царство, и старшие братья сказочного героя попадают в этот «ненастоящий подземный мир» при отнюдь не героических обстоятельствах в стилистически сниженном контексте, оказавшись жертвой обмана злокозненных героинь. Однако нетрудно заметить, что эти охальные девицы, заманивающие к себе молодцов, выступают в качестве национальных аналогов героинь-шулмусок, которые являются действующими лицами «Джангара» и некоторых калмыцких сказок. Эти образы в калмыцком фольклоре и в русской сказке выглядят изофункциональными, однако исполнитель русской сказки изображает своих отрицательных героинь в нарочито сниженной стилевой тональности. Однако данная аналогия между калмыцким эпосом, калмыцкой богатырской сказкой и русской волшебной сказкой интересна в данном отношении тем, что «ненастоящий подземный мир» – погреб в доме и обстоятельства, способствующие попаданию в этот погреб двух сказочных героев, подаются исполнителем сказки настолько прозаически и настолько реалистически, что такое стилевое решение эпизода следовало бы признать более типичным для бытовых сказок сатирического содержания, нежели для волшебных сказок. Самая возможность иного стилевого решения данного эпизода, равно как и надстраивание над повествованием нарочито искусственного, почти театрально-комедийного «ненастоящего подземного мира» показывают не только широту диапазона трансформации фольклорного сюжета, но и то, что в фольклоре преобразованиям подвержены не только мотивы и сюжеты, но и стиль.

Варианты изображения иного мира, в который попадает эпический или сказочный герой, были рассмотрены в одной из наших работ [Бурыкин 2005]. Совершенно неожиданная трактовка иного мира встречается в турецкой сказке «Дильфирип-ханым» [Султанша 1992].

Изложим ее содержание:

У князя Али-бея нет жены, есть только две невольницы. Он покупает себе на невольничьем рынке жену по имени Дильфирип. Али бей, отправляясь на войны, поручает свою жену своему приближенному по имени Исмаил-ага. Исмаил-ага, желая добиться любви Дильфирип, подменяет ее письма к мужу, добивается распоряжения заточить Дильфирип в тюрьму. В тюрьме у нее рождается сын. Девушки-невольницы добиваются свидания с ней, она пишет завещание. Исмаил-ага сообщает Али-бею, что его жена родила ребенка от неизвестного мужчины, добиваясь распоряжения о ее казни. Палачи жалуют женщину, приносят ее окровавленную рубашку. «А Дильфирип-ханым, когда палачи ушли, заглянула в пропасть и увидела внизу реку, по берегам которой раскинулся зеленый луг. Она очень обрадовалась – Судьба моя! Помоги мне спуститься вниз! – И, прижав ребенка к груди, стала спускаться. Через два-три часа очутилась она у подножия горы. Видит, лежит под скалой молодой джигит.

Подбежала к нему Дильфирип, спросила: – Что с тобой случилось? – Вышел я с товарищами на охоту, – говорит джигит, – а они позавидовали мне, выстрелили в спину и бросили здесь. Принеси мне воды, красавица!- Дильфирип побежала к роднику за водой, но когда вернулась, юноша был уже мертв».

Дильфирип-ханым хоронит юношу, строит себе домик, живет в нем. Возвращается Али-бей, девушки-служанки отдают ему завещание Дильфирип, он приказывает бросить Исмаил-агу в темницу, идет искать Дильфирип-ханым, приходит к краю пропасти и видит домик, встречает юношу, который кажется ему похожим на его жену, Дильфирип-ханым узнает Али-бея: «Жена все ему рассказала, и Али-бей приказал привести Исмаил-агу и спросил: – Чего бы тебе хотелось: сорок ножей или сорок мулов? – Сорок ножей – в спину врага, а мне давай сорок мулов: на одном – поехать, остальных – продать, – ответил Исмаил-ага. Тогда этого изменника и негодяя привязали к хвосту мула. Мул бежит – и он бежит, пока совсем не изнемог и не разметал его мул по степи на клочки. А Али-бей, Дильфирип-ханым жили в согласии во дворце, пока не упало с ветки четыре яблока: одно – рассказчику, одно – слушателю, одно – писателю и одно – переписчику».

Эта сказка лишена героического содержания, повествование ее как бы нарочито прозаизировано, начиная с того, что сказочная героиня, жена князя покупается на невольничьем рынке... О том, что данный сюжет подвергся заметной трансформации, говорит и то, что юноша, которого героиня находит на дне пропасти, выступавший в аналогичных текстах в качестве главного героя, не играет никакой роли в повествовании, оказываясь такой же жертвой измены, как и героиня, и в минимальной мере выступает ее помощником (она надевает его одежду). Есть и одно принципиальное отличие этой сказки от других текстов, которые могли бы быть привлечены к сравнению – ее героиней является женщина, которая находит в низшем пространстве – героя-юношу, и это очень любопытный случай гендерной инверсии персонажей.

Самое существенное для нашей темы – то, что вместо подземного мира в этой турецкой сказке выступает фрагмент вполне реального мира – долина на дне пропасти, перемещение в которую ни для героини, ни для героя не составляет особого труда и не содержит чего-либо сверхъестественного. Таким образом, сказочное повествование сохраняет сказочный топос с возможностью смещения героя в низший мир, однако этот низший мир – дно пропасти – предстает в повествовании частью вполне реального мира, и он, в отличие от других сказок, не населен сверхъестественными персонажами или персонажами с чудесными свойствами.

Весьма любопытной деталью рассматриваемой сказки является вопрос, который Али-бей задает Исмаил-Аге – это тот вопрос, на который нельзя в принципе ответить правильно, т.к. любой ответ будет обращен против отвечающего. Вполне возможно, что образец данного речевого клише был заимствован русской коммуникативной практикой с Востока вместе с другими культурными институтами, например, с «шахскими играми», имеющими весьма разные формы проявления [Бурькин 2000: 15–16].

Рассмотренные в настоящей статье аналогии, представленные примерами из «Джангара» и сказок, убеждают в том, что проблема взаимовлияния эпоса и сказки требует внимательного изучения на всем доступном массиве текстов по отдельным фольклорным традициям монгольских народов, причем отдельные мотивы в этом случае явно выведут исследователей за пределы монгольского мира. Не менее интересным и важным оказывается сравнительно-типологическое изучение сказок, представляющих монгольские и тюркские фольклорные традиции. При этом в данной области – в отличие от проблем сравнительно-исторического алтайского языкознания – наибольшую степень интереса вызывают не столько результаты и последствия культурных взаимовлияний, теряющиеся во времени и приходящиеся на разные культурно-исторические

области и разные хронологические периоды, сколько итоги самостоятельной независимой эволюции сказочных и эпических сюжетов и мотивов. Как показывают предварительные исследования, в этой сфере выявляется множество любопытных и чрезвычайно значимых параллелей [Басангова, Бурыкин 2009; Бурыкин 2008].

Думается, нет надобности лишней раз говорить и о том, насколько увлекательными могут быть историко-типологические исследования фольклорного материала в генетическом, ареальном, этнографическом и филологическом аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

Басангова Т.Г., Бурыкин А.А. Возможности и перспективы историко-типологического изучения калмыцкого сказочного фольклора (параллели к сказке "72 небылицы" //Материалы междунауч. конф. "Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее": Ч.2. – Элиста, 2009. – С.50–59;

Бурыкин А.А. Народные игры и игрушки (рец. на кн. «Народные игры и игрушки». – СПб.: Кунсткамера, 2000] // ЯЛИК, 2000, дек., № 42

Бурыкин А.А. "Джангар" и богатырская сказка: к проблеме изучения сказочных мотивов в героическом эпосе//Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России). Материалы междунауч. конф. (22–26 сент. 2003 г.). – Элиста, 2003.

Бурыкин А.А. Богатырь в подземном царстве: к типологии мотивов, сюжетов, жанров и стилей //Исследователь монгольских языков (к юбилею Б.Х.Тодаевой). Элиста, 2005. – С.46–58.

Бурыкин А.А. О проявлениях жанра трёхстиший в калмыцком героическом эпосе "Джангар" и за пределами монгольскоязычной фольклорной традиции // Вопр. алтайской филологии. Памяти Э.Р.Тенишева. – М., Тезаурус, 2008. – С.189–197.

Джангар. Малодербетская версия. – Элиста, 1999. – С.220–243.

Русская волшебная сказка/Сост., вступ. статья и прим. К.Е.Кореповой. – М., 1992. – С.326–335, 512.

Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки /Сост., пер. с калмыцкого, вступ. статья, справочный аппарат канд.филол.наук Т.Г.Басанговой. – Элиста, 2002. – С.86–94

Султаниа из подземелья. Турецкие сказки. – М., 1992. – С.218–224.

A.A.BURYKIN. TO THE TYPOLOGY OF THE OTHER WORLD REPRESENTATION IN EPOS AND FAIRY-TALES (TURKISH FAIRY-TALE "DILFIRIP-HANYM")

Summary. This article considers typical for fairy-tales cause of the main character's getting to the underworld, which more generally can be specified as the reason of temporary stay of the main character in another world. Direct reason for dealing with this cause was that the same cause can be found in one of the versions of Kalmyk heroic epos "Jangar" and Kalmyk heroic tale "The bear's son Alvat Har", it can also be traced in tales of other peoples – in Selkup and Russian tales.

Key words: analogies, fairy tale, underworld, narrative elements.

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ИСТОКОВ ЗНАКОМОГО СЮЖЕТА

В.М.Яковлев, г.Москва

Резюме. В статье анализируются некоторые события, описанные в «Молдавской песне» («Черной шали») А.С.Пушкина, румынской «Король и его сестра», шведской балладе «Волшебство звуков арфы», элегии «Хас-Булат удалой», в «Гяуре» Байрона, турецкой песне в жанре Кызылырмак тюркю и т.д. Рассмотренные в них сюжеты объединяет их доминанта, или ключевое событие, — смерть героини. В зависимости от того, как это событие представлено, можно сюжеты классифицировать. Либо героиня гибнет от руки главного действующего лица, либо она тонет, как это было предсказано; либо таким образом она совершает самоубийство.

Ключевые слова: композиционная вариативность, ключевое событие (доминанта), сюжетное влияние.

Родственные сюжеты характерны для народных песен. Повторяясь, они тем не менее варьируются. Композиционная вариативность — свойство кочующих сюжетов. Признаком заимствования или просто влияния может служить повторение в разных текстах некоторого ключевого события, являющегося сюжетной доминантой. В случае «Черной шали» Пушкина и каких-то похожих на это произведение текстов, подобной доминантой является, позволим так сказать, «смертная купель» одного из действующих лиц, предание покойного воде, либо самоубийство подобного рода.

Несомненным признаком сюжетного влияния является и введение похожего художественного образа в разные тексты, не зависимо, на каком языке. Вне образа сюжет не может обрести поэтическую форму.

В румынской старине, под названием «Король и его сестра» [Craiuл 1969: 704–706], давшей, по нашему наблюдению, Пушкину импульс к написанию «Молдавской песни» («Черной шали») встречается органически вплетенное в сюжет уподобление жениха и невесты двум яблокам на одном дереве, символизирующим, очевидно, древо жизни.

Персонаж старины побуждает сестру выйти за него замуж. В качестве условий, та ставит перед ним трудно выполнимые и имеющие определенный скрытый смысл задачи. Так она говорит, явно желая продемонстрировать противоестественность инцестуального брака:

– «Нет, венчаться не пойду
Я до той поры, пока
Не найдешь два яблока —
Оба, сросшиеся крепко,
И на двух засохших ветках;
Пусть рассудит мир честной:
Слыхано ль, чтоб брат с сестрой

Были мужем и женой?!» [В нашем переводе. – В.Я.].

Поскольку герой выполнил это, второе по счету и последнее, задание, сестре более ничего не оставалась, как броситься в воды Дуная. По предыдущему ее условию, король должен был доставить ей необыкновенного коня:

– «Не пойду венчаться я,
Не найдешь пока коня
Белоногий, вороной –
С гор, на лбу же – со звездой.
И подкованный подковами
Чтоб был из серебра».

Похоже, что здесь тюркский мотив. И образное уподобление влюбленных яблокам на одном дереве встречается в крымской турецкой песне «Эсмер Яр» («Смуглая подруга»):

«Бір далда екі алма,
Бірін ал, бірін алма:
Жаратаным саңа қурбан:
Джаным ал, жарем алма!» [Олесницкий 1910: 18].

На одной два яблока на ветке,
Возьми одно, другое не бери.
Мой творец, я твоя жертва:
Жизнь мою возьми, моей подруги не бери!

Куплетом выше любящие уподоблялись плодам другого дерева:

«Бір далда екі кірес,
Бір ал, бірі бејас:
Жаратаным саңа қурбан:
Шу гүл бері маңа јаз!»

На одной на ветке две черешни,
Одна красная и белая другая.
Мой творец, я твоя жертва:
Запиши эту красавицу за мной! [Олесницкий 1910: 92–93].

Аналогичный троп мы находим в свадебной казачьей песне:

«Там выросла яблонька.
Эта яблонька садовенькая,
Что садовенькая, медовенькая,
Да вой люли, да вой люли, вой люли,
Что медовая, анисовая.

Да сломилася веточка,
Раскатилися два яблочка,
Что и Виктор Александрович,
А второй-то этот яблочек,

Да Людмила Ивановна» [Песни Терека 1974: 64–65; Похоже, песня была записана на свадьбе].

Обратимся к сюжету «Черной шали» Пушкина, именуемой также «Молдавской песней». У поэта были основания дать стихотворению этот подзаголовок, хотя по содержанию к Молдавии оно имело мало отношения.

Суть сюжета такова: Герой счастлив любовью. В силу стечения обстоятельств он теряет возлюбленную, и потеря безвозвратна. Вероятно, он тоже готов умереть. Утрата возлюбленной оказывается, в этом каких-то близких вариантах повествования, следствием измены или предательства. Персонаж совершает акт мести, убивая и его любимую и соперника.

Нет сомнения, что Пушкин извлек сюжет, или вычитал его, из «Гяура» Байрона. Можно считать, что он угадал недосказанную английским поэтом часть повести. Ибо существенная доля происходившего осталась вне поля зрения некоего беспристрастного свидетеля описываемых в «Гяуре» событий. Таким свидетелем в поэме Байрона выступает не главный герой, а рассказчик.

Возможно даже, Пушкин выправил сюжет, измененный Байроном ради главного действующего лица его поэмы.

Байрон ссылается на устный источник, и трудно судить, насколько его пересказ соответствует оригиналу. Пушкинское же стихотворение хотя и называется «Молдавской песней», песня эта более похожа на турецкую, чем на молдавскую. Прежде всего это касается имени. В беловом варианте стихотворения нет имен действующих лиц, но в черновиках у стиха «Я верного позвал слугу своего» есть вариант: «Я позвал Хасана, слугу своего». Очевидно, Пушкин подумал, что у героя молдавской или румынской песни вряд ли могло быть имя Хасан. Сам ее герой, видимо, носил это имя, как и персонаж поэмы Байрона, и был мусульманин.

«Черная шаль» стала по-настоящему народной молдавской, или точнее, румынской песней благодаря переводу стихотворения Пушкина на румынский язык Константином Негруци, и в переводе турецкий колорит еще более чувствуется, чем в оригинале.

У Негруци есть строки:

«Apoi a lor trupuri călcînd cu turbare
Priveam a fetiței chipul cel plăcut,
Gurițai deschisă cerea sărutare
Șîntracel minut» [Negruzzi 1955: 34].

(«Потом их тела топча с яростью дикой,
На облик я девы прелестный взирал,
И мысленно, в тот же момент, рот открытый
Ее целовал»).

Странными могут показаться слова:

«И в тот же момент был готов рот открытый
Ее целовать».

Но они продиктованы не фантазией Негруци. Существует элегия «Хас-Булат удалой», ставшая народной песней. Ее автором считается А.Н.Аммосов, русский офицер, проходивший военную службу во время Русско-турецкой войны 1853–1856 г.г. Обычно упоминается, что оно было «навечно Кавказской войной 1817–1864 года» – слишком общее суждение, чтобы можно было предположить, каков источник.

Элегия очень похожа на перевод или на пересказ горской легенды, сравнительно новой для того времени, судя по упоминаемым в стихотворении реалиям (напр, кинжал Базалай,.). Это, имя персонажа и название реки (Яман-су) свидетельствуют о месте действия, территории Чечено-Дагестанского имамата.

Возможно, что готовый сюжет пришел из Турции, либо был подсказан исполнителями народных песен. Во всяком случае у произведения несомненно должны быть тюркские или близкие таковым корни. Очень похоже и на перевод Негруци «Черной шали». Сравним с цитируемым выше следующий фрагмент:

«Ты невестой своей
 Полюбуйся поди, –
 Она в сакле моей
 Спит с кинжалом в груди,
 Я глаза ей закрыл,
 Утопая в слезах,
 Поцелуй мой застыл
 У нее на губах» [Песни русских 1973: 174].

Здесь реминисценция обряда прощания с усопшими. Не случайно в бытовавшей на Тереке и на Кубани казачьей песне об убитом казаке, у которого, поскольку «Нет отца, ни матери. Некому по нем жалковати, Головку связати», то: «Приходит девчонка С черными бровями, Она по нем жалковала, Головку связала». Здесь, понятно, речь идет об обряде оплакивания. Однако, затем пришла другая девушка:

«Другая такая,
 Совсем не такая,
 Приподняла китаечку
 Да и по краечку
 Да поцеловала» [Песни Терека 1974: 98].

Этим неожиданным эпизодом довольно короткая песня заканчивается, следовательно, здесь кульминация действия. Кажется, по разному можно толковать слова «такая, совсем не такая». «Такая», очевидно, которая тоже любила, но «совсем не такая», видимо, другого роду-племени и другого обычая. Похоже, что она приподняла паранджу, которую носила.

С близким к элегии «Хас-Булат удалой» сюжетом сохранилась аварская «Песня об Али-молодце» [Песни горцев 1990: 52–54], персонаж которой заколол («наотмашь кинжалом ударил») оклеветанную жену и, убедившись в ее невиновности, покончил с собой.

В позднейших вариантах песни о Хас-Булате появились эпизоды отсечения головы Хас-Булата князем и неожиданного самоубийства последнего. Куплет с этим эпизодом неуклюж в стилистическом отношении:

«С ревом бешеным вдруг,
 Ударяясь в скалу,
 Князь-убийца прыгнул,
 И пошел он ко дну» [Русские 1952].

Каковы бы ни были мотивы введения подобного финала, он возвращает нас к «Гяуру» Байрона, где о главном герое, убийце мусульманина Гасана, нашедшем приют в монастыре, говорится словами монаха-францисканца:

«И часто на крутых скалах
Его видали мы над морем,
Когда он там, с тоской и горем,
Все спорит с призраком одним:
Рука кровавая пред ним
В волнах могилу открывает
И вниз безмолвно призывает» [Байрон 1987: 330].

В большей части повествований о потерянной любви ключевым событием является гибель возлюбленной в речных водах. Случается, что падение в воду происходит, как акт божественного возмездия, например, в балладе «Мечь» («Die Rache») Л.Уланда. В этой связи и по сходству метра стиха было выдвинуто предположение, что этот текст, переведенный В.А.Жуковским, послужил источником пушкинской «Молдавской песни» [Томашевский 1990: 298]. В немецкой балладе конь рыцаря, убитого слугой, упал вместе с убийцей с моста в реку, и тот утонул под тяжестью надетых им на себя лат господина.

Однако, существует более близкая по характеру, турецкая песня в жанре Кызыльрмак тюркю, о невесте, упавшей, вместе со свадебным кортежем, с моста в реку и утонувшей. Песня называется «Невеста, утонувшая в реке» (“Suda Boğulan Gelin”). Похожая история содержится в русской песне «По Дону гуляет казак молодой», где сбывается предсказание, что невеста утонет в день своей свадьбы. Девушка падает в воду с дощатого моста. Если бы источник этой русской песни был совершенно не известен, можно было бы думать о турецком влиянии. Однако похоже, что песня была сложена на основе перевода шведской баллады «Волшебство звуков арфы» (“Harpanskraft”). Баллада и перевод оказываются даже ближе к турецкой «Утонувшей невесте», чем к тексту русской песни:

«Поедешь к венцу ты – я конников дам,
Вперед будет двадцать и сто по бокам».

В турецкой песне:

“Köprüye varınca köprü yıkıldı
Üç yüz atlı birden suya döküldü
Nice yiğitlerin beli büküldü” [Боролина 1984: 33(?)].

(Когда были на мосту, мост рухнул,
И триста конных все упали вдруг.
Столько молодых согнулись, словно под тяжестью лет!).

Наряду с песней «По Дону гуляет» есть другой местный вариант былины со следующим зачином:

«Ой камень тяжелый,
Не могу поднять,
Ой милый далеко,
Не могу узнать» [Багизбаева 1979].

Происхождение донской баллады от перевода Д.Ознобишиным шведского сказания не вполне убедительно. После его публикации (1835 г.) потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы текст песни так отшлифовался, а сюжет настолько изменился. За то короткое время, которое, предположительно, прошло от его публикации до записи песни, последняя не могла распространиться так широко – на Дону и в Семиречье и в столь отличающихся вариантах. В донском варианте

ничего не говорится об арфе или каком-либо другом инструменте (в семиреченской былине фигурирует гитара).

Что касается донской баллады, возможно, что некоторые сюжет ходили пути, некогда называвшемся Путем из варяг в греки. Не исключено скандинавское влияние на русские былины о новгородском купце и гусяре Садко. «Путешествие» того в подводное царство и игра на гусях ради морского царя повторяют в известной степени эпизод с арфой в шведской балладе, а выбор Садко невесты напоминает о невесте скандинавского Орфея и ее ранее утонувших сестрах.

Эпизод с бросанием Садко и его спутниками жребия на воду сохранился в казачьем фольклоре на Тереке [Песни Терека 1974: 130].

От терских казаков записана еще одна песня очень напоминающая ту же шведскую балладу по характеру диалога героя и героини. В «Чудной бандуре» Ознобишина казак спрашивает плачущую девушку:

– «Родной ли, отца ли, сестёр тебе жаль?
Иль милого брата? Пугает ли даль?»
– «С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!».

В современном литературном переводе шведской баллады:

«Кого вспоминаешь поздней порой,
Мать с отцом или брата с сестрой?»
«Я вспоминаю поздней порой
Не мать с отцом и не брата с сестрой».

В казачьей песне герой выясняет причину неожиданных слез красавицы, с которой свел его случай, и, узнав, что у него есть соперник, бросает девицу в воды Дуная [Песни Терека 1974: 134–138]:

«Ты о чем же девка плачешь,
О чем, красная, рыдаешь?
.....
Аль жаль стало тебе матери-отца?»
«Мне не жалко моих матери-отца,
Только жалко черноброва молодца.
Ухватил он красну девку за бока
Да закинул во Дунай ее реку» [Приводим фрагмент в нашей редакции. –

В.Я.].

Дунай – смертная купель гречанки в пушкинской «Черной шали» и сестры короля в румынской старине. Та бросилась в великую реку со словами:

«Лучше в рачьей яме стыть,
Своим телом рыб кормить,
Чем женою брата быть!»

Ознобишин же был не только талантливым поэтом, знакомым с Жуковским и Грибоедовым. Он прилежно занимался арабским и персидским языками и был одним из первых исследователей чувашского фольклора. Эта его заслуга способна придать «алтайский привкус» его переводу северного сказания.

Любопытна в отношении ее истоков казачья песня «Седлайся вновь конь верный мой» [Песни Терека 1974: 87 (№59)], героем которой оказывается некто

по имени Ходжи-Омар, вероятно, абрек. Текст был, очевидно, сложен самодельным поэтом, не вполне овладевшим поэтическим мастерством. Однако он сохранился на Тереке, где записан от казачьего хора, и на Кубани. Зарисовка родилась, видимо, от эпитафии некогда существовавшего лица, судя по тому, что в тексте три временных пласта, и тот, который образует реальную основу, относится к минувшему:

«И шашкой – лезвием крутым
Не рассекал я воздух даром».

Начальные же строки куплета, в которых употребляется настоящее время («Слышу наездником лихим, Меня зовут Ходжи-Омаром»), и в заключении – будущее время («И я уйду в степи широки На кабардинском скакуне»), свидетельствуют о вживании автора песни в образ ее героя.

Примером переложения эпитафии в песню может служить крымская турецкая песня о девушке, умершей от чахотки:

«Фатма-дыр меним адым;
Яш джаныма тојмадым
Мурадыма ірмедім» [Песни крымских турок, 45].

«Фатима имя моё;
Жизнь свою не прожила я,
Не сбылось то, что желала».

Поскольку этот дестан – явно эпитафия, «Фатмадыр меним адым» в самом начале соответствует принятой формуле, и в следующей строфе подтверждается предназначение текста: «Бејт яздырың ташыма!» («Прикажите вырезать стих на моем (могильном) камне!»). Следовательно и в приведенной выше песне слова: «Меня зовут Ходжи-Омаром» говорят о том, что исходный текст был эпитафией.

Хотя девушку по имени Фатима свела в могилу болезнь, образное выражение берется другое:

«Јүреджігім хама толду;
Мүшкүл алым нам олду... ».

«В сердце мне кинжал вонзился [ср. в элегии «Хас-Булат удалой»: «Она в сакле моей спит с кинжалом в груди».];

Моё горе огласилось».

В целом названные выше сюжеты объединяет их доминанта, или ключевое событие, – смерть героини. Преимущественно такая, какую мы именуем «смертной купелью». В зависимости от того, как это событие представлено, можно сюжеты классифицировать. Либо героиня гибнет от руки главного действующего лица, либо она тонет, как это было предсказано; либо таким образом она совершает самоубийство. Так в народной румынской старине «Король и его сестра». То, что здесь героиня тонет в водах Дуная, позволяет связать пушкинскую «Молдавскую песню» с этим произведением в сюжетном плане, не говоря уже о влиянии его звучания на звуковую палитру великого русского поэта.

ЛИТЕРАТУРА

(?) *Багизбаева М.М.* Фольклор семиреченских казаков. –Ч.2.– Алма-Ата: Бектеп, 1979, № 281.

Байрон. Избр. Произведения – Т.1. – М.: Худ. лит-ра, 1987.

Боролина И.В. Хрестоматия по турецкому фольклору. Вып.1. – М.: МГУ, 1984.

Олесницкий А.А. Песни крымских турок (Текст, перевод и музыка). /Под ред. В.А.Гордлевского//Труды по востоковедению. Лазаревский институт восточных языков. – Вып.32. – М., 1910.

Песни горцев. – Махачкала, 1990.

Песни русских поэтов (конец XVIII–начало XX века). – Л.: Худ. литра»: Ленинградское отделение, 1973.

Песни Терек: Песни гребенских и сунженских казаков/Публ. текстов, вступ. ст. и прим. Ю.Г.Агаджанова. – Грозный, 1974.

Русские песни/Сост. проф. Ив.Н.Розанов. – М.: Гослитиздат, 1952

Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. – М.:Книга, 1990.

«*Craiul și soră sa*» (I) – Folclor din Moldova. Texte alese din colecții inedite, II . București. Editura pentru literatura, 1969.

Negruzzi C. Opere alese. [Т.] II, versuri. Editura de stat pentru literatură și artă. – [București], 1955.

Yakovlev V.M. To localization of sources of familiar plot.

Summary. The article deals with analysis of some events described in A.S.Pushkin's "Moldovian song" ("Black shawl"), Roumanian ballad "King and his siter", Swiss ballad "The magic of harp sounds", elegy "Dashing Has-Bulat", Byron's "The Giaour", in Turkish song Kyzylmak turku etc. The plots in these works are united by key event – heroine's death. The plots can be classified according to how this event is described. The heroine may be either killed by the main hero, or drown as it has been foretold, or thus commit suicide.

Key words: compositional variation, key event (dominant), narrative influence.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ГЕРОЯ В ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

А.С. Сулейманова, г. Санкт-Петербург

Резюме. Персонажами постмодернистского произведения становятся «люди толпы», т.е. представители низовых деклассированных слоев общества, обитатели задворок. Хотя постмодернистские герои родственны образам-символам, традиционным социально-психологической прозе, они не проходят путь нравственной борьбы с самими собой во имя духовного возрождения и восстановления связей с обществом.

Такова семья героини романа современного турецкого писателя Лятифэ Текин «Моя милая наглая смерть». Этот роман о судьбах восьми несчастных, которые, будучи связанными родственными узами, оказались в городе в геджеконду.

Ключевые слова: децентрированный субъект, постмодернизм, постмодернистские герои, «антироман».

В современной литературе отчетливо наблюдается видоизменение как литературного героя, так и вообще персонажа. Более того, существует мнение, что из «нового романа» исчез полнокровный характер героя [Ильин 2001: 264]. Этот процесс тесным образом связывается с лакановской концепцией «децентрированного субъекта». Ее суть заключается в том, что в современной философии субъект интерпретируется как внутренне противоречивое явление: с одной стороны, находится в состоянии постоянного напряжения, на грани своего краха, развала, психической деформации, вплоть до безумия, с другой стороны, он судорожно пытается восстановить свою целостность посредством символической функции воображения, которая сама по себе не что иное, как фикция [Ильин 2001: 265].

Последовательное применение этого положения в художественном произведении приводит к полному разрушению личности персонажа как психологически и социально детерминированного характера. Постмодернистский персонаж существенно отличается от такового в классической, а также модернистской литературе неопределенностью, маргинальностью статуса, этическим плюрализмом.

Персонажами постмодернистского произведения становятся «люди толпы», т.е. представители низовых деклассированных слоев общества, обитатели задворок. Это трудно было бы назвать новшеством, если бы писатели-постмодернисты намеренно не лишали их высоких гуманистических идеалов, присущих романтизму, и глубоких психологических портретов, к чему стремились писатели-реалисты. Хотя постмодернистские герои родственны образам-символам, традиционным социально-психологической прозе, они не проходят путь нравственной борьбы с самими собой во имя духовного возрождения и восстановления связей с обществом. Российский исследователь постмодернистской культуры С.Чупринин отмечает: «Мир постмодернистской прозы населен почти исключительно людьми

жалкими, незадачливыми, ущербными бесспорно» [Богданова 2001: 14]. Но самое главное, что эти персонажи, несмотря ни на что, смешны и комичны в своем убожестве и не вызывают сострадания у читателя.

Такова семья героини романа современного турецкого автора Лятифэ Текин «Моя милая наглая смерть». Этот роман о судьбах восьми несчастных, которые, будучи связанными родственными узами, оказались в городе в геджеконду. Глава семьи – религиозный фанатик, эдакий самодур и деспот. Его жена больна раком и, даже умирая, продолжает верить только гадалкам. Жизнь их детей складывается одна хуже другой. На этом фоне главная героиня романа Дирмит, чей образ ориентирован на исторически-мифическое прошлое, на народные традиции, приобретает такие черты дестанских героев, как нравственная чистота, высокие моральные устои. Кроме того, она обладает сверхчуткой психикой. Однако она не способна противостоять отчужденности собственной семьи и переживает нервные срывы.

Нетипичными для турецкой литературы можно назвать и героев Орхана Памука. Измученный собственными неудачами адвокат Галип из романа «Черная книга» неубедителен (с точки зрения читателя) в своих попытках найти сбежавшую от него жену и пропавшего сводного брата. Во время его скитаний по Стамбулу невольно замечаешь, что Стамбул населен исключительно несчастными людьми, что в свою очередь, сближает этот город с Петербургом Ф.М. Достоевского. Убийца в романе «Меня зовут Красный» оправдывает свои преступления желанием сохранить абсолютную красоту, что отсылает читателя к известному герою из романа П.Зюскинда «Парфюмер» – убийце женщин, к эксцентричному чудовищу Жану-Баптисту Гренуалу, который с помощью исключительного и редкого обоняния стремился извлечь из испарений убитых девушек последний, абсолютный аромат.

Безусловно, современный литературный процесс в Турции не мог развиваться в отрыве от мирового процесса, а турецкий постмодернизм – это результат изменений, произошедших в социально-общественном устройстве государства и повлекших за собой поиск новых художественных средств, которые были бы адекватны современной ситуации и которые были предложены западным постмодернизмом. Почему именно постмодернизм и почему срок адаптации его средств и стиля к местным реалиям был более чем коротким? Этого не произошло бы, если бы в турецкой литературе не было бы предпосылок, почвы для восприятия постмодернистской культуры.

В первую очередь, это влияние модернистского течения «буналым» и социально-психологической прозы периода 60-70 –х гг. Открытия литературы этого времени предвосхищают появление таких авторов, как Орхан Памук и Лятифэ Текин. Известный турецкий литературовед Ахмет Кабаклы относит этот момент к более раннему периоду, к середине 50-х гг. прошлого века. Он пишет: «Нами уже было упомянуто литературное течение, которое пришло к нам в начале 1955 г. и которое дало первые яркие опыты во «Второй экспериментальной поэзии» (и параллельно в прозе) в применении таких приемов, как «Абстракция», «бессмысленность», «антироман». Турецкий роман именно в этот период отказывается от привычной формы, от метафорического повествования, от простых предложений, понятных тем, от менторского тона автора и его наставлений» [Kabaklı 1994: 907]. Он продолжает: «Орхан Дуру, Ферит Эдгю, Оздемир Нутку, Демир Озлю и др. – это «пионеры 1955 г.», писатели, выдвинувшие на первый план прежде всего свои

убеждения, а затем уже попытавшиеся создать форму для них (за примерами обращались к опыту французской школы экзистенциализма). Произведения именно этих писателей стали «строительным материалом» для романов таких авторов, как Орхан Памук» [Kabaklı 1994: 907–908].

Представляется, что использование новых художественных средств и появление нового персонажа в турецкой литературе можно отнести к еще более ранней дате, к 1947 г. Именно в этот период появляется роман Пеями Сафа «Кресло мадмуазель Норальи». Талантливый писатель, наделенный от природы способностью к тонкому психологическому анализу, которому удалось создать образ нового героя – слабого, безынициативного, мятущегося, легко отказывающегося от своих первоначальных убеждений.

В чем заключается нетипичность главного героя романа Ферита, если его сравнивать с преобладающим типом героев турецкой литературы того периода? Пеями Сафа ставит героя в такие ситуации, в которых читатель, сталкивавшийся с определенными поведенческими стереотипами персонажей реалистической или в меньшей степени модернистской литературы, будет ожидать от героя поведения по отработанному канону. Но этого не происходит. Приведем пример. Молодой человек по имени Ферит проводит свою первую ночь в комнатухе в дешевом пансионе.

Автор сразу же дает понять, что Ферит знаком с достижениями западной науки. Во сне он слышит игру звуков (фонем – в турецком варианте) в конце своего имени, слово «фонетика» повторяется несколько раз. Затем его сон прерывается истошным криком, который ассоциируется с образом матери из далекого прошлого. Крик доносится из соседней комнаты. Ферит встает и идет туда. Но им движет не желание помочь. Напротив, он встает «в страхе, что этот шум будет повторяться каждую ночь, и для того чтобы убедиться в этом своем предположении» [Safa 200: 9]. Вместо того, чтобы протестовать, он предлагает свои услуги доктора мальчику-соседу из бедной семьи. Сюжет развивается по классическому канону, пока Ферит не решается осмотреть живот ребенка. Неряшливый вид мальчика у него вызывает отвращение. «Его длинные грязные волосы закрывали уши. Но рубашка на нем была еще грязнее. Ферит, побрезговавший дотронуться до нее руками, показывает матери знаком, чтобы она обнажила живот сыну» [Safa 200: 11]. Более того, Ферит, вернувшись в свою комнату и «вспомнив, что ему пришлось при осмотре дотронуться до грязной кожи мальчика, вскочил с места, схватил полотенце, мыльницу и хирургическую щетку для ногтей и направился в уборную».

Но если больному мальчику и его семье Ферит в конце концов помогает, то с другими обитателями пансиона он может вести себя нечистоплотно, с нравственной точки зрения. Воспользовавшись болезненной одержимостью служанки своим умершим мужем, он проникает к ней в комнату. При этом, на протяжении всего романа сам герой бредит девушкой по имени Сельма в такой степени, что от одной мысли о любимой он падает в обморок. Ферит как личность аморфен даже в своих любовных переживаниях. Его друг как-то говорит о том, что на месте Ферита он бы не церемонился с девушкой. Мысль об этом приводит героя в ужас, однако не тем, что она аморальна, а тем, что требует определенного усилия. Российский читатель мог бы обнаружить в Ферите обломовские черты.

Таким образом, уже в романе Пеями Сафа «Кресло Мадмуазель Норальи» обнаруживается отход от традиционного изображения литературного героя и на-

мечается движение прозы теми путями, которые в последствии привели к произведениям Лятифэ Текин, Орхана Памука и других авторов, причисляемых к постмодернистскому направлению турецкой литературы конца XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова О.В. Современный литературный процесс: К вопросу о постмодернизме в русской литературе 70 – 90-х годов XX века. – СПб, 2001

Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М., 2001

Kabaklı A. Türk edebiyatı: Hikaye ve roman. –C.V. –. İstanbul, 1994

Safa P. Matmazel Noraliya'nın Koltuğu. – İstanbul, 2000.

A.S. Suleymanova Presuppositions of forming of the image of postmodern hero in Turkish literature of the XX-th century

Summary. Characters of postmodern literature are from the mass, i.e. representatives of low declassed society layer, inhabitants of backyards. Although postmodern characters are similar to images-symbols which are traditional to social-psychological prose, they don't take inner moral struggle for the sake of spiritual rebirth and restoring links with society.

Such is the family of the heroine of modern Turkish writer Latife Tekin "Dear shameless death". It is a novel about life of eight unfortunate people who being in blood relations found themselves in town *gejekondu* (buildings erected overnight without official permission).

Key words: decentralized subject, postmodernism, postmodern heroes, antinovel.

ОНОМАСТИКА

К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ НАЗВАНИЙ В РУССКОЙ И ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМАХ

Н.Ж Мынбаев, г. Шымкент (Казахстан)

Резюме. В статье рассматриваются миграционные топонимы, выявляются экстралингвистические факторы данного явления в топонимии.

Ключевые слова: миграционные топонимы, этнотопонимы, ойконимы, полисонимы, оронимы, гидронимы.

Миграционные топонимы встречаются почти во всех топонимических системах земного шара. Определенную часть таких названий составляют этнотопонимы. Их процентное соотношение среди других категории географических названий напрямую зависит от миграционных процессов, т.е. от миграций населения в том или ином географическом пространстве. А процессы миграций этносов на земном шаре активно протекали с древнейших времен и продолжают в наше время.

В связи с многовековыми славяно-тюркскими контактами наблюдается довольно активное вкрапление тюркских названий в русскую топонимическую систему и наоборот.

В ономастике проблема формирования и функционирования миграционных названий, как и ряд других вопросов, не изучена в должной степени. Работы, посвященные этой проблеме, редкость, и одна из них – публикация О.С.Стрижака [Стрижак 1976].

Ю.А.Карпенко, рассматривая признаки молодости топонимических систем, останавливается на данном вопросе. Он пишет: «В любом топонимическом ареале запрограммирован выход за пределы этого ареала. Этот выход осуществляется путем миграции названий, образованиями по аналогии и другими менее заметными топонимическими процессами» [Карпенко 1980: 49].

Н.В.Подольская в Словаре ономастической терминологии, посвятила данному явлению и термину довольно большую словарную статью: «Миграция имен – перемещение значительной группы ИС внутри страны (внутренняя м.) или из одной страны в другую (внешняя м.). Пр.: миграция топонимов (гл. об., ойконимов) в связи с переселением части новгородцев в Зап. Сибирь; появление

на Руси греч., лат., древ.-евр. ИЛ в связи с принятием христианства в 988 г.; миграция балтийских ИС в слав. среду в период балто-славянской общности; Употр.: Стрижак, 1980; Происх.: лат. *migratio* – переселение; Примеч.: м. может быть связана с тесными контактами различных этносов и их взаимным проникновением; с принятием религии другого народа (для ИЛ); с миграцией сюжетов и др. процессами. Результатом м. является обычно принятие ИС в новую систему, их ассимиляция. Ср. также заимствование» [Подольская 1988: 82].

Возникновение миграционных названий на географической карте земли, как было отмечено, связано с экстралингвистическими факторами. Миграционные топонимы: ойконимы, полисонимы, оронимы, гидронимы, этнопонимы, по нашему мнению, возникают вследствие следующих факторов.

I. Миграционные географические названия возникают в связи с завоеванием той или иной территории иноземными захватчиками, когда пересматриваются старые границы и устанавливаются новые границы, например, Ферганская долина до нашей эры называлась *Давань*, так как являлась протекторатом Китая. К таким историческим названиям на территории современного Узбекистана еще можно отнести: *Кушан* (< Кушанская империя), ныне сохранились также топонимы *Касан*, *Касансай*; *Абдал*, *Абдел* (по историческим сведениям, это названия эфталитов, или белых гуннов).

II. Миграционные географические названия возникают в процессе освоения новых земель поселенцами из других территорий. Например, освоение Сибири русскими староверами, Дона и Кубани русскими казаками или Америки европейцами.

Так, в Сибири в XIX в. появляются русские географические названия, которых до этого не было на данной территории; например: *Святой ручей*, *Вознесенка*, *Вознесенское*, *Филимонов крест*, *Могильный*, *Красноярск* и мн.др.

Тут следует особо отметить, что среди миграционных топонимов в таких регионах распространены имена с компонентом *новый*. Например: *Новая Каледония* – остров в Тихом океане (название Новая Каледония дал Джеймс Кук в 1774 г., Каледония – древнее название Шотландии); *Новая Ладога* – город в России (В 1704 г. Петр I приказал построить город в устье р.Волхов, для его заселения перевезли жителей из г.Старая Ладога). К этому ряду относятся названия *Новая Сибирь*, *Новая Шотландия*, *Новгород*, *Новокузнецк*, *Нью-Йорк*, *Нью-Джерси* и т.п.

III. Миграционные названия, возникают с целью внедрения идеологии государства–захватчика. Ярким примером такого явления может служить Александрия – Эсхата, город, построенный Александром Македонским на берегу р. Сырдарья.

В XIX в., после колонизации Туркестана Российской империей, здесь появляется довольно много русских топонимов, отражающих идеологию царского самодержавия:

1. На данной территории в тот период возникают названия географических объектов, возвеличивающих царскую фамилию Романовых: пос. *Романовский*; канал *Романовский* (в народе прозвали *Князь арык*, после революции 1917 г. – *Северный*, с 1936 г. канал им. С.М.Кирова, ныне *Дустлик «Дружба»*); пос. *Никольский* (в народе *Никола белый*); железнодорожная станция и поселок *Велико-Алексеевский*, затем – ст. *Голодная степь* (*Мирзачуль*, ныне

Сырдарьинская область. Республики Узбекистан); *Павлодар, Петропавловск* в Казахстане.

2. Появляется целый ряд топонимов от фамилий царских генералов, принимавших деятельное участие в военной кампании, такие географические названия символизировали собой силу царской армии и царской военной машины: поселок и название железнодорожной ст. *Кауфманский* (ныне г. *Янгиюль*); *Вревский* (ныне пос. *Алмазар*); *Хилково* (ныне *Беговат*); *Урюпинский* (ныне *Хаваст*); *Сваричевский* (ныне *Янгиер*) (Республика Узбекистан); *Черняево* (ныне *Жибек жолы*) (Казахстан).

3. Также в этот период на данной территории появляются названия, возникшие в связи с деятельностью русской православной церкви: пос. *Архангельский* – название бывшего хутора в Сырдарьинском районе. Представляется, что этот ойконим не связан с названием *Архангельск* или *Архангельская* губерния, так как значительная отдаленность, резкие противоположные климатические условия Архангельской губернии не могли привлечь русских крестьян оттуда, но в любом случае это миграционное название. Скорее, данное название привнесено как символ христианства

Пос. *Рождественский* возник в нижней части орошаемых земель, в настоящее время центральная усадьба бывшего совхоза «Новый путь» Махтааральского ЮКО РК, поселок был назван в честь религиозного праздника Рождества Христова; пос. *Покровский* возник недалеко от Рождественского, в настоящее время хозяйство «Маяк» Махтааральского района, название дано в честь православного праздника, связанного с именем Марии богородицы; пос. *Вознесенский* был расположен недалеко от Покровского, ныне усадьба одного из хозяйств Махтааральского района, название также возникло в честь религиозного праздника – вознесения Христа на небеса; пос. *Нововознесенский* поселок возник в другом месте несколько позже.

Как было отмечено, употребление прилагательных «новый, старый» в разноязычных топонимических системах широко известное явление. К примеру, на территории Казахстана и Узбекистана довольно часто встречаются топонимы *Жанабазар, Жанажол, Янгиюль, Янгиабат, Янгихайет, Янгиер*. Употребление прилагательного «новый» предусматривает параллельное употребление антонима «старый»; например: *Ескиургенч, Ескижува, Ескикаунчи*.

Следует отметить, что подобные параллели возникают вследствие переселения (полного или частичного) жителей старого поселения на новые места. Есть сведения, что исторический населенный пункт Ташкент исконно находился примерно в тридцати километрах ниже по течению р. Чирчик, на месте пос. Пахта. Сейчас он носит историческое название *Ескиташкент*. Переселение основной части жителей на новое место было связано с наводнением.

4. Определенную часть миграционных топонимов могут составлять имена собственные, отражающие ментальный образ человека (новопоселенца). Например: *Нахаловка* (поселок построенный без разрешения властей, самовольно, дело в том, что часть поселенцев Голодной степи составляли группы лиц недовольных царской властью России, таким образом они выражали свое недовольство); *Бушувка* (от имени ученого Бушуева; в степь приезжали добровольно и прогрессивные люди). Другие топонимы также отражают настроения и отношение человека к окружающей среде обитания: *Верный, Бурный, Славянка* (Казахстан).

5. Миграционные топонимы, возникшие по аналогии: *Мадрид*, *Рим*. Великий полководец Эмир Тимур поблизости от столицы империи построил поселения и дал им имена столиц Европы, символизируя этим величие империи и ее столицы Самарканда.

IV. Однако самую значительную часть миграционных имен собственных составляют этнотопонимы, произошедшие от этнонимов.

Одной из территорий, где наиболее бурно происходили миграционные процессы, следует считать территорию Центральной Азии. Богатейшие запасы природных ископаемых, оазисы, пригодные к земледелию, расцвет городов и цивилизаций, развитие караванных путей служило основной причиной захватнических войн или мирных миграций населения с различных территорий на эти земли.

Далее рассмотрим миграционные общетюркские этнонимы. Исходя из этнической истории народов Центральной Азии, миграцию этнических имен в связи с миграцией этносов можно условно разделить на три этапа:

I. Период до и после эпохи «переселения народов», древнетюркский период с IV в.н.э. по X в. н.э.

В данный период на Евразийском пространстве возникают этнические объединения и группы ряда этносов, мигрировавших из глубин Центральной Азии. Как неотъемлемый признак этих этнических подразделений выступают их этнические именованья, т.е. этнонимы. Этнонимы – уже в качестве этнотопонимов, вклиниваясь в этнонимическую и топонимическую системы исконных обитателей, закрепляются на новых территориях. На нынешней территории России в ее Европейской части, на Кавказе, да и в центральной части Европы появляются тюркские этнонимы, а позже от них и этнотопонимы. К таким названиям следует отнести: Аланы (Азы), Абары, (Апар-пурум, Обры, Авары, Иберы и т.п.), Баски, Абдалы (Абделы, Эфталиты, Белые гунны), Кушан (Касон, Коссеи), Эссты (Асты), Анты (Славяне), Чуваши (Шуасы), Канлы (Кангуй), Усунь (Уйсин), Скифы (Ишкузы), Сарматы, Хазары, Саки, Хунны (Гунны), Утиргурь, Кутиргурь, Сабиры, Залы, Болгар (Булгары) и многие другие этнические названия.

Этот процесс охватывает и территорию Мавераннахра, и как было отмечено все Евразийские просторы, Кавказ и Балканы.

II. Период захватнических походов Чингисхана с XIII в. по XIV в., а также период распада Золотой Орды.

В период нашествия войск Чингисхана на территорию Китая, Внутренней Азии, Средней Азии, Ирана, Индии, Кавказа, России, стран Европы на этих огромных пространствах произошли глобальные миграционные процессы. Миграция народов добровольного и принудительного характера вызвала к жизни лингвистическое отражение этих процессов на этнополитической и географической карте земного шара. Мигрировавшие этносы приносят с собой на новые территории свои этнические имена, а в процессе их оседания на этих землях появляются миграционные этнотопонимы.

К примеру, один из выдающихся летописцев той эпохи Рашид-ад-дин перечисляет тюркские племена, которые обитали на территории современной Монголии. Он пишет, что «племена, которых ныне называют монгольскими были турки, но которых имя, в сущности, не было монгол, так как это название они предъявили после эпохи (их) монголов» [Материалы 1926: 7]. Среди этих племен

называются: *Джалаир, Татар, Сунит, Меркит, Кермучин, Толенгит, Ойрат, Кереит, Найман, Онгут, Тангут, Кыркыз, Хонхират (Онгирад), Олхонут, Икирас, Урянхит, Кипчак, Барулас (Барлас), Дурбен (Дурмен), Салар, Чинис (Чиназ), Нукуз (Нукус)* и мн. др.

И надо подчеркнуть еще раз, что данные племена и племенные объединения, в связи с указанной военно-политической ситуацией, оказались также и на территории Мавераннахра. Об этом свидетельствует не только этническая история Узбекистана, но и засвидетельствованные этнопонимы, сохранившие исторические этнические имена. Например, в Материалах по районированию Узбекской ССР от 1926 г. [Материалы 1926] отмечено 29 этнопонимов *Найман*, 31 этнопоним *Кунграт*, 28 – *Джалаир*, 26 – *Дурмен*, 19 – *Кият*, 26 – *Катаган*, 54 – *Ас*, 31 – *Дархан*, также топонимы *Барлас, Салар, Чиназ, Нукус* и др.

Следующий этап этого периода – XV в. Исторические события, связанные с развалом западной части империи, оставшейся после Чингисхана, также привели в движение значительные этнические объединения. В период распада Золотой Орды Шейбаниды устремились в Мавераннахр, и кочевые племена узбеков окончательно осели на этой территории. И в этот период на данной территории появляется множество общетюркских этнопонимов.

III. Период возникновения казахской государственности, период джунгарского нашествия с XV в. по XVIII в.

Значительная часть общетюркских этнопонимов на рассматриваемых территориях появляется в период джунгарского нашествия калмыков на территорию Казахстана.

Вторжение калмыков было направлено на грабеж имущества и скота, на угон в рабство мирного населения. Поэтому старики, женщины, дети, бросив скот и имущество, спасались бегством. В народной памяти казахов даже сохранилось выражение «Ақ табан шұбырынды, Алқакөл сұлама». На левом берегу р. Сырдарья, на территории Гулистанского района Сырдарьинской области, сохранилось название озера *Алқа көл*. Там и поныне живут представители казахских родов.

По всей вероятности, именно к этому периоду относится появление в этом регионе географических названий, происхождение которых можно объяснить миграцией тюркских этнических подразделений. Сюда относятся этноконимы: *Баткей, Барлас, Бұлтай, Баяут, Зәләтауыл (Көрік), Қаржау, Қарақия, Каракөсе, Көрік, Қазақ ауыл* (встречается 6 раз), *Қият, Найман, Байларжандар, Рамадан, Сіргелі, Тентекауыл, Уақ, Шыбынтай* (также частотные названия); гидронимы: *Ашыкөл, Асылхансай, Ақшақұдық, Бесқұбыр, Бірауыз, Дөңарық, Жаманкөл, Жетісай, Жыланды, Сорөзек, Малыөзек, Қалғансор* (встречается многократно), *Караөзек, Қараойқұдық* и мн. др.

Как видно из примеров, на территории Центральной Азии наблюдалась активная миграция этнических групп, и, соответственно с этим процессом миграция этнонимов, которые в силу контактного переноса затем превращались в этнопонимы. Но наряду с данным процессом наблюдается и появление миграционных топонимов. Возникновение подобных топонимов иногда связывают с явлением топонимических параллелей. Возможно, приведенные ниже топонимы возникли также в третий период активной миграции, т.е. в период джунгарского нашествия. В качестве примеров можно привести такие топонимы

(преимущественно – ойконимы), как: *Машад, Баймак(Маймак), Шаян, Машад, Тургай, Клау, Каркарали, Шибурабай, Арна-кап-чугай, Турбет, Бургулюк, Уттар* [Материалы 1926].

Таким образом, миграция географических и других имен собственных в топонимии широко распространенное явление, в основе, которого лежат экстралингвистические факторы.

ЛИТЕРАТУРА

Карпенко Ю.А. Признаки молодости топонимической системы// Перспективы развития славянской ономастики.– М., 1980.

Материалы по районированию Узбекистана: Список населенных пунктов. – Самарканд, 1926.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. История монголов. – Т. XIV. – СПб., 1858.

Стрижак О.С. Топонимии миграции на Украине//Питання сучасної ономастики. – Киев, 1976.

N.J.Mynbayev. To the question of appearance of migration names in Russian and Turkic toponymic systems

Summary. are shown extra linguistic factors of the phenomena of migration toponyms in toponymum are considered in this paper.

Key words: migrational toponyms, ethnotoponyms, ойконимы, polysonyms, oronyms, hydronyms.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ МИРА

Е.М.Напольнова, г. Стамбул (Турция)

Резюме. В статье рассматриваются традиционные представления тюрков о небе, земле и др. Для современных турков земля-опора *yer* является важнейшей «нулевой отметкой» при оценке вертикальных размеров. Для характеристики объектов, продольные размеры которых превышают поперечные, имеется две антономические пары, лексическая сочетаемость членов которых непосредственно связана с точкой отсчёта, используемой для характеристики пространственной протяжённости объектов.

Ключевые слова: геоцентричность, космогоническая система, модель мира, «равнинное мышление».

«Предпосылкой существования человеческого общества является освоение окружающей природы и обеспечение таким образом жизнедеятельности человека и общества» [Колшанский 2006: 8]. Живя в определённой географической среде и определённых природных условиях, человек на самых ранних этапах своего развития не мог организовать свою хозяйственную деятельность, не упорядочив окружающие объекты в своём сознании, не создав соответствующей этой среде когнитивной системы, которая позволяла бы охарактеризовать местоположение и перемещение окружающих объектов. Как среда и природные условия определяли способ хозяйственной деятельности человека, так и особенности хозяйственной деятельности человека не могли не отразиться на способе мысленного упорядочения окружающих объектов, т.к. в разных экономических условиях значение приобретали отдельные характеристики объектов, их положения и перемещения, а другие, менее существенные, могли быть оставлены без внимания. Можно сказать, что окружающий мир воспринимался не абстрактно, а через призму хозяйственной деятельности как необходимого условия существования людей.

Кроме объектов, так или иначе подвергавшихся воздействию людей в ходе повседневной трудовой деятельности, люди постоянно сталкивались с необъяснимыми на определённом этапе развития общества явлениями окружающего мира, существенно влиявшими на жизнь человека, но находившимися полностью вне его контроля. Не имея возможности понять природу таких явлений, человек находил объяснения для них, исходя опять-таки из своего повседневного опыта, и излагал их в мифах. Первобытные представления об устройстве мира и значении окружающих объектов зачастую не просто отражаются в современных языках, но и влияют на способы номинации объектов и способы выражения отношений между ними. Знание истории народа и истории развития национального языка зачастую

даёт возможность выделить разные временные пласты в познании окружающего мира и проследить динамику этого развития.

Если говорить о космогонических представлениях древних тюрков, то они не отличаются от стандартной шаманской космогонической системы, в соответствии с которой мир делится на три сферы: верхний мир (*gök* ‘небо’), средний мир (*yer* ‘земля’) и нижний мир (*yeraltı* ‘подземелье’). *Gök* – место пребывания богов, «мир света. К этому миру относятся такие понятия как добро, красота и счастье. *Yeryüzü* – место, где живут люди. *Yeraltı* – мир тьмы, место, где живёт зло, уродство, несчастье» [İndirkaş 2007: 27].

Тюрки традиционно представляли себе небо в виде круглой твёрдой оболочки (*kök çyrişi* ‘небесная сфера, небо’ – ДТС), и следы этой точки зрения сохраняются в современном турецком языке (далее – ТЯ): *gökyüzü* <поверхность/лицо неба> ‘небосвод’, *gök kubbe* <небесный купол>: *Gök kubbe bize hem yakın hem çok uzak* (газ. «Yeni Şafak») ‘Небосвод и близок к нам и очень далёк’. Движение перемещающихся в воздушной среде объектов зачастую представляется как скольжение по поверхности неба: *Gökyüzü, bu gece “yıldız kayması” olarak da bilinen meteor yağmurlarına sahne oldu* ‘Этой ночью небосвод стал сценой для метеорного дождя, известного также как «звездопад» (<скольжение звёзд>), *Bir süre sonra süzülüp gitti gökyüzünden kara bulutlar* ‘Через некоторое время тучи рассеялись (<скользя ушли с небесной поверхности>), *gökyüzünden kayıp (süzülüp) giden bulutlar* <облака, скользя уходящие по небу> ‘убегающие облака’.

В отличие от русского языка, где явление грома персонифицируется (*гром гремит*), или немецкого, в котором оно связывается с неопределённой средой (*es donnert*), в древнетюркской языковой картине мира (далее – ЯКМ) в качестве объекта, производящего этот звук, указывается непосредственно небо: *kök kürlendi* (ДТС), аналогично в современном ТЯ: *gök gürlendi* <прогремело небо> ‘прогремел гром’, *gök gürlütüsü* <грохот неба> ‘гром’.

Что касается формы земли, то древние тюрки представляли её как прямоугольник или квадрат [İndirkaş 2007: 41], и отголоски этих верований также дошли до наших дней: *dünyanın dört köşesi* <четыре угла мира>, *köşe bucak dünya* <углы-страны мира> ‘весь мир’. Наличие же выражения *yerin dibi* <дно земли> можно расценивать как отражение в языке представления о наличии границы между землёй, как местом, населённым людьми, и «подземным царством» *yeraltı*.

При всей традиционности тюркских космогонических представлений необходимо подчеркнуть одну существенную черту их языкового отражения, сыгравшую определяющую роль в миграциях тюркских племён. Древнетюркская лексема *jer*, как и современная турецкая *yer*, имела два основных и тесно связанных друг с другом значения: ‘земля’ и ‘место’ (*türk sir bodun jerintä* ‘на земле народа тюрков-сиров’ (ДТС), *yerinde olmak* ‘быть на своём месте’, *yer yerinden oynadı* ‘земля сдвинулась со своего места’), т.к. земля, в противоположность *gök* и *yeraltı*, – это место, предназначенное для людей, а в представлении древних тюрков такими людьми были прежде всего они сами, их семьи и близкие, т.е. народ, к которому они принадлежали. Именно двойственность концепта *yer* лежала в основе миграций тюрков-кочевников в целом и огузов в частности: в их понимании речь не шла о завоевании новых земель, т.к. они считали принадлежащими себе земли там, где находились [Cahen 1992, 4].

В отличие от русского слова *земля*, английского *earth*, немецкого *Erde* и др. тюркская лексема *yer* не имеет значения ‘почва’, т.к. в ходе постоянных контактов с этим «объектом» для кочевников первостепенное значение имела не способность земли-почвы обеспечивать развитие растений (на это обращали внимание

представители оседлых культур), а роль земли-поверхности как опоры и площадки для перемещения: невозможно **bir avuç yer* 'горсть земли', только *bir avuç toprak* <горсть почвы>. Такое видение объясняет и тот факт, что в современном турецком языке не существует первичной лексемы со значением «пол»; ср.: *yere düşürmek* 'ронять на пол' (в помещении), 'ронять на землю' (вне помещения), *yer seramiği* 'напольная керамическая плитка', а при необходимости соответствующие термины строятся в форме словосочетаний (напр., *yer döşemesi* <выстилка земли/пола> и *yer kaplaması* <покрытие земли/пола> 'пол, напольное покрытие'). Показательно в этом отношении и развитие семантики лексемы *yer*, когда возникает необходимость выражения современных космогонических представлений. Использование на протяжении веков в качестве научных терминов арабских и персидских заимствований привели к тому, что в качестве названия нашей планеты в современном ТЯ закрепилась лексема *Dünya*, однако в ходе языковых реформ, направленных на «тюркизацию» ТЯ, возникли лексемы *yerküre* 'земной шар' и *yerkabuğu* 'земная кора', т.е. основой для лексического творчества стала земля-опора, а не почва.

Судя по данным современного ТЯ, земля-опора *yer* является важнейшей «нулевой отметкой» при оценке вертикальных размеров объектов. Для характеристики объектов, продольные размеры которых значительно превышают поперечные, имеется две антономические пары, лексическая сочетаемость членов которых непосредственно связана с точкой отсчёта, используемой для характеристики пространственной протяжённости объектов: *kısa – uzun* и *yüksek – alçak*.

Первая пара определений используется для обозначения относительной продолжительности временных интервалов (*kısa zil* 'короткий звонок' – *uzun zil* 'длинный, долгий звонок'), а также для характеристики относительной протяжённости объектов вне зависимости от их пространственной направленности: *kısa köprü* 'короткий мост' – *uzun köprü* 'длинный мост', *kısa direk* 'короткий столб' – *uzun direk* 'длинный столб', *kısa saç* 'короткие волосы' – *uzun saç* 'длинные волосы'. Таким образом, основанием сравнения является только относительная степень взаимной удалённости двух противоположных концов объекта и, благодаря известному свойству обратимости времени и пространства [Яковлева 1994: 56], начала и конца временного интервала.

Во второй, геоцентричной и антропоцентричной одновременно, паре определений принимается во внимание расстояние между наиболее естественным и универсальным ориентиром – поверхностью земли (или, соответственно, поверхностью пола в помещении), и верхней оконечностью вертикально ориентированного объекта, и таким образом характеризуется только вертикальная протяжённость артефактов и природных объектов: *yüksek direk* 'длинный столб' – *alçak direk* 'короткий столб', *yüksek masa* 'высокий стол' – *alçak masa* 'низкий стол'. Важно подчеркнуть, что с использованием определений *yüksek* и *alçak* не могут быть охарактеризованы предметы, при нормальных условиях расположенные не на земле или не на полу, а на других поверхностях, например, на столе. По этой причине, например, бокалы нельзя охарактеризовать как *yüksek* или *alçak*, а только *uzun bardak* и *kısa bardak*, но сопоставимые с ними по размеру каблук оцениваются как *yüksek topuk* и *alçak topuk*. При всём том, что в отношении каждого конкретного объекта граница между *yüksek* и *alçak* выявляется индивидуально, можно говорить о том, что объекты, определяемые как *yüksek*, обычно сопоставимы с человеческим ростом и физическими возможностями человека в том смысле, что их преодоление затруднено или невозможно. Условие «трудности/лёгкости преодоления» зачастую препятствует использованию *alçak* в качестве антонима к *yüksek*. Например, невозможно сказать **alçak ağaç* 'низкое дерево', т.к. преодолимость такого объекта

достаточно проблематична. В противоположность этому «ступень», которую приходится преодолевать, поднимаясь по лестнице, прекрасно сочетается с определениями *yüksek* и *alçak*.

Отсутствие значения вертикальной направленности в паре *kısa – uzun* и её наличие в паре *yüksek – alçak* приводит к тому, что лишь в случае, когда речь идёт о сопоставлении вертикальных и горизонтальных размеров одного объекта, *uzun* предполагает значительную горизонтальную протяжённость, а *yüksek* – значительную вертикальную протяжённость: *uzun ve yüksek masa* ‘длинный и высокий стол’, однако в одиночном использовании *uzun* не несёт никакой информации о направленности: с помощью выражения *uzun bina* <длинное здание> может быть охарактеризовано как вытянутое в горизонтальном направлении здание, так и (в разговорном языке) такой ярковыраженно вертикальнонаправленный объект как высотное здание, обычно именуемое *yüksek bina* <высокое здание>.

Геоцентричность и относительный вертикальный размер характеризуемого объекта, заложенные семантике прилагательных *yüksek* и *alçak*, существенно ограничивают их сочетаемость. И напротив, результаты проведённого с носителями ТЯ тестирования показывают, что определения *uzun* и *kısa* несовместимы только с такими значительными по вертикальной протяжённости и «незыблемыми» естественными наземными объектами, как горы: *yüksek dağ* ‘высокая гора’. Соответственно, как «высокие» характеризуются и области, расположенные высоко над уровнем моря: *yüksek kesim* ‘высокое место, возвышенность’, *yüksek irtifa* ‘значительная высота над уровнем моря’.

Геоцентричность оценки удалённости объекта позволяет использовать определения *yüksek* и *alçak* также для характеристики степени подъёма и передвижения объектов в воздухе (такими объектами могут быть, например, облака): *bulutlar yükseldi* <облака повысились> ‘облачность поднялась’, *alçak bulut* <низкое облако> ‘низкая облачность’; *yüksek uçmak* ‘лететь высоко’, *alçak uçmak* ‘лететь низко’.

Строгая пространственная ориентация антонимов *yüksek* и *alçak* определяет невозможность их использования для характеристики размеров таких подвижных объектов, как человек и животные, способных изменять положение своего тела. Таким образом «измерительный инструментарий» в этом случае оказывается ограничен двумя антонимами – *uzun* и *kısa*. Принцип их использования в отношении человека ясен, так как однозначно определяется соотношением продольных и поперечных размеров его тела: *uzun boylu bir adam* <один человек с длинным ростом> ‘человек высокого роста’ = *uzun bir adam* <один длинный человек> ‘высокий человек’, *kısa boylu bir adam* <один человек с коротким ростом> ‘невысокий человек’ = *kısa bir adam* <один короткий человек> ‘невысокий человек’. Горизонтальная направленность тела животных часто не даёт возможности характеризовать многих их представителей как *uzun* или *kısa* без включения в высказывание дополнительной информации в виде лексем *boy* ‘рост’, предполагающей с названиями живых существ вертикальную протяжённость, или *gövde* ‘тело’: *uzun gövdeli köpek* ‘длинная собака’ (например, о таксе), *uzun boylu köpek* ‘высокая собака’, *Zürafa, karada yaşayan en uzun boylu hayvandır* ‘Жираф – самое высокое животное, обитающее на суше’.

Как известно, многие современные языки сохранили в семантике лексем «высокий» и «низкий» архаические представления о нахождении рая, символизирующего всё положительное, на небесах, а ада, связываемого со всем отрицательным, – под землёй. В этом смысле и ТЯ не стал исключением, что ясно из переносных значений соответствующих лексем: *yüksek amaç* ‘высокая цель’,

yüksek ödül ‘высокая награда’, *alçak* <низкий> ‘подлец’. Отрицательная коннотация приобретена прилагательным *alçak*, без сомнения, в достаточно поздний период из противопоставления *yüksek* в пространственном значении, т.к. в древнетюркском *alçaq*, не имея пространственного значения, заключало в себе положительную характеристику человека: ‘скромный, смиренный, кроткий’ (ДТС), которая полностью не исчезла и в современном ТЯ: *alçak gönüllü* <имеющий смиренную душу/сердце> ‘скромный’.

В современном турецком языке наличествует значительное количество специфических высокочастотных лексем (в том числе и неологизмов), используемых для описания неровностей рельефа, некоторые из которых не имеют точных соответствий в языках «равнинных» народов: *dağ* ‘(высокая) гора’, *tere* ‘горка, возвышенность; вершина’, *yamaç* ‘склон, подъём’, *yokuş* ‘улица, поднимающаяся вверх по склону’, *rampa* ‘наклонный съезд/въезд; склон, подъём; улица, поднимающаяся вверх по склону’ (от англ. *ramp* ‘скат, уклон, наклонная плоскость’). Однако имеются и иные языковые данные.

Е.С.Яковлева, изучая особенности использования наречий с семантикой «далеко»/«близко», приходит к выводу, что для русской ЯКМ характерно «плоскостное» или «равнинное» мышление, т.к. «“категория дистанции” в русском языке тесно связана с горизонтальной ориентацией пространства» [Яковлева 1994: 31]. Похожая ситуация зафиксирована Тань Аошуань в китайском языке, причину чего, по её мнению, следует искать в том, что «очаг китайской цивилизации – бассейн Жёлтой реки», лишь «на периферии которого находились гористые местности со свойственной им вертикальной ориентацией» [Тань 2004: 28]. Таким образом в русском и китайском языках отразилась необходимость освоения «горизонтально расположенного» жизненного пространства, в противоположность чему в понимании горных народов, осваивавших «вертикально расположенное» жизненное пространство дистанционная удалённость может иметь как горизонтальную, так и вертикальную направленность [Яковлева 1994: 31].

Как показало проведённое нами исследование, ситуация в ТЯ аналогична русской и китайской, т.е. для тюрков первоначально было свойственно «плоскостное» или «равнинное мышление»: носители современного ТЯ языка прямо указывают на возможность использования наречия *uzak* ‘далеко’ только в отношении объектов, расположенных на одном уровне с говорящим, т.е. на уровне земли. Для проверки этого утверждения мы предлагали носителям ТЯ следующую ситуацию: человек поднимается в гору и ищет чей-то дом. Он спрашивает у случайного прохожего, далеко ли ему ещё идти. Каким может быть ответ прохожего, если он хочет сказать, что до дома ещё достаточно большое расстояние? Ответы были следующими: *Daha çok çıkacaksın* <Тебе ещё много подниматься>, *Daha çok yürüyeceksin* <Тебе ещё много идти>, *Daha var* <Ещё есть> ‘Ещё достаточно далеко’, *Daha yukarıda* <Выше>. Использование в этой ситуации наречия *uzak* исключалось.

В исследованиях, посвящённых концептуальным языковым пространственным представлениям, обычно оперируют двумя пониманиями термина «пространство»: с точки зрения И.Ньютона, пространство представляет собой пустое, непрерывное и однородное «вместилище тел», а последовательность тел и расстояний между ними трактуется как «протяжённость»; Г.Лейбниц же рассматривает пространство как порядок взаимного расположения независимых друг от друга тел. И в том и в другом случае пространство характеризуется как бесконечное и трёхмерное. Такие сложнопостижимые характеристики физического пространства как незаполненность, бесконечность, трёхмерность не могли быть

отражены в сформировавшейся на ранних этапах истории человечества языковой репрезентации пространства, не столько по причине неразвитости научных представлений о мире, сколько потому, что они выходили далеко за рамки практической деятельности человека.

Как известно, консервативность ЯКМ выражается в том, что научные открытия обычно не отражаются в ней, а в течение долгого времени остаются элементом лишь научной картины мира. В отношении концепта «пространство» яркий пример этого общего положения предоставляет современный ТЯ. Дело в том, что в турецкой ЯКМ концепта, сопоставимого с русским «пространством» не существует. Все, кто занимается переводами на ТЯ сталкивается с трудностью, а порой и невозможностью передачи лексемы «пространство» – в каждом конкретном случае приходится использовать различные подходящие в той или иной ситуации слова: *boşluk* ‘пустота, промежуток, отверстие, дыра’, *yer* ‘место’, *boş yer* ‘свободное, пустое место’, *açık yer* ‘открытое место’, *ara* ‘промежуток’, *etraf* ‘стороны, всё, что находится вокруг’, *hacim* ‘объём, вместимость’, *çevre* ‘окружающая среда’, *ortam* ‘среда’ и т.д. Очевидно, что современная наука не в состоянии обойтись без термина «пространство», поэтому в естественнонаучной и математической терминологии это значение закрепилось за лексемой *uzay*, которая была искусственно образована от *uzak* ‘далёкий’ как соответствие английской лексеме *space* с первичным значением ‘пространство, промежуток, пустое место’ и вторичным – ‘космос’. В противоположность английскому языку первичным и общеязыковым значением турецкой лексемы *uzay* является ‘космос’, а в значении ‘пространство’ эта лексема используется исключительно как естественнонаучный и математический термин. Отсутствие соответствующего единого общеязыкового концепта приводит также к тому, что представители разных научных дисциплин создают отличные друг от друга термины, например в социологии используется термин *uzam*. Наличие даже в современном общенациональном ТЯ такого рода концептуальной лакуны, не говоря уже о более ранних стадиях его развития, лишний раз свидетельствует о том, что для носителей ТЯ характеристики физического пространства не важны настолько, чтобы отражать их в ЯКМ.

«Равнинный» характер мышления тюрков в сочетании с их древними космогоническими представлениями, отсутствием общеязыкового концепта «пространство», а также некоторые другие, не освещённые в настоящей статье особенности ЯКМ, позволяют нам высказать предположение об исходной «двухмерности» их языковой модели мира. Такой подход ни в коей мере не означает, что древние тюрки считали окружающие объекты плоскими, в том числе и потому, что для обозначения их вертикальных размеров существовали специальные определения. Всё дело в том, что освоение жизненного пространства для тюрков было напрямую связано с кочёвками, т.е. перемещением в горизонтальной плоскости. Их жизненное пространство располагалось в горизонтальном направлении, а вертикаль была сопоставима с вторжением в другие, не принадлежащие человеку сферы мира. «Двухмерная» языковая модель мира может быть сопоставима с творческой манерой средневековых художников: «Творимый средневековыми художниками мир очень своеобразен и необычен на взгляд современного человека. Художник как бы не знает, что мир трёхмерен, обладает глубиной: на его картине пространство заменено плоскостью... Конечно, проще просто говорить о “примитивности” и “детской непосредственности” художников средних веков, об их “неумелости”, о том, что, скажем, ещё не была открыта пространственная, линейная перспектива, и т.п. Однако все эти рассуждения свидетельствовали бы лишь о непонимании внутреннего мира

средневекового художника <...> и о желании судить об искусстве другой эпохи на основе нынешних критериев, совершенно чуждых людям средних веков» [Гуревич 1972: 20–21].

С другой стороны, Е.Д.Прокофьева обнаружила архаическую шаманскую модель мира, которая была не только «горизонтальной», но и «линейной» и составила базис для последующей «многоуровневой»: «В архаической горизонтальной модели мира верхним миром (миром предков) является верховье реки, нижним (миром мёртвых) – её устье, среднее течение реки соответствует миру живых людей. Верхний мир располагался на юге (реки в этом мире текут с юга на север), нижний соответственно – на севере. В последствии многоуровневая модель мира стала иметь три измерения и упорядочивалась уже по вертикали» [Серебренников 1987: 62]. Исходя из того, что жизненное пространство кочевников-тюрок не было ограничено направлением реки, а представляло собой обширную ровную местность, можно утверждать, что лингвистические данные указывают на наличие инварианта «горизонтальной» модели мира – не «линейной», а распространяющейся во всех направлениях по горизонтали.

В современном ТЯ оказался зафиксированным и следующий шаг в развитии модели мира – заполнение промежутка между поверхностью земли и «поверхностью неба» субстанцией, именуемой *hava* (от араб. *havā*). Заимствованный характер этой лексемы заставляет предположить, что соответствующая субстанция была включена в модель мира после исламизации тюрок и частичного усвоения ими исламской ЯКМ.

Наличие некоего «пространственного заполнителя», связанного с явлениями, наблюдаемыми в окружающем мире, признаётся в моделях мира и других народов, однако в европейских ЯКМ эта субстанция не конкретизируется. В русской модели она не получила никакого специального лексического обозначения и выражается с помощью безличных предложений, иногда через характеристику её воздействия на органы чувств человека (*Холодно. Темно. Страшно.*), а в английской и немецкой обозначается безличными местоимениями *it* и *es*: *It is worm, It is dark, It is raining, Es ist kalt, Es ist dunkel, Es regnet.*

Турецкий язык гораздо более конкретен в этом отношении: всё, что окружает человека вне помещения, рассматривается как состояние среды, именуемой *hava*. Хотя концепт *hava* обычно соотносится с ‘воздухом’ и ‘погодой’, он значительно более объёмен и охватывает атмосферу, погоду, освещённость и другие условия окружающей среды, провести разделение которых можно лишь условно:

• погода:

hava tahmini ‘прогноз погоды’,
Bakalım yarın hava nasıl olacak ‘Посмотрим, какая завтра будет погода’,
Bugün hava basık <Сегодня *hava* давящая> ‘Сегодня душно’;

• воздух:

Tozlar havada uçuşuyordu <В *hava* летала пыль> ‘В воздухе летала пыль’,
hava sıcaklığı ‘температура воздуха’,
Bugün hava çok sıcak <Сегодня *hava* очень жаркая> ‘Сегодня очень жарко’,
Hava soğudu. <*Hava* стала холодной > ‘Похолодало’;

• (чистое, покрытое облаками) небо:

Hava yükseldi <*Hava* поднялась> ‘Облачность поднялась’,
Hava açıldı <*Hava* открылась> ‘Выглянуло солнце’,
Hava açık <*Hava* открытая> ‘Погода безоблачная’,
kapalı hava <закрытая *hava*> ‘облачная погода’,
Havada bir tek bulut yok <В *hava* нет ни одного облака> ‘В небе ни облачка’,

açık hava tiyatrosu ‘театр под открытым небом, летний театр’;

• «всё вокруг»:

Hava karardı <*Hava* потемнела> ‘Стемнело’,

Birden hava aydınlandı <Внезапно *hava* осветилась> ‘Внезапно всё вокруг осветилось’.

Субстанция *hava* заполняет всё пространство вне помещения, но не распространяется на то, что находится внутри него: *Hava sıcak* ‘(На улице) жарко’, но *Evin içi sıcak* <Внутренность дома жаркая> или *Ev sıcak* <Дом жаркий> ‘В доме жарко’; *Hava karanlık* ‘(На улице) темно’, но *Evin içi karanlık* <Внутренность дома тёмная> или *Ev karanlık* <Дом тёмный> ‘В доме темно’. Процесс проветривания закрытых помещений в турецком представлении связан с впусканьем в них субстанции *hava*: *havalandırmak* ‘проветривать’.

Специфика концепта *hava* по сравнению с русским *воздухом* выражается также в том, что *hava* не соотносится непосредственно с процессом дыхания (ср. русск. *дышать* и *воздух*), и фразеологизм *hava almak* <брать *hava*>, хотя и имеет значение «пойти подышать свежим воздухом», на самом деле не идентичен по своему внутреннему содержанию русскому выражению, так как предполагает не обеспечение активного попадания насыщенного кислородом воздуха внутрь организма, а нахождение в среде, насыщенной свежим воздухом («принятие воздушных ванн»); ср.: *Bu oda güneş almıyor* <Эта комната не берёт солнца> ‘В эту комнату никогда не заглядывает солнце’.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.
 Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
 Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 2006.
 Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М., 1987.
 Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М., 2004.
 Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. Модель пространства, времени, восприятия. – М., 1994.
 Cahen C. Türkler’in Anadolu’ya ilk girişi. – Ankara, 1992.
 İndirkaş Zühre. Türk Mitosları ve Anadolu Efsanelerinin İz sürümü. – Ankara, 2007.

Е.М.Napólnova. Linguistic world model

Summary. The work considers traditional ideas of Turks about the sky, the universe, etc. For modern Turks supporting land *yer* is the most important zero mark while estimating vertical dimensions. For characterization of objects longitudinal size of which exceeds lateral one there are two antonymical pairs, lexical compatibility of the elements is directly related to starting point, which is used to specify spatial extension of objects.

Key words: geocentricity, cosmogonic system, world model, horizontal thinking.

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

ЦВЕТОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СОСТАВЕ СВОБОДНЫХ И
ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Б.А. Мусуков, г.Нальчик

Резюме. В статье рассматриваются лексикализованные устойчивые словосочетания, образованные со цветообозначающим компонентом.

Ключевые слова: атрибутивный компонент, идиоматизация, словосочетания, цветообозначение.

В тюркских языках среди личных имен, образованных от апеллятивных конструкций с цветообозначающими компонентами, отмечается немалое количество лексикализованных устойчивых словосочетаний, не подвергшихся делексикализации и активно употребляющихся с широким ареальным распространением как в литературных языках, так и их диалектах. Большинство этих словосочетаний, выполняя номинативную функцию в обозначении предмета, явления или действия, приобретают качество устойчивого словосочетания и выполняют нередко функцию ономастического термина.

В результате лексикализации словосочетаний и появления терминологического значения синтаксические отношения сочетающихся компонентов отходят на второй план и словосочетание функционирует как обозначение единого понятия, н-р: *Акъбаиш* букв. 'белая голова' (< от *акъ* 'белая' + *баиш* 'голова') – 'белоголовый', *Акъжыякъ* букв. 'белая щека' (< от *акъ* 'белая' + *жыякъ* 'щека') – 'белощекий', *Акътуякъ* букв. 'белое копыто' (< от *акъ* 'белое' + *туякъ* 'копыто') – 'белокопытный', *Акъбилек* букв. 'белый локоть' (< от *акъ* 'белый' + *билек* 'локоть') – 'белолокотный', *Акътырнак* букв. 'белый ноготь' (< от *акъ* 'белый' + *тырнак* 'ноготь') – 'белоноготный'.

Во всех словосочетаниях данного типа первую часть составляет атрибутивный компонент, выраженный качественным прилагательным, вторую часть – субстантивный компонент, обозначающий различные соматические части человека и животных.

Отличительной особенностью отмеченных лексикализованных словосочетаний и многих других, составляющих в плане выражения модель свободных словосочетаний, является то, что в их составе не происходит каких-либо структурных изменений, вызванных фонетическими особенностями. В отличие от собственно сложного слова терминологизированное устойчивое словосочетание является сложной лексической единицей, которая обозначает

предмет описательно, указывая на какой-нибудь один его дифференциальный признак, в данном случае – на цветообозначающий.

Другой особенностью лексикализованных определительных словосочетаний описательного типа, в которых обязательным является указание признака, является то, что на синтаксическом уровне они представляют собой двучленную синтагматическую структуру неизафетного типа (имя при-лагательное + имя существительное), в которой сочетающиеся слова выражают собой отношения определения (определяющего) и определяемого, н-р: *Аq бекиm* ‘чистая, невинная княгиня’, *Апаq бекиm* ‘слишком чистая, невинная княгиня’.

Во всех рассмотренных антропонимах между значением устойчивого словосочетания и семантикой составляющих его слов-компонентов наблюдается смысловая связь, т.е. семантика составляющих частей полностью, а не частично, переходит в семантику производной основы. Лексикализованное значение можно рассматривать как разновидность словообразовательного значения, обнаруживающееся только в результате семантического сдвига этимологического значения.

Некоторые словосочетания в тюркских языках, представляющие собой сложные слова, в отличие от свободных, подверглись идиоматизации и не обнаруживают прямых значений сочетающихся слов, а обрели совершенно другой смысл, т.е. между значением устойчивого словосочетания и семантикой составляющих его слов-компонентов смысловая связь не наблюдается.

Анализируя сложное слово *аккош* ‘лебедь’ (башк., букв. ‘белая птица’ нельзя сказать, что здесь речь идет о белой птице, т.к. – *кара аккош* ‘лебедь черный’ (башк., букв. ‘черная белоптица’, ср. к-калт. *акъ къу* ‘лебедь’). Словосочетания *кара аккош* ‘лебедь черный’, *карамуйын аккош* ‘лебедь черношей’, *кызыл карагат* ‘красная смородина’ являются терминами описательного типа, т.к. цветообозначающий компонент в составе двухкомпонентных сочетаний указывает на наличие ахроматического признака, а сложное слово *аккош* лишено описательности, т.к. здесь речь идет не о белой птице, а о лебеди. Сюда же можно отнести термины *караганат* (*кара канат* ‘подлещик’ (башк., букв. ‘черный плавник’), *кызылганат* (*кызыл канат*) ‘красноперка’ (букв. ‘красный плавник’).

Идиоматические цветообозначающие термины, представляющие собой метафорические выражения различной степени ‘омертвения’, являются разновидностью лексикализованных словосочетаний, в которых идиоматичность исходит не от каких-то синтаксических или логико-семантических нарушений в сочетаемости слов-компонентов, а имеют отношение к общему смыслу словосочетания. Общая семантика идиомы-термина (н-р, как в случае с *аккош*) выходит за пределы суммы лексических значений сочетающихся слов. Переход первоначального значения идиомы-термина в значение устойчивого словосочетания нужно рассматривать как своеобразный процесс метафоризации, в котором усматривается и словообразовательное значение, связанное с категорией словообразования. Общее значение устойчивого словосочетания по отношению к первоначальному значению либо расширяется, либо сужается. В данном случае изменение в значении слово-сочетания наблюдается в силу утраты первоначального значения прототипа и появления нового. Однако, при этом можно легко восстановить перво-начальное значение цветообозначающей конструкции на основе смысловой связи между компонентами. Исторически

более позднее значение 'лебедь' в башкирском языке стало главным, а главное значение прототипа 'белая птица' утратилась. Лексикализацию компонентных значений цветообозначающих словосочетаний следует квалифицировать как семантический сдвиг, расширяющий или сужающий общее значение, что прослеживается и в понятийном плане. Это в равной степени относится к конструкциям, обозначающим как конкретные, так и абстрактные понятия.

В целом идиоматизации подвергаются словосочетания, в основе которых лежит образное, метафорическое значение. В отдельных случаях этот процесс наблюдается и среди необразных, свободных словосочетаний, в основе значений которых лежит цветовой признак.

Отличительной особенностью собственнораспространенных слов от лексикализованных устойчивых словосочетаний в тюркских языках еще является и то, что первые состоят традиционно из двух основ, а вторых – из двух, трех и более основ.

Некоторые цветообозначающие идиоматические словосочетания, относящиеся к социальной терминологии средневекового феодально-патриархального строя, в настоящее время вышли из активного обихода в результате малой их употребительности, что нужно рассматривать как процесс делексации. Слово, вышедшее из употребления в литературном языке, может сохраниться в диалектной или наддиалектной лексике или произведениях фольклора, н-р, ср. к.-балк. *Акъсюек* 'аристократка' (букв. 'белая кость' < от *акъ* 'белая' + *сюек* 'кость'). Семантические преобразования в структуре данного словосочетания произошли в силу утраты первоначального значения прототипа и появления нового. Постепенный переход главного значения в новое и утрату своих позиций можно рассматривать как своеобразный словообразовательный процесс в определенном диахроническом срезе.

Ср. кирг. по В.В.Радлову *кара сүйөк* 'человек простого происхождения' (букв. 'черная кость' < *къара* 'черная' + *сүйөк* 'кость' - в значении 'род').

Личное имя *Акъсюек* (к.-балк.) образовалось от социального термина *акъсюек* 'аристократка'. Подобные имена носили только женщины, принадлежащие к классу феодалов, имеющие большой социальный вес в обществе, а представительницы трудовых слоев такими правами не обладали. Это имя встречается и в других тюркских языках с тем же самым социальным значением, в которых компонент *акъ* 'белый' выступает как своеобразный иерархический показатель. Антропоним *Акъсюек* постепенно утратил свои позиции так же как и термин *акъсюек*, в связи с тем, что произошли определенные изменения в общественном строе и сознании людей.

В.А. Musukov. Color naming components in free phrases and collocations in Turkic languages

Summary. The article deals with lexicalized collocations formed with the help of color naming component.

Key words: attributive component, idiomatization, collocations, color naming.

ОБ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ В ЛЕКСИКЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

А.Р.Рафиев, г.Ташкент (Узбекистан)

Резюме. Литературная норма устанавливается и развивается согласно закономерностям развития языка. В 20-е гг. XX в. все сферы узбекского языка, особенно его лексический состав, претерпели серьезные изменения. Наряду со словами старого узбекского языка стали входить в обиход слова из диалектов и неологизмы. В результате в лексическом составе образовалась богатая лексическая вариативность.

Ключевые слова: вариативность, литературная норма, национальная тактика, нормированность.

Правильное формирование и стабильность нормы каждого языка служит укреплению его правильности и чистоты, потому что любая литературная норма предотвращает изменения, разрушения, происходящие при последующем развитии языка. Норма обеспечивает связь между поколениями, последовательность национально-культурных традиций.

На самом деле литературная норма устанавливается и развивается согласно закономерностям развития языка. Установление языковых норм опирается на существующие законы и правила языка, на состояние его активного лексического и грамматического пластов. При этом, несомненно, учитываются реальные возможности и богатство диалектов – опорных столбов национального языка. В 20-е годы, в период острейшей идеологической борьбы и перекосов в языковой политике, наблюдалось особо активное взаимодействие литературного языка и диалектов. Поэтому крайне важно изучить вопросы литературной нормы и критериев её установления, чётко охарактеризовать оппозицию в отношении литературного языка и диалектов именно в этот исторический период. Объемное научное описание процессов исторического развития языка, неидеологизированное определение основных критериев норм современного узбекского языка – это актуальная тема национального языкознания.

В двадцатых годах XX века все сферы узбекского языка, особенно его лексический состав, претерпели серьезные изменения, и изменения эти осуществлялись не сразу. Наряду со словами старого узбекского языка стали входить в обиход слова из диалектов, слова, обозначающие новшества, реалии, свойственные новому социальному строю. В результате в лексическом составе образовалась богатая лексическая вариативность. Какой же из этих вариантов превратился в литературно нормированный? Ответить на этот вопрос и пояснить образование нормативной единицы можно, уточнив критерии, действовавшие в литературной норме того времени.

Рассуждая о факторах, окончательно определивших словарный состав узбекского литературного языка, нужно отметить, что некоторые наши ученые под воздействием политической идеологии преувеличили роль русского языка,

опасаясь поддержать жадидов, пытавшихся сохранить чистоту национального языка. В постановлениях курултая 1929 года по языку и правилам орфографии об этом говорится следующее: «Были течения, выдвигавшие идею очищения узбекского языка от иностранных слов (в том числе, от слов, принятых и привившихся в процессе роста интернациональных взаимоотношений), а также о создании чистого чагатайского языка путём принятия полных слов и форм. Данная идея приведет литературный язык к отрыву от масс». Возникает справедливый вопрос, были ли близки и понятны массам русские интернациональные слова, введённые в то время в словарный состав нашего языка специальными постановлениями? Нельзя отрицать, что персидско-арабские слова и чисто тюркские слова, глубоко внедрившиеся в национальную духовность народа через образ жизни, религиозные убеждения, традиции и обряды, были понятнее массам, чем русские слова. Поскольку словарный состав всякого языка рассматривается как плод сложного историко-культурного процесса, приходится признать, что в развитии лексики узбекского национального языка, а также в нормировании её литературной разновидности социальный фактор также является основным. Нужно отметить, что увеличение доли чисто тюркских слов в языке узбекской периодической печати и в произведениях художественной литературы в 20-е годы было неприемлемо для советских политиков.

Такого рода национальная тактика в языке и литературе пантюркизма признавалась советскими идеологами националистической, а её проводники открыто обвинялись ими в национализме. Таким образом ставились политические преграды естественному взаимообогащению тюркских языков и развитию литературы на этих языках. Бузрукходжа Салихов - один из ярких обвинителей пантюркизма, характеризует данное явление как «метод приведения узбекского языка прямо к османскому языку». Он пишет: «Обосманивание языка не происходит с целью обогащения науки из-за бедности узбекского языка, а руководители языка выдвинули это как практический путь и практическое средство для национализма: этим средством они хотели помешать принятию в узбекский язык интернациональных, европейских слов, стремительно возросших после Октября». Бузрукходжа Салихов во 2-й части своей статьи «Учителям Туркестана» открыто говорит об этом: «Чем говорить на тюркской земле на иностранном языке, лучше погибнуть». Тем самым он показал свой открытый и самый чёрный националистический дух.

Узбекский литературный язык 20-х годов нашёл своё выражение в периодической печати во всей неразберихе, в появлении различных лексических вариантов в письменной форме литературного языка. Большое значение здесь имели следующие факторы:

В национальной периодической печати было считанное количество квалифицированных специалистов, журналистов, пишущих на узбекском языке. Их литературные способности и языковедческие устремления были разными, и естественно, что в их творчестве встречались случаи нарушений. Например: мажлис – майлис, томон – ёги, экин – юлгич, йулчи – машина и т.п.

Редакторы и сотрудники большинства газет и журналов, издаваемых в республике, были русскоязычными. По этой причине в большинстве случаев слова переводились дословно и, естественно, при этом все зависело от знаний и точки зрения переводчика, в том числе и выбор лексического варианта. Данный процесс тоже явился причиной нарушения норм литературного языка, в

результате чего стало появляться много протiwоестественных слов, которые составили оппозицию словам литературного пласта. Например: кислород – аччил, электричество – симчирок, хотин- ургочи, компания – маърака, скорая помощь – тухтовсиз ёрдам.

Издание и распространение периодической печати, ориентированной в основном на политические цели и коммунистическую идеологию, создало условия для увеличения доли русских интернациональных слов в словарном составе узбекского языка. Это привело к ограничению образования новых слов в узбекском литературном языке на основе диалектов и внутренних ресурсов языка.

Язык художественной литературы того времени стал заметно отличаться от языка периодической печати своим ярко выраженным национальным колоритом. Такое лексическое размежевание литературных жанров и стилей речи в свою очередь воздействовало на процесс нормирования письменного узбекского языка.

Изменения в структуре узбекского языка и образование устойчивых видов лексики проявились не сразу. В состав существующих ранее слов старого узбекского языка стали входить и неологизмы, то есть слова, отображающие новшества нового социального строя. В результате в словарном составе возникла богатая лексическая вариативность. Для уточнения, какой из этих вариантов стал необходим для литературного языка и по какой причине он стал нормой, нужно осветить суть критериев, послуживших основой для обозначения норм литературного языка того времени. Данная проблема является злободневной задачей узбекского языкознания.

A.R.Rafiev. About the history of forming the literary standard in the lexis of Uzbek language

Summary. Literary standard gets established and develops according to the language development laws. In the 1920s all spheres of Uzbek language, especially its vocabulary, underwent considerable changes. Along with words of Old Uzbek language words of dialects and neologisms began to be used. As a result rich lexical variation appeared in the vocabulary of Uzbek language.

Key words: variation, literary standard, national strategy, standardization.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ**

2–3 февраля 2010 г. в Москве состоялось очередное пленарное заседание Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН. После возобновления своей деятельности, начавшегося с утверждения 19.09.2007 г. на Бюро ОИФН РАН нового состава Комитета и его нового названия – Российского, вместо ранее фигурировавшего – Национального, РКТ проводит третье общее годовое собрание членов комитета.

Первое состоялось в Уфе 28 июня 2008 г., второе – в Казани 30 июня 2009 г., оба этих собрания состоялись при весомой организационной поддержке академических ин-тов Башкортостана и Татарстана и были приурочены к большим сборам тюркологов на масштабных конференциях, проводившихся здесь в это же время. В Казани было признано, что совмещение общих собраний РКТ с другими крупными мероприятиями непродуктивно для обсуждения проблем деятельности комитета. Поэтому была принята такая организационная схема: пусть в летне-осенний сезон тюркологические институты проводят конференции на местах при поддержке и участии РКТ; зимой же, в период студенческих каникул комитет созывает общие годовые собрания своих членов совместно с членами редколлегии и редсовета журнала «Российская тюркология» – пленумы РКТ. Общие собрания РКТ в феврале-марте каждого года в Москве – такой порядок был инициирован еще первым председателем Комитета тюркологов академиком А.Н.Кононовым.

Ниже мы публикуем отчетные материалы третьего пленума РКТ – протокол и резолюцию (доклад председателя РКТ И.В.Кормушина опубликован на стр.3–8, а Список членов РКТ, утвержденный после окончания пленума Бюро Отделения историко-филологических наук РАН – на стр.00).

ПРОТОКОЛ

ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ ГОДИЧНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО
КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН СОВМЕСТНО С РЕДКОЛЛЕГИЕЙ
И РЕДСОВЕТОМ ЖУРНАЛА «РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»,
А ТАКЖЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДРУГИХ
ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ

Москва, 3-4 февраля 2010 г.

Присутствовали: *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Насилов Д.М.* – заместитель председателя РКТ, Институт стран Азии и Африки при МГУ, д.ф.н., проф.; *Дыбо А.В.* – ученый секретарь РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН; *Экба З.Н.* – пом. ученого секретаря РКТ, Институт языкознания РАН, к.ф.н.; *Широбокова Н.Н.* – член бюро РКТ, Институт филологии СО РАН, д.ф.н., проф.; *Алишина Х.Ч.* – Тюменский госуниверситет, д.ф.н., проф.; *Благова Г.Ф.* – член РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н.; *Боргоякова Т.Г.* – член РКТ, Хакасский госуниверситет им.Н.Ф.Катанова, д.ф.н., проф.; *Габышева Л.Л.* – член РКТ, Якутский госуниверситет, д.ф.н.; *Галаятдинов И.Г.* – член РКТ, Башкирский университет искусств, д.ф.н., проф., член-корр. АН РТ; *Ганиев Ф.А.* – член РКТ, Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова, д.ф.н., проф., член-корр. АН РТ; *Гибадулин Я. Н.* – директор издательства «Инсан»; *Грунина Э.А.* – член РКТ, Институт стран Азии и Африки МГУ, д.ф.н., проф.; *Добродомов И.Г.* – член РКТ, Московский госуниверситет, д.ф.н., проф.; *Закиев М.З.* – член РКТ, Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова, д.ф.н., проф., академик АН РТ; *Кызласов И.Л.* – член РКТ, Институт археологии РАН, д.и.н.; *Мейер М.С.* – директор ИСАА МГУ, председатель Общества востоковедов России, д.ф.н., проф.; *Меликов Т.Д.* – член РКТ, Московский гос. лингвистический университет, д.ф.н., проф.; *Миннуллин К.М.* – Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан, чл.-корр. АН РТ; *Мусаев К.М.* – член РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф., академик НАН Казахстана; *Невская И.А.* – Институт филологии СО РАН / университет г.Франкфурт, Германия, д.ф.н., проф.; *Нуриева Ф.Ш.* – член РКТ, Казанский госуниверситет, д.ф.н., проф.; *Рассадин В.И.* – член РКТ, Калмыцкий госуниверситет, д.ф.н., проф.; *Сарбашева С.Б.* – Горно-Алтайский госуниверситет, к.ф.н., доц.; *Слепцов П.А.* – член РКТ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, д.ф.н., проф.; *Тугужекова В.Н.* – член РКТ, Хакасский НИИ языка, литературы и истории, д.и.н., проф.; *Тыбыкова А.Т.* – член РКТ, Горно-Алтайский госуниверситет, д.ф.н., проф.; *Утургаури С.Н.* – член РКТ, Институт востоковедения РАН, д.ф.н.; *Функ Д.А.* – член РКТ, Институт этнологии РАН, д.и.н., проф.; *Чеченов А.А.* – член РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Шенцова И.В.* – член РКТ, Кузбасская госпедакадемия, д.ф.н., проф.; *Щека Ю.В.* – член РКТ, Институт стран Азии и Африки МГУ, д.ф.н., проф.

Заседание открыл председатель РКТ *И.В.Кормушин*. Присутствующие почтили минутой молчания память ушедших из жизни членов комитета и других выдающихся отечественных и зарубежных тюркологов.

Была принята следующая **ПОВЕСТКА ДНЯ**:

1. Отчетный доклад председателя РКТ И.В.Кормушина. «О текущей деятельности и задачах Российского комитета тюркологов».
2. Организационные вопросы.
3. Разное.

СЛУШАЛИ 1. Отчетный доклад председателя РКТ – полный текст доклада И.В.Кормушина «*О текущей деятельности и задачах Российского комитета тюркологов*» размещен на сайте www.turcologica.org и публикуется в журнале «Российская тюркология» №3.

Вопросы к докладчику:

– *Закиев М.З.*: Что нужно для того, чтобы журнал «Российская тюркология» стал ваковским?

– *Кормушин И.В.*: Нужно, чтобы он распространялся по Роспечати, плюс обязательное рецензирование каждой статьи, плюс наличие учредителя и издателя.

– *Функ Д.А.*: Идея издания журнала великолепна. Но при этом я не знаю ни одного иностранного журнала, где бы брали деньги с авторов и рецензентов. В иностранных журналах ученые считают за честь написать рецензию для уважаемого журнала.

– *Кормушин И.В.*: Можно ввести оплату как вступительный взнос.

– *Меликов Т.Д.* Может ли Институт языкознания поддержать наш комитет с финансовой точки зрения?

– *Кормушин И.В.*: Нет.

– *Гибадулин Я.Н.*: Мы могли бы взять на себя выпуск одного номера в год.

– *Кормушин И.В.*: Для ВАКа нужно как минимум 2 номера в год.

– *Д.М.Насилов.*: Есть идея провести тюркологическую конференцию на уровне стран СНГ.

– *Сарбашева С.Б.*: Уместен ли вопрос о соучредительстве в ваковских журналах? Многие университеты являются соучредителями таких журналов, возможно позаимствовать их опыт.

– *Кормушин И.В.*: Надо подумать над этим вопросом.

В прениях по докладу выступили: 1. Закиев М.З., 2. Тугужекова В.Н., 3. Меликов Т.Д., 4. Утургаури С.Н., 5. Ганиев Ф.А., 6. Тыбыкова А.Т., 7. Широбокова Н.Н., 8. Благова Г.Ф., 9. Насилов Д.М., 10. Щека Ю.В., 11. Рассадин В.И., 12. Мейер М.С., 13. Сарбашева С.Б. 14. Боргоякова Т.Г., 15. Алишина Х.Ч., 16. Функ Д.А., 17. Галяутдинов И.Г., 18. Нуриева Ф.Ш.

Прения состояли из выступлений и отдельных содокладов членов РКТ – руководителей региональных тюркологических структур, о работе на местах

1. *Закиев М.З.*: Сейчас Казанский государственный университет сливается с Татарским гуманитарно-педагогическим университетом, на их основе образуется Поволжский федеральный университет. Это будет центр, как минимум, татарской филологии. Возможно обращение туда с просьбой поддержать издание нашего журнала. Предлагаю обратиться от имени РКТ. Терять позиции нельзя, ведь

другие тюркологические центры бывших союзных республик ведут работу лучше нас. Возможно, следует с ними объединиться.

2. Содоклад *В.Н.Тугужековой «Хакасия в контексте истории и культуры Южной Сибири и Центральной Азии»*. Докладчик отметил, что данной проблемой Хакасский институт истории, языка и литературы занимается на протяжении нескольких лет. В рамках данной темы ведутся исследования по следующим основным направлениям:

1. Археология Южной Сибири.
2. История и культура Хакасии и сопредельных территорий в древности, Средневековье и современности.
3. Экономика, население и общественное сознание народов Южной Сибири.
4. Современный хакасский язык.
5. Культурное наследие народов Южной Сибири.

Немало сделано в области хакасского языкознания. За 2009 год издано 18 монографий и научных сборников, в т.ч. «Хакасско-русский словарь», включающий 26 тыс. слов. Языковой сектор представлен в институте 6 сотрудниками. Ведется активное сотрудничество с Татарстаном, издана коллективная монография. В данное время ведется работа над кратким толковым словарем, словарем синонимов, словарем омонимов хакасского языка.

В заключении своего выступления В.Н.Тугужекова отметила: «Я много лет сотрудничаю с Обществом востоковедов, поэтому с удовольствием поддерживаем создание при нашем институте отделения Комитета тюркологов».

3. *Меликов Т.Д.*: Тюркология находится в глубоком кризисе, и выходить из него нужно нам самим. Есть примеры Казахстана, Азербайджана, Киргизии. Во-первых, изжила себя структурная система самого комитета. В прошлом, благодаря авторитетам А.Н.Кононова и Э.Р.Тенишева, мы могли обращаться в разные инстанции, стучаться в любые двери и проводить конференции. Необходимо подвести юридическую базу под комитет, т.е. оформить новую структуру. Нет притока молодых ученых, что очень негативно сказывается на авторитете российской тюркологии в мировом масштабе.

Во-вторых, следует создать Фонд тюркологических исследований. Многие бизнесмены заинтересованы в изучении родного этногенеза. Для того, чтобы о нас знали в мире, необходимо проводить мероприятия международного уровня. Некрасиво постоянно быть в гостях, но никогда не приглашать к себе.

В-третьих, надо запустить журнал, пусть платный, но ваковский. Журнал – это всегда визитная карточка любой научной организации.

Взаимосвязь с учебными заведениями – это одна из слабых сторон нашей деятельности. Следует её активно развивать.

4. *Утургаури С.Н.*: На примере Института востоковедения могу сказать, что по филологии дела обстоят не очень хорошо. В связи с этим можно было бы включить в комитет историков, занимающихся историей тюркских народов. Сделанное потерять нельзя, нужно сохранить все, что создано предшественниками.

5. *Ганиев Ф.А.*: Наш журнал должен быть продолжением «Советской тюркологии» и выйти на такой же научный уровень. Для того, чтобы вывести его на такой уровень, понадобится несколько лет. Что касается финансирования,

было бы идеально, чтобы помогало государство, но есть примеры, когда журналы находятся на самофинансировании.

Разрешите не согласиться с Тофиком Давыдовичем относительно того, что тюркология находится в состоянии летаргического сна. В зарубежных журналах проходит информация о том, что, по крайней мере, в Татарстане и Башкортостане тюркология находится на очень высоком уровне. Издаются грамматики, всевозможные многотомные словари, защищаются аспиранты, которые впоследствии издают свои монографии.

Далее выступающий представил свои книги, а также издания, вышедшие в последние годы в Татарстане, и подарил их библиотеке Института языкознания.

В заключении Ф.А.Ганиев добавил, что казанские ученые настроены оптимистично.

• **Реплики:**

– *Щека Ю.В.:* Я глубоко уважаю деятельность своих коллег. Но если так хорошо обстоят дела в тюркологии, может быть, и не нужен ни комитет, ни журнал?

– *Ганиев Ф.А.:* Конечно нужен комитет. И журнал тоже нужен.

– *Меликов Т.Д.:* Когда центр развалился, хорошо, что республики не растерялись и продолжили в каком-то виде свою деятельность. Однако Москва всегда была образцом в смысле науки, но сейчас количество молодых ученых резко сократилось, что негативно сказывается на качестве научных кадров.

6. *Тыбыкова А.Т.:* В нашей Республике Горный Алтай проводятся международные симпозиумы, олимпиады. У нас живут и работают не только алтайцы, но и представители малочисленных народов. Мы хотим обратиться к ректору нашего университета с тем, чтобы он поддержал издание нашего журнала. Я считаю, журнал нам нужен. Через два года можем провести конференцию в Горно-Алтайске.

7. *Широбокова Н.Н.:* Просьба ввести в комитет тюркологов-фольклористов. Москва по определению должна быть центром, задавать уровень исследований. В тюркском секторе нашего небольшого института были выбраны несколько научных направлений, среди которых экспериментальная фонетика, модельное описание синтаксиса, типология языков. Естественное научное направление порождает последующее направление. Однако любая работа требует, чтобы после учителя остался ученик.

8. *Благова Г.Ф.:* Предлагаю ввести в журнал рубрику «Над чем работают ученые», по примеру «Вопросов языкознания». Тюркологам было бы интересно знать, чем занимаются их коллеги.

9. *Насилов Д.М.:* Портфель редакции «Российской тюркологии» еще недопустимо мал, призываю собравшихся присылать свои статьи, а также статьи своих учеников и коллег. Должен соблюдаться принцип оригинальности представляемых к опубликованию материалов. Очень не хватает сообщений о научной жизни, рецензий и аннотаций о новых изданиях.

10. *Щека Ю.В. выступил с развернутым сообщением «Междисциплинарность и тюркология» – текст размещается в полном варианте Протокола на сайте www.turcologica.org, а также будет опубликован в ближайших выпусках «Вопросы тюркологии. Материалы Дмитриевских чтений» (ИСАА МГУ).*

– *Кормушин И.В.*: Спасибо. Есть ли вопросы к выступающему? – Нет. Тогда приступим к следующему докладу.

11. С докладом *В.И.Рассади́на*: «**О работе Научного центра монголоведческих и алтаистических исследований Калмыцкого госуниверситета за период с мая 2006 г. по декабрь 2009 г.** За моей спиной, как тюрколога, нет никакого института или организации. Я работаю один и самостоятельно. Долгое время работал в Улан-Удэ. Буряты контактируют с тофаларами, монголами, что позволило мне заниматься не только монголоведением, но и тюркологией. Я занимался лексикой, грамматикой, синтаксисом и грамматикой тофаларского языка – языка малочисленного народа оленеводов. Позднее была издана грамматика и букварь этого языка. Аналогичная ситуация сложилась с сойотским языком. В советское время сойотами признавали себя примерно 500 человек, занимающиеся охотой и оленеводством, они были признаны самостоятельным народом и вошли в Красную Книгу языков. Позднее сойоты приобрели письменность и стали изучать свой язык в школе. Сойоты и тофалары говорят практически на одном языке, в них очень много общего. Эти языки очень важны с точки зрения этимологии и истории тюркских языков. С 2006 г. я заведую отделом в Калмыцком гос. университете, опубликовал серию статей, касающихся взаимодействия монгольских и тюркских языков. Работа «Исторические связи калмыцкого языка с языками ойратов в Монголии» написана совместно с монгольскими коллегами, она ждет своего издания.

Сейчас готовлю тофаларско-русский словарь (около 16 тыс. слов), носителей которого на данный момент около 700 чел. Сайотско-бурятско-русский словарь дополняю грамматическим очерком. Надеюсь, тюркологи поддержат издание этих работ.

В Калмыкии живут два крупных тюркоязычных народа – казахи и турки-месхетинцы. Язык – бесписьменный, архаичный язык сельджукского типа. Я взялся сравнить язык турков-месхетинцев с калмыцким, после чего опубликовал статью по вокализму. Сейчас работаю над изучением консонантизма.

В мае 2006 г. был образован «Научный центр монголоведческих и алтаистических исследований» и утверждён тогда же решением Учёного совета Калмыцкого госуниверситета в составе: директор – проф. В.И.Рассадин, старший лаборант – май 2006 г.–авг. 2008 г. М.З.Жамьянова, авг. 2008 г. – н./вр. Г.В.Чульчаева.

В 2006–2007 г. «Центр» работал над выполнением гранта РГНФ «Значение тюрко-монгольской языковой общности для решения алтайской проблемы» №06-04-00178а, начатого в 2005 г. Соисполнителями гранта были А.В.Дыбо, О.А.Мудрак, И.В.Кормушин, И.А.Грунтов. Результатом проведённого исследования была серия научных статей и три монографии В.И.Рассади́на: «История сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч.1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков» (Элиста, 2007), «История сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч.2. Монгольское влияние на тюркские языки» (Элиста, 2008), «Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков» (Элиста, 2008). Кроме того, М.З. Жамьянова выполнила в «Центре» под руководством В.И.Рассади́на и защитила в 2008 г. в диссовете КГУ канд. диссертацию «Инфинитные формы глагола монгольского и турецкого языков».

В 2007–2009 гг. «Центр» работал над выполнением международного гранта РГНФ № 07-04-923 06а/G по теме «Историческая связь калмыцкого языка с языком ойратов Монголии». С Российской стороны руководителем гранта был

проф. В.И.Рассадин, с монгольской стороны руководителем был проф. Ц.Шагдарсүрэн. Исполнителями гранта было 4 россиян и 4 монгола. В итоге работы осуществлены 2 поездки в Монголию для сбора материала, написана серия статей и выполнена коллективная монография на одноимённую тему (10 а.л.).

В 2009 г. В.И.Рассадиным была организована 11–12 ноября Международная научная конференция по проблемам монголоведения и алтаистики и издан одноимённый сборник научных докладов.

В 2009 г. В.И.Рассадин в качестве исполнителя участвовал в работе «Аналитической программы» минпроса республики и выполнял раздел по взаимодействию калмыцкого языка с языком турок-месхетинцев, живущих на территории Калмыкии. Был собран необходимый языковой материал и написана научная статья «Сравнительное изучение систем вокализма калмыцкого и турецкого (месхетинского) языков» (объём 1,0 а.л.). Статья опубликована. В 2010 г. планируется продолжить изучение турецкого (месхетинского) языка.

12. *Мейер М.С.* – директор ИСАА МГУ, председатель Общества востоковедов России, сообщил о том, что Общество востоковедов хотело бы провести встречу востоковедов стран СНГ, которая станет подготовкой к конгрессу востоковедов Евразии, где тюркологи будут иметь ведущее значение.

Далее выступающий отметил, что журнал, издаваемый в Казахстане, не решает всех проблем. Поэтому издание российского журнала имело бы очень важное значение. Я очень рассчитываю на ваше участие в наших встречах. С прошлого года у нас в ИСАА МГУ существует кафедра языков и культур Центральной Азии и Кавказа, издаются учебники и учебные пособия. Тем не менее, мы нуждаемся в тесном сотрудничестве, нам нужны преподаватели-носители языков, хорошо владеющие методикой преподавания, и способные воспитать специалистов, практически владеющих языками.

13. *Сарбашева С.Б.*: Я представляю кафедру алтайского языка и литературы Горно-алтайского государственного университета. Одним из основных достижений нашей кафедры является то, что мы проводим ежегодную Всероссийскую студенческую олимпиаду по языкам, литературам и фольклору тюркских народов России. Для нас остро стоит проблема нехватки научной литературы. Подобные мероприятия способствуют повышению интереса к изучению родных языков и литератур. Становится престижным знать родной язык, знать много языков, появляется стимул к изучению культурного наследия своего народа.

– *Кормушин И.В.*: Необходимо создавать комиссии по отдельным вопросам деятельности комитета с центром в Москве.

Объявляется перерыв в работе Годичного собрания до 16 часов.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ.

14. *Боргоякова Т.Г.*: Хотелось бы внести дополнения к докладу И.В.Кормушина. Преемственность и изменения – два основных положения, на которых держится сегодняшняя наука. Университетское направление – очень важная часть работы РКТ. Наука движется к объединению академической и университетской науки.

Институт саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета делает крен на социолингвистику и этнокультурологию. У нас разрабатываются новые авторские курсы, мы готовы поделиться своим опытом со всеми другими университетами. Однако активный билингвизм, который сегодня можно наглядно увидеть в Татарстане, в практике Хакасской республики отсутствует.

Что касается тюркологического общества, для нас есть приемлемый вариант: назвать сегодняшнее собрание учредительным, и организовать общественное объединение с официальными членскими взносами. Поддерживаю все ваши предложения двигаться в ногу со временем.

15. *Алишина Х.Ч.*: Я представляю здесь Отделение татарского языка и литературы при кафедре общего языкознания Тюменского государственного университета. Работаем уже 17 лет, обучая языку сибирских татар. На территории Западной Сибири распространены 4 основные группы языков: самодийские, тюркские, финно-угорские и славянские языки, плюс здесь проживает небольшое количество казахов, чувашей, узбеков и туркмен. Главным тюркологом Сибири мы считаем Радлова. Большой вклад в изучение тюркских языков Западной Сибири внесла Д.Г.Тумашева, в память о которой ежегодно 15 октября проходят Тумашевские чтения. Материалы издаются при поддержке нашего губернатора. Призываю всех наших коллег и членов РКТ принимать участие в Тумашевских чтениях.

Предложение по РКТ: наш университет мог бы поддержать обращение к Ю.С.Осипову от имени нашего университета.

16. *Функ Д.А.*: Наша наука этнография в мире существует на 90% на английском языке, вся информация исходит от американских и британских исследователей. У нашего журнала должен быть информационный портал, чтобы о нас знала мировая наука.

– *Кормушин И.В.*: Портал закуплен. Предполагается, что на каждого члена комитета будет сделана отдельная страница. Нужен умелый администратор портала.

17. *Галяутдинов И.Г.*: Поддерживаю идею, прозвучавшую в докладе и одобренную в ряде выступлений, о создании тюркологического общества страны. Предлагаю утвердить наше собрание как учредительное собрание данного общества. Считаю необходимым для РКТ приложить все усилия для налаживания выпуска журнала «Российская тюркология».

18. *Нуриева Ф.Ш.*: Я представляю здесь Казанский государственный университет, кафедру татарского языка и общего языкознания. Татарский язык преподается у нас с 1912 года. В нашем университете на факультете татарской филологии открыли учебно-методический Центр, работающий в направлении по языкам и литературам народов России. Приглашаю всех к сотрудничеству в УМО.

– *Кормушин И.В.*: Предлагается на этом прекратить прения, нет возражений? Принимается. Переходим к обсуждению и принятию решений.

ПОСТАНОВИЛИ: Одобрить основные положения отчетного доклада председателя РКТ И.В.Кормушина. По каждому из затронутых организационных вопросов принять решение. Членам РКТ принять участие в конференциях, организуемых республиканскими тюркологическими структурами совместно с РКТ летом и осенью 2010 г. в Туве (июль), Чувашии (сентябрь). Следующее Годичное собрание состоится в Москве 2–3 февраля 2011 г.

2. СЛУШАЛИ: Организационные вопросы.

Первое – об изменениях в составе РКТ.

ПОСТАНОВИЛИ: Внести на рассмотрение Бюро ОИФН РАН следующие кадровые изменения в составе РКТ:

а) член-корр.РАН А.В.Дыбо предложить утвердить заместителем председателя РКТ;

б) к.ф.н. З.Н.Экба предложить утвердить ученым секретарем РКТ; в) считать выбывшими из состава членов РКТ Иванова С.А., Март-оола В.Д., Чудоякова А.И., Щербака А.М., Яим Н.А.;

г) предложить дополнить состав РКТ следующими учеными: Алексеев Н.А. (Якутск), Алишина Х.Ч. (Тюмень), Бичелдей К.А. (Кызыл), Минуллин К.М. (Казань), Невская И.А. (Новосибирск/Франкфурт, Германия), Сарбашева С.Б. (Горно-Алтайск)

Второе – о создании объединения тюркологических ячеек страны.

ПОСТАНОВИЛИ: Годичное собрание Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН объявляет себя учредительным собранием по созданию Союза обществ и организаций тюркологов Российской Федерации как общественной неполитической некоммерческой организации, на первое время – без статуса юридического лица. Создать комиссию РКТ по руководству этой работой в следующем составе: Минуллин К.М. (пред.), Бичелдей К.А. (зампред.), Алексеев Н.А., Алишина Х.Ч., Боргоякова Т.Г., Екеева Н.М., дир. Института алтаистики, Горно-Алтайск, Селютина И.Я., Хисамитдинова Ф.Г., Хузангай А.П., Широбокова Н.Н.

Третье – о журнале «Российская тюркология».

ПОСТАНОВИЛИ: Считать важнейшей задачей текущего момента в деятельности РКТ наладить регулярное издание в качестве органа РКТ при ОИФН РАН – журнала «Российская тюркология» два раза в год на должном научном уровне на принципах непривлечения бюджетных средств, за счет: частично – самокупаемости от подписки, частично – путем привлечения спонсорских средств. Бюро РКТ доукомплектовать в рабочем порядке объявленные в номерах 1 и 2 журнала его органы – редакционный совет и редакционную коллегию. Поставить перед редколлекцией задачу ввести журнал в число ваковских изданий.

Четвертое – о создании фонда поддержки тюркологических исследований.

ПОСТАНОВИЛИ: Начать подготовку к созданию Фонда поддержки тюркологических исследований России для чего образовать комиссию в составе: Кормушин И.В. (пред.), Чеченов А.А. (зампред), Алишина Х.Ч., Жиркова Р.Р., Функ Д.А. Бюро РКТ пополнять состав комиссии в рабочем порядке.

Пятое – о перспективах создания ряда других комиссий РКТ, по взаимодействию с высшей школой, по связям с зарубежными организациями тюркологов, по полевым исследованиям.

ПОСТАНОВИЛИ: приступить к подготовке по организации комиссий РКТ по взаимодействию с высшей школой, по связям с зарубежными организациями тюркологов, по полевым исследованиям, определению круга задач, форм и методов их практического решения.

В заключение была принята **Резолюция** пленума РКТ.

*Протокол составлен и подготовлен к печати
Ученым секретарем РКТ к.ф.н. Экба З.Н.*

РЕЗОЛЮЦИЯ**Годичного, 2010 года, собрания Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук Российской Академии наук совместно с редколлегией и редсоветом журнала «Российская тюркология» и представителями тюркологических центров России – пленума РКТ**

3-4 февраля 2010 г. в г.Москве состоялось очередное годовое собрание Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН.

На собрании присутствовали члены Комитета: 1.И.В.Кормушин (пред.), 2. Д.М.Насилов (зам. пред.), 3. А.В.Дыбо (уч.секр.), 4. Н.Н.Широбокова (член Бюро), 5. Г.Ф.Благова, 6.Т.Г.Боргоякова, 7. Л.Л.Габышева, 8.И.Г.Галяутдинов, 9. Ф.А.Ганиев, 10. Э.А.Грунина, 11. И.Г.Добродомов, 12. М.З.Закиев, 13. И.Л.Кызласов, 14. Т.Д.Меликов, 15. К.М.Мусаев, 16.Ф.Ш.Нуриева, 17. В.И.Рассадин, 18. П.А.Слепцов, 19. В.Н.Тугужекова, 20. А.Т.Тыбыкова, 21. С.Н.Утургаури, 22. Д.А.Функ, 23. Л.И.Чебодаева, 24. А.А.Чеченов, 25. И.В.Шенцова, 26. Ю.В.Щека; приглашенные тюркологи из числа авторитетных специалистов: Х.Ч.Алишина, О.А.Мудрак, И.А.Невская, С.Б.Сарбашева, Р.А.Тадинова; протокол вела пом.Ученого секретаря З.Н.Экба.

На годовом собрании с отчетным докладом о текущей работе и анализом проблем, с которыми сталкивается при осуществлении своей деятельности Комитет, выступил председатель РКТ И.В.Кормушин (*доклад публикуется здесь же, в №3 журнала*).

Пленум РКТ одобрил отчетный доклад руководства РКТ о текущей работе комитета и предложенные в докладе меры по перестройке форм и методов научно-организационной деятельности РКТ.

По результатам состоявшегося на пленуме РКТ обсуждения были приняты следующие решения.

1. Годичное собрание призывает членов РКТ, а также всех тюркологов страны активнее участвовать в научных и научно-организационных мероприятиях, проводимых Российским комитетом тюркологов и различными научными тюркологическими учреждениями. Для сплочения кадров науки и высшей школы, всех, кто занимается или проявляет интерес к достижениям в области тюркологии, Годичное собрание РКТ признало себя учредительным собранием и постановило объявить об учреждении некоммерческого, неполитического объединения без статуса юридического лица – Союза обществ и организаций тюркологов Российской Федерации (СООТ РФ). Уставными целями считать пропаганду знаний о народах, языках и культуре тюркских народов, помощь в организации научных и прикладных исследований по тюркологии, их публикации и распространении. Настоящим, города и регионы, где ведутся тюркологические исследования и есть тюркоязычное население, призываются образовывать местные отделения СООТ РФ, составлять свои временные положения и подавать в РКТ заявления о вступлении в СООТ.

2. Годичное собрание РКТ признало важнейшей задачей текущей деятельности Бюро комитета налаживание регулярного выхода в свет журнала «Российская тюркология», организации подписки и выполнения других организационных и юридических процедур, необходимых для того, чтобы добиться включения журнала в перечень ваковских изданий. Бюро РКТ

поручается в рабочем порядке доукомплектовать редколлегию журнала высококвалифицированными тюркологами разных специализаций. По юридической готовности объявить о подписке на текущий, 2010 год, а затем и на 2011 год.

3. Констатируя нехватку государственных ассигнований на развитие научных работ и опубликование их результатов в разных областях тюркологии и по различным регионам страны, Годичное собрание РКТ поручает Бюро РКТ осуществить необходимые мероприятия по созданию общественной, неполитической, некоммерческой организации – Фонда поддержки тюркологических исследований, с источником средств в виде благотворительных взносов частных лиц и организаций.

4. Годичное собрание выдвинуло предложения по частичным изменениям в составе РКТ, подлежащим утверждению по подчиненности на Бюро Отделения историко-филологических наук РАН.

5. Годичное собрание считает необходимым в перспективе расширение сфер деятельности РКТ при ОИФН РАН в рамках общих, возложенных на комитет при его организации, задач по объединению академической и вузовской науки и укреплению связей с зарубежными тюркологическими центрами, для чего Бюро РКТ поручается начать работу организации соответствующих комиссий.

6. Следующее годичное, 2011 года, собрание РКТ при ОИФН РАН созывается 2–3 февраля в г.Москве, в помещениях Института языкознания РАН.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

26–29 мая 2010 г. в Анкаре на базе Института тюркологических исследований одного из наиболее престижных государственных университетов Турции университета Хаджеттепе прошел III Международный симпозиум на тему «Тюркология XXI века: 120 лет спустя после обнаружения Орхонских памятников». В работе симпозиума приняли участие более 110 тюркологов из 25 стран. Столь широкий и представительный научный форум был организован при содействии Министерства культуры и туризма Республики Турция и Турецкого лингвистического общества. В рамках единого проекта до начала открытия симпозиума в течение месяца работала специальная скульпторская мастерская «Новый взгляд на памятники Орхонского бассейна», где мастера из разных тюркских республик и Турции творили по мотивам древнетюркских эпиграфических памятников. В день официального открытия научного форума участники имели удовольствие ознакомиться с результатами и оценить их творчество. Это были 3 скульптора из Турции и 7 скульпторов из РФ и СНГ; Республику Татарстан представил Тагир Субханкулов, Башкортостан – Руслан Нигматуллин, Кыргызстан – Садабек Ажиев, Казахстан – Даир Кулеков, Туву – Александр Барамаа, Азербайджан –

Махмуд Рустамов, Молдавию (Гагаузию) – Султан Григоре. Каменные ваяния этих художников и сейчас красуются в парке университета Хаджеттепе.

Симпозиум открыл директор Института тюркологических исследований университета Хаджеттепе проф. Улькю Челик Шавк, на пленарном заседании симпозиума выступили председатель Турецкого лингвистического общества проф. Шюкрю Халиюк Акалын, проректор университета Хаджеттепе и представители спонсорских организаций Тюркской и ТИКА. Они, в частности, подчеркнули, что древнетюркские эпиграфические памятники являются наиболее ранними тюркоязычными текстами, которые встречаются практически на всем протяжении степного пояса Евразии от Байкала до Балатона и являются ценнейшими свидетельствами письменной культуры ранне-средневековых кочевников этого ареала. В Турции придается огромное общественно-политическое значение изучению этих памятников, как письменных и историко-культурных источников. При этом отдается дань уважения приоритету и вкладу российских ученых в их открытие и изучение. Это отношение к древнетюркскому наследию передалось и в независимые тюркские государства Кавказа и Центральной Азии, и в тюркоязычные

регионы Российской Федерации, где в последнее время выходит огромное количество исследовательской и популярной литературы по истории, языку и культуре тюркских каганатов.

Секционные заседания были организованы исходя из трех главных направлений. Первая группа включала в себя более 40 разнообразных докладов, посвященных исследованию орхоно-енисейских памятников. Вторая секция была составлена из более 30 выступлений по современному состоянию тюркологических исследований в мире. Представители научных центров Турции, России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Афганистана, Египта, Польши, Украины, Германии, Китая, Испании, Голландии, стран Балканского полуострова и др. докладывали о новых достижениях и перспективах в области тюркологии. Третья группа докладов имела более широкую и общую тематику. На секции этого направления обсуждались вопросы терминологии зодчества в эпоху сельджукидов, музыки и фольклора у древних тюрков, особенности тюркского костюма в искусстве миниатюры, проблемы этимологии, литературоведения, текстологии и т.д.

В работе секций и на дискуссиях приняли участие такие известные ученые Турции, как профессора Зейнеп Коркмаз, Дурсун Йылдырым, Хамза Зулфикар, Кемаль Эраслан, Семих Тезджан, Осман Фикри Серткая, Ахмет Биджан Эрджиласун, Тунджер Гюленсой, Саим Сакаоглу и др. Не только доклады, но даже замечания и комментарии этих видных тюркологов к выступлениям других участников имели ценное научное значение.

В ходе симпозиума особое внимание вызвали выступления российских ученых (а Россию представляли М.А.Булгарова, Д.Д.Васильев, В.Г.Гузев, И.В. Кормушин, Д.М.Насилов, А.Т.Сибгатуллина, Н.Тыдыкова). Пред-

ставитель петербургской тюркологической школы *В.Г.Гузев*, например, сделал доклад на тему «О способах обнаружения рисуночных знаков и их значение для обоснования гипотезы об автохтонности древнетюркской рунической письменности». *Д.М.Насилов* (Москва) рассказал о роли рунических памятников в истории тюркских литературных языков и диалектов. *Д.Д.Васильевым* (Москва) был сделан доклад на тему «Исторические сведения о жизни и подвигах героев, содержащиеся в тюркских рунических надписях из Южной Сибири» с презентацией видеоряда. Ученый отметил, что памятники бассейна Енисея, Саянских и Алтайских гор, количество которых приближается к 250, дают возможность обозначить примерные границы родовых владений тюркских племен, входивших в состав Второго тюркского каганата, и выполнить реконструкцию родовых генеалогий – «шеджере» бегов, военачальников и героев некаганского происхождения, проследить маршруты их военных походов, обозначить места сражений, территории пастбищ.

Известный тюрколог *И.В.Кормушин* в своем выступлении предложил новый вариант прочтения рунической надписи «Чойр». Доклад *И.Невской* (Германия) был на тему: «Некоторые палеографические и орфографические особенности рунических надписей Алтая». В программе симпозиума был также заявлен доклад *С.Г.Кляшторного*, но, к большому сожалению организаторов и участников, ученый не смог принять участие в форуме.

Европейскую и американскую тюркологические школы представляли такие знаменитые исследователи, как *Петер Циме* (Peter Zieme) и *Марсель Эрдал* (Германия), *Роберт Данкофф* (США), *Уве Блэсинг* (Uwe Bläsing) (Голландия), *Бернт Брендемое* (Bernt Brendemoen) (Норвегия) и др.

Особый интерес вызвал доклад ученого из Монголии *Баттулги Ценд*, в котором был сделан обзор исследований по истории, археологии и памятников письменности древних тюрков на территории Монголии за последние пять лет. Центром тюркологических исследований Монголии было предпринято совместное исследование археологических памятников Монгольского Алтая с Институтом исследования Алтая. В результате реализации этого проекта только на территории Баян-Ульгийского аймака были выявлены 131 погребение древнетюркского периода, 767 поминальных комплексов, 177 каменных изваяний, 19 памятников рунической письменности. Также были обнаружены многочисленные местонахождения петроглифов древнетюркского перио-

да. Результаты этих полевых исследований, как указал монгольский ученый, будут опубликованы к будущему году.

Организаторами симпозиума каждому участнику на память была вручена миниатюрная скульптурная копия каменного обелиска с древнетюркской каганской надписью, оригинал которой находится в бассейне реки Орхон в Монголии.

Культурная программа симпозиума включала посещение Музея анатолийских цивилизаций в Анкаре и этнографического городка златокузнецов и чеканщиков Бейпазары, через который в течение столетий проходил Великий шелковый путь.

А. Сибгатуллина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ УЧЕНЫХ К 80-ЛЕТИЮ ТУВИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Ровно 80 лет назад (28 июня 1930 г.) Правительством Туvinской Народной Республики была принята туvinская национальная письменность на основе латинизированного алфавита по проекту русских ученых Н.Н.Поппе, Е.Д.Полливанова, С.Е.Малова и др. Важное значение имел также проект алфавита туvinских ученых лам М. Лопсан-Чинмита и Севэна. Это событие в жизни туvinского общества стала отправной точкой интенсивного развития всех сфер культуры и образования ТНР. В начале 40-х гг. под руководством А.А.Пальмбаха туvinская письменность была переведена на кириллицу (русскую графическую основу).

В связи с 80-летием туvinской письменности, Туvinский ин-т гуманитарных исследований при Прави-

тельстве Республики Тыва с 1 по 4 июля 2010 г. организовал Международную научную конференцию «Туvinская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона» под эгидой Правительства Республики Тыва. Соорганизаторами выступили: Министерство образования, науки и молодежной политики Республики Тыва, Министерство культуры и туризма Республики Тыва, Российский комитет тюркологов (г. Москва), Тывинский гос. университет и Национальный музей Республики Тыва им.Алдан-Маадыр.

Из разных городов России и СНГ (Казахстана, Татарстана, Башкортостана, Бурятии, Алтая, Хакасии, Тыва, Якутии), а также из Монголии,

Турции, Японии и Германии было принято более 140 заявок на очное и заочное участие. С докладами на конференции выступили более 80 ученых, в т.ч. 52 чел. – из Тувы. На конференции обсуждались актуальные проблемы языков и национальных алфавитов народов России и Центральной Азии, памятников письменности, фольклора, литературы, а также исторических, археологических, этнографических, теологических и культурологических исследований.

Издан сборник материалов конференции в двух томах (общий объем 63 п.л.), состоящий из 5 разделов по разным научным дисциплинам, и который включает 130 докладов участников,

При открытии научного форума с приветственным словом выступил Председатель Правительства РТ **Ш.В.Кара-оол**, доклад дир-ра ТИГИ, д.ф.н., акад. РАЕН и РАСН **К.А.Бичелдея** был посвящен становлению, развитию и перспективам тувинской письменности. Далее выступили гости конференции: **Марсадоллов Л.С.**, докт. культурологии, в.н.с. отдела археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) с докладом «Этнокультурная история древних тюрок Саяно-Алтая: новый взгляд»; **Сампилдондов Чулуун**, к.и.н., дир. Ин-та истории АН Монголии (г.Улан-Батор) с докладом «К вопросу о происхождении некоторых родов хотогойтов Монголии»; **Кормушин И.В.**, д.ф.н., проф., г.н.с. отдела урало-алтайских языков Ин-та языкознания РАН, пред. Российского комитета тюркологов (г.Москва) с докладом «Енисейские рунические надписи и вопрос о тюркских языках в бассейне Енисея в VIII–X вв.»; **Олмез Мехмет**, д.ф.н., проф. Технического университета Йылдыз (г.Стамбул, Турция,) с докладом «Об одном малоизвестном тувинском слове»;

Такаши Осава, д.и.н., проф. Ин-та исследований языков мира, тюркологии Университета Осака (Япония) с докладом «Энлиг чор» в рунической надписи Шанчы (E-152) из Тувы».

В тот же день на аллее ТИГИ состоялось открытие мемориальных досок в честь ученых А.А. Пальмбаха и А.К. Калзана, внесших неоценимый вклад в тувинскую науку.

Конференция вела свою работу в следующих секциях: 1. Памятники письменности Центральной Азии и сопредельных территорий. 2. Языки и письменность народов России и Центрально-Азиатского региона (Лексикология; фонетика и грамматика). 3. Фольклор. Литература. 4. История. Археология. Этнография. 5. Философия. Религия. Социология. Культурология. 6. Теория и методика преподавания тувинского языка и литературы.

Приняли участие в секционных заседаниях нашей конференции следующие ученые: из Монголии – **Золбаяр Г.**, д.ф.н., дир. Баян-Улэгэйского научного центра АН Монголии, г. Улэгэй, **Баатархуу Б.**, н.с. сектора истории Ин-та истории АН Монголии, г.Улан-Батор; **Өмирбек Б.**, н.с., докторант Баян-Улэгэйского научного центра АН Монголии, дир. Центра тюркских исследований им.Каламаш, г.Улэгэй; из Германии – **Рагагнин Елизабет**, доктор, доц. Гете-Университета, г.Франкфурт-на-Майне; из Казахстана – **Коновалов А.П.**, к.и.н., доц., дир. Центра социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинского госуниверситета им. Шакарима, г.Семей; а также ученые из разных городов и регионов РФ: **Дугаров Б.С.**, д.ф.н., доц., в.н.с. Ин-та монголоведения, тибетологии и буддологии, г.Улан-Удэ; **Дампилова Л.С.**, д.ф.н., доц., зав. отделом литературоведения и фольклористики Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г.Улан-Удэ; **Шенцова И.В.**, д.ф.н., зав. кафедрой

шорского языка и литературы Кузбасской гос. пед. академии, г.Новокузнецк; **Шамина Л.А.**, д.ф.н., проф., г.н.с. сектора языков народов Сибири Ин-та филологии СО РАН, г.Новосибирск; **Невская И.А.**, д.ф.н., приват-доцент Берлинского университета, г.н.с. Ин-та филологии СО РАН, г.Новосибирск; **Кызласов А.С.**, к.ф.н., зав. сектором языка ХакНИИЯЛИ (Абакан) и др.

По итогам работы пленарного и секционных заседаний конференции участники форума приняли следующие **резюми:**

I. Языки и письменность народов России и Центрально-Азиатского региона.

1. Переиздать труд Н.Ф.Катанова «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня». – Казань, 1903.

2. Актуализировать внимание на сравнительные и сопоставительные исследования родственных и неродственных языков Центральной Азии.

3. Разработать и принять республиканскую целевую программу по выпуску разговорников, учебников тувинского языка для иноязычного населения республики, литературы популярного характера по проблемам культуры и искусства Тувы.

4. Создать условия для изучения тувинского языка русскоязычным и коренным населением республик Южной Сибири (дифференцированный подход: для начинающих, продвинутый уровень), в т.ч. через СМИ (в специальных рубриках газет и журналов, теле- и радиопередач).

5. Усовершенствовать правила тувинской орфографии и пунктуации, разработать и утвердить орфоэпию тувинского языка – провести в 2011 г. конференцию по проблемам графики, орфографии, пунктуации и орфоэпии тувинского языка.

6. Продолжить изучение тувинского языка в социологическом аспекте (основные процессы в развитии и функционировании литературного языка; роль русского языка в развитии тувинского; двуязычие и т.д.) для решения практических вопросов литературного языка, установления норм литературного языка, степени коренизации в тувинской школе.

II. Памятники письменности Центральной Азии и сопредельных территорий.

1. Активизировать дальнейшее исследование древнетюркских рунических памятников в системе истории, языка, культуры, религии и традиционного мировоззрения народов.

2. Усилить работу по подготовке квалифицированных специалистов по изучению письменных памятников.

3. Принять комплексные меры по охране памятников письменности в архивах, фондах Национального музея и ТИГИ и на территории Республики Тыва.

III. Фольклор и литература.

1. Практиковать проведение комплексных прикладных и теоретических исследований по изучению, сбору, хранению и пропаганде фольклора не только народов Сибири, но и тувинцев, проживающих в Монголии, Китае и Красноярском крае (усинцев).

2. Создать мультимедийный фонд по сохранению и распространению архивного материала по фольклору народов Сибири.

3. Усилить аналитический аспект литературоведческих исследований произведений писателей Тувы.

4. Внести предложение в законодательную и исполнительную органы власти Республики Тыва вопрос об увеличении или сохранении количества часов преподавания тувинского языка и литературы в национальных школах, сузах и вузах РТ.

IV. История. Археология. Этнография.

1. Для успешного осуществления археологических и этнографических исследований на территории Тувы на основе существующей при ТИГИ «Археологической службы Республики Тыва» создать «Археологическую службу Республики Тыва при Правительстве Республики Тыва».

2. Восстановить работу Саяно-Тувинской археологической экспедиции.

3. На современном уровне научных исследований начать подготовку и издание «Свода тюркских каменных изваяний и памятников руники» (профессиональные фотографии, прорисовки изваяний и надписей, варианты чтения подписей).

V. Философия. Религия. Социология. Культурология.

1. Принять меры по расширению изучения тэнгрианской цивилизации и содействовать более широкому привлечению внимания ученых к этой теме.

2. Активизировать работу по налаживанию контактов с ведущими центрами по тюркологии и востоковедению.

3. Оказать стимулирующее содействие расширению исследований по тувинцам Монголии и Китая и других тувинских диаспор.

VI. Теория и методика преподавания тувинского языка и литературы.

1. Рассмотреть вопрос о создании творческой группы для разработки учебно-методических комплексов по тувинскому языку и литературе с 1 по 11 классы нового поколения.

2. Пересмотреть принципы создания учебников по тувинскому языку и литературе с учетом современной языковой ситуации.

3. Рассмотреть вопрос о выделении штатного работника, отвечающего за издание учебно-методических

пособий и учебников в Институте развития национальной школы.

4. Рассмотреть вопрос о создании учебных словарей антонимов и синонимов для учащихся начальных и средних классов.

Одним из значительных мероприятий конференции стал симпозиум, посвященный проблемам современной тувинской письменности, проведенный под эгидой Российского комитета тюркологов.

В симпозиуме участвовали члены Российского комитета тюркологов: Кормушин И.В. (д.ф.н.) – председатель РКТ, Бичелдей К.А. (д.ф.н.), Невская И.А. (д.ф.н.), Шенцова И.В. (д.ф.н.), Сарбашева С.Б. (к.ф.н.), Бавуу-Сюрюн М.В. (к.ф.н.), а также тувинские тюркологи и другие участники конференции.

Среди присутствующих вызвали большой интерес выступления Кормушина И.В. о проблемах совместных исследований памятников и письменностей центральноазиатского региона и Бичелдея К.А. о совершенствовании орфографии и пунктуации тувинского языка. Обсуждаемые вопросы вызвали активную дискуссию в кругу ученых, высказывавших собственное видение проблем.

По итогам заседания были приняты следующие решения:

1. Опубликовать стенограмму симпозиума.

2. Провести обсуждение поднимавшихся вопросов на августовском совещании учителей республики.

3. Рекомендовать провести конференцию по проблемам современного тувинского языка и издать материалы конференции.

Другим важным мероприятием явилась встреча зам. председателя Правительства Республики Тыва А.П. Дамба-Хуурака с ведущими учеными-тюркологами России и зарубежных

стран – гостями конференции, которая состоялась в Доме Правительства Республики Тыва.

В ходе встречи были обсуждены следующие вопросы:

1. Современное состояние тюркологических исследований, в т.ч. тувиноведения, в России и мире.

2. Сотрудничество ТИГИ при Правительстве РТ с научными учреждениями России и зарубежных стран.

3. Изучение памятников письменности России и Центральной Азии, в т.ч. Тувы.

4. Памятники скифской культуры: сотрудничество Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр с Государственным Эрмитажем.

5. Язык и культура: изучение, проблемы, сохранение и перспективы исследований в XXI веке.

Основным результатом встречи стали конкретные предложения ученых по развитию совместных исследований в областях гуманитарного знания, в вопросах обмена опытом по сохранению памятников культурно-исторического наследия, а также в сфере подготовки кадров высшей квалификации через систему стажировок и обучение в аспирантурах,

докторантурах научно-исследовательских институтов и ВУЗов.

На третий день работы участники конференции посетили историко-культурные места республики – Устуу-Хурээ и Бижиктиг-Хая.

Помимо утвержденных программой мероприятий, в рамках уже ставших традиционными «Встреч в ТИГИ» состоялось выступление доктора, доцента Гете-Университета (Германия) Елизабет Рагагнин с докладом «О некоторых особенностях саяно-тюркских наречий Северной Монголии». Присутствовавшие ученые ТИГИ, ТывГУ и др. с большим интересом выслушали выступление ученой на тувинском языке, поделившейся своими научными изысканиями, задавали вопросы и пожелали коллеге дальнейших успехов в работе.

Таким образом, научная конференция в честь 80-летия тувинской письменности стала одним из крупных мероприятий научного сообщества ученых. Впервые в Туве состоялась конференция такого масштаба – с участием более 100 ученых разных регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Л.С.Мижит

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

Поволжье – это особый историко-культурный регион Российской Федерации, находящийся на стыке Европы и Азии. Это предопределило его многоязычный, многонациональный, поликонфессиональный и, естественно, многоголосный облик. Среди основной массы русского населения здесь проживают народы, относящиеся к двум крупным этнолингвистическим группам: финно-угорской – коми, уд-

мурты, мордва, марийцы, и тюркоязычной – татары, чуваша, башкиры. Все эти народы прошли сложный путь этногенеза, в процессе совместного проживания происходило взаимовлияние и взаимопроникновение культур, поэтому каждый народ подразделяется еще на ряд локальных групп, имеющих свои особенности в культуре. Все они имеют свои национальные республики, совместно развивают

науку, образование, культуру и искусство в регионе.

Какие же процессы идут в духовной жизни этих народов? Какие новые тенденции, традиции проявляются в национальном языке, литературном творчестве, истории населения? К чему ведет процесс всеобщей глобализации национальных культур народов РФ? Эти и многие другие вопросы волнуют сегодня языковедов, литераторов, историков, деятелей искусств, а также наших коллег филологического факультета Московского педагогического гос. университета.

Весной на филологическом факультете Московского педагогического гос. университета (далее – МПГУ) прошла IV Всероссийская научно-практическая конференция **«Проблемы филологии народов Поволжья»**. Она проводится ежегодно, начиная с 2007 г., где обсуждаются актуальные задачи языкознания и литературоведения Поволжья, которые продиктованы объективными процессами в экономических, социально-политических, научных и культурных контактов народов РФ. К конференции были изданы сборники с тезисами выступлений докладчиков.

По результатам конференции заметно, что эти животрепещущие вопросы вызвали большой интерес у многих учёных. Подтверждением тому является обширная география участников конференции. На ней было представлено 70 докладов из Москвы, Татарстана, Башкортостана, Удмуртии, Тюмени, Мордовии, Чувашии, Марий-Эл, Тюмени. Важно отметить то, что международный статус этой конференции придаёт участие учёных из университетов Турции: *Али Аккар* (Мугла), *Эрхан Акташ* (Измир), *Эрдоган Алтынкайнак* (Гиресун), *Халиль Ачыкгёз* (Стамбул), *Орхан Газигил* (Анкара), *Ниджати Демир* (Сивас), *Ахмет Йигит* (Мугла), *Мехмет Окур*

(Трабзон), *Мехмет Наджи Онал* (Мугла), *Мустафа Татчы* (Анкара), *Кемаль Учюнджю* (Трабзон), *Мелек Чолак* (Мугла); *Исра Доган* и *Махназ Норузи* из Исламской Республики Иран (Тегеран). Зарубежные ученые выступили с интересными докладами, которые содержат новые материалы о культуре, языке и истории народов Поволжья.

Особое внимание привлекли выступления молодых филологов: аспирантов и студентов русско-татарского отделения МПГУ и вузов Поволжья.

Конференция была организована кафедрами общего языкознания (зав. кафедрой проф. И.Г.Добродомов) и русской литературы и журналистики XX–XXI вв. филологического факультета (зав. кафедрой и проректор по учебно-метод. работе проф. Л.А.Трубина), деканатом филологического фак-та (декан, зав. кафедрой риторики и культуры речи О.Ю.Князева). Председателем конференции является заведующий кафедрой общего языкознания проф. Добродомов Игорь Георгиевич.

После приветственных слов проф. МПГУ А.Д.Дейкиной, проф. МПГУ И.Г.Минераловой, проф. Института востоковедения РАН А.Т.Сибгатуллиной, доц. МПГУ Л.Г.Латфуллиной, дир-ра Татарского культурного центра г.Москвы А.У.Хусяинова в адрес конференции открылось пленарное заседание, на котором были оглашены доклады по основным направлениям тюркологии и современного состояния национальных языков и литератур народов Поволжья: *И.Г.Добродомова* «Из сведений С.Герберштейна о татарах XVI века», *И.Ю. Кирилловой* «Некоторые аспекты сравнительно-сопоставительного изучения литератур народов Поволжья». Постановку проблемы о преподавании русского языка в полиэтнических школах РФ предложила в своём докладе «Обучение рус-

скому языку детей-билингвов в новых реалиях российской школы» проф. МПГУ *Е.А. Хамраева*.

Участники конференции плодотворно работали в пяти секциях, посвящённых следующим проблемам: 1) «Современные проблемы изучения языков народов Поволжья»; 2) «Литература народов Поволжья»; 3) «Устное творчество народов Поволжья»; 4) «Методика преподавания языков и литератур народов Поволжья»; 5) «Вопросы истории народов Поволжья».

Тематика докладов секции **«Современные проблемы изучения языков народов Поволжья»** охватывала круг вопросов теоретической и прикладной тюркологии. Участники секции высказали новые оригинальные соображения относительно языковых явлений на уровне морфологии, фонологии, лексики, синтаксиса, диалектологии языков народов Поволжья: *Неджати Демир* из Турции «Турецкие топонимы, связанные с Поволжьем, и исторические предпосылки их формирования», *З.Н. Эмба* «Выражение приветственных форм в тюркских языках Поволжья и Средней Азии», *Али Акар* из Турции «Общие для тюркских языков морфемы», *З.Н. Кириллова* «Союзное подчинение в татарском литературном языке», *Г.Р. Мугтасимова* «Лексические архаизмы в татарских народных пословицах», *А.Ш. Юсупова* «Юридическая терминология в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века», *Н.В. Кондратьева* «Инессив в системе пространственных падежей современного удмуртского языка». С интересом было выслушано информативное сообщение студента ЕГПУ *Салахова Айнура* «Блогояз как явление в системе русского языка III тысячелетия».

Проблемы текстологии, анализа и интерпретации памятников являются традиционными для данной конферен-

ции. Доклад *Л.Г. Латфуллиной*, посвящённый крупнейшему специалисту в области сравнительной грамматики тюркских языков, исследователю древнетюркских памятников Тенишеву Э.Р., не был исключением.

С большим интересом был выслушан доклад проф. *А.А. Баранниковой*, посвященный необходимости переиздания лингвистических трудов выдающихся учёных прошлого века.

На секции **«Литература народов Поволжья»** рассматривались проблемы литературного наследия и современное состояние русской, татарской, башкирской, чувашской, мордовской, марийской, удмуртской литератур. Особый интерес вызвали выступления *А.Ф. Галимуллиной* о специфике переводов на татарский язык произведений А.Н. Радищева, *Н.В. Ильиной* о лирике бесермянского поэта Михаила Федорова, *Р.А. Кудрявцевой* о поэтике лирико-романтического рассказа в литературе народов Поволжья. В сообщении *М.В. Небольсиной* рассматривался вопрос о русскоязычных национальных писателях в лице татарского автора Рустема Кутуя. Проблемам средневековой тюркоязычной литературы были посвящены выступления *Р.З. Хайруллина*, *Ф.Т. Бухаровой*, *Р.Х. Шаряфетдинова*. Аспирантка из Ирана *Махназ Норузи* рассказала о типологии женских образов в произведениях Валентина Распутина и Махмуда Доулатабади.

По словам *Ф.Г. Галимуллина*, «...наследие Гаяза Исхаки в современном литературном контексте имеет организующее начало относительно для всех татарских писателей, поэтов, драматургов и критиков начала нового века». *А.А. Газизова* рассказала о литературной встрече с Ч.Т. Айтматовым в Киргизии, в январе 1980 г. «Писатель, – сказала Амина Абдуллаевна, – щедро поделился мыслями о творческом переходе в иную, чем

прежде, художественную систему и признался, что воплотил её в только что завершённом романе. Это был «Буранный полустанок» – «И дольше века длится день». *Т.И.Зайцев* выступил с докладом «Повесть «Летний снег» в художественной системе удмуртского прозаика Г.Перевощикова».

Ряд докладов был связан с вопросами поэтики: сообщение *Р.А.Кудрявцевой* «Портрет» Ю. Артамонова и «Пусть твоим будет...» С. Шамси (к вопросу о поэтике лирико-романтического рассказа в литературе народов Поволжья второй половины XX века)», доклад *О.Г. Владимировой* «К вопросу об особенностях нетрадиционной строфики в поэзии народов Урало-Поволжья», в котором корни нетрадиционной строфики исходят из национального фольклора и являются уникальностью национальной поэзии. *А.Ф.Галимуллина* в своём докладе «Специфика перевода на татарский язык оды А.Н.Радищева «Вольность» подчеркнула глубину, богатство и многогранность творчества Радищева. *Ивишина М.В.* выступила с докладом «Современная удмуртская драматургия: координаты поисков»; *Норузи Махназ* информировала слушателей о женских образах в произведениях Валентина Распутина и Махмуда Доулатабади.

В секции «Устное творчество народов Поволжья» о вечной теме в лирике чувашского этноса выступила *Г.А. Ермакова.*, о традиционных представлениях чувашей о фольклорном персонаже «Инкек» сообщила *Г.Г.Ильина*, *М.И. Ибрагимов* «О теоретических основах изучения концептов татарского фольклора», *Кемаль Учюнджю* «Опыт анализа версий дастана «Алпамыш» Волго-Уральского региона», *Е.П. Чекушкина* «Общетюркские культовые образы и чувашская словесность», *Ф.Р.Сибгаева* «Функ-

ционирование концепта «Мэхэббэт» (Любовь) в поэтических жанрах фольклора», *И.В.Софронова* «Реиниценция традиций японского хокку в чувашской поэзии».

Турецкий ученый *Кемаль Учюнджю* анализировал версии дастана «Алпамыш», которые распространены в Волго-Уральском регионе. Доцент ун-та г.Мугла *Мехмет Наджи Онал* рассказал об особенностях устного народного творчества добруджинских татар в Румынии. В своем выступлении доцент *Эрдоган Алтынкайнак* сравнил тюркские и русские народные частушки и обнаружил в них типологические сходства. *Эрхан Акташ* изложил теорию Лорда Раглана о традиционном герое, которую он применил при анализе тюркоязычного дастана «Хан Орба».

На заседании секции «Методика преподавания языков и литератур народов Поволжья» были представлены темы исследований методико-теоретического характера, а также конкретных произведений литературы, фольклора и народного творчества. Применение на занятиях современных компьютерных методов в изучении языков и литературы народов Поволжья, а также элементов дистанционного образования – инновационный подход в методике преподавания родного языка и литературы.

О своих научных достижениях по методике преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории поделились *К.С.Фатхуллова* «Языковые и речевые аспекты обучения татарскому языку как неродному», *О.П.Терехова* «Роль произведений живописи на уроках родного языка», *Р.З.Хайруллин* «Поэма Мухамедьяра «Дар мужей» в контексте мусульманской культуры», *Г.А.Набиуллина* «Проблемы сбора и систематизации татарских литературных афоризмов» и др. Профессор Елабужского гос.

педун-та *С.Г.Исмаилова* изложила основные проблемы, существующие при подготовке выпускников общеобразовательных школ к ЕГЭ по родному языку и литературе, и поделилась собственным педагогическим опытом.

На заседаниях секции **«Вопросы истории народов Поволжья»** чётко обозначились некоторые направления, вызвавшие особый интерес и оживлённую дискуссию. Их можно свести к трём основным циклам: история, традиции и духовная культура народов Поволжья; этнокультурные параллели народов среднего Поволжья и Приуралья; история края в судьбах людей. Доклад *В.Г.Родионова* «М.Сеспель и некоторые аспекты самоидентификации чувашского этноса в поликультурном пространстве Евразии в XIII–XX вв.», *Ландыш Юзмухаметовой* «Татарское возрождение начала XX века: люди и их деяния (Ахметгарей Хасани)», *А.Т.Сибгатуллиной* «Творческое наследие Халима Сабита Шибая», *Г.С.Хазиевой* «Личные имена татар начала XX века (по материалам метрических книг Казанской губернии (1900–1915 гг.))» и др. Прозвучали интересные выступления турецких учёных: *Халиль Ачыкгёз* «Поход Огуз-кагана в бассейн реки Волга по дастану «Огуз-наме», *Эсра Доган* «Россия и российские паломники в персидских хаджنامه», *Ахмет Йигит* «Политика Османского государства по размещению казанских переселенцев», *Орхан Газигил* «Суфийская традиция в Волго-Уральском регионе и связи с мусульманским миром», *Мехмет Окур* «Культурно-просветительская деятельность тюрок Поволжья и Урала в конце XIX–начала XX века», *Мелек Чолак* «Турецкий интеллигент с татарскими корнями Хамит Зубаир Кошай (1897–1984)»,

Мустафа Татчы «Селим Диване Кырымлы».

При подведении итогов конференции председатели заседаний отмечали необходимость большего профилирования работы секций. В то же время была отмечена важность изучения, развития, также широкого обсуждения острых проблем истории языка и литературы, устного народного творчества народов Поволжья.

На заседаниях была развёрнута плодотворная дискуссия, все участники имели благоприятные условия для обмена научными идеями и материалами и познакомились с весьма важными исследованиями в области тюркологии, языкознания, литературоведения и методики их преподавания. Во время оживлённо проходившего обсуждения критике подверглись доклады, выводы которых строились на основе этимологической интерпретации имён и терминов. Было указано на слабость методики и недостаточность этимологического анализа.

В заключительном слове И.Г.Добродомов тепло поблагодарил Оргкомитет конференции и выразил уверенность, что проведение конференции «Проблемы филологии народов Поволжья» в МПГУ послужит дальнейшему сотрудничеству учёных Российской Федерации и укреплению международных научных связей.

Культурная программа конференции позволила участникам познакомиться с домом Шамси Асадуллаева, который в настоящее время является Татарским культурным центром города Москвы (ТКЦ) и где регулярно проходят просветительские и образовательные мероприятия.

Следующая конференция состоится весной 2011 г.

Л.Г.Латфуллина.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В мае месяце 2010 г. в трех городах Азербайджана – Баку, Нахчиване, Гяндже успешно прошла первая Международная конференция «Актуальные проблемы азербайджановедения», посвященная 87-ой годовщине со дня рождения общенационального лидера Гейдара Алиева, которая была организована Центром азербайджановедения при Бакинском славянском университете.

В работе конференции, помимо азербайджанских ученых, приняли участие виднейшие ученые, представляющие Российскую Федерацию, Литву, Грузию, Казахстан, Турцию, Францию, Ирак, Иран. Более 150-ти участников конференции объединил общий интерес к культуре, языку, истории азербайджанского народа. Конференция началась с посещения могилы Гейдара Алиева и шехидов, отдавших свои жизни за свободу и независимость Азербайджана, и возложения цветов к подножию памятника.

Конференцию вступительным словом открыл министр образования Азербайджанской Республики докт. физ.-матем. наук, проф. *М.Дж.Марданов*. С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор Бакинского славянского ун-та, заслуженный деятель наук, почетный чл.-корр. НАН Азербайджана, докт. филол. наук, проф. *К.Абдуллаев*. На пленарном заседании с поздравлениями выступили гости конференции *Юрий Помпеев* (Россия), *Давид Гоцеридзе* (Грузия), *Михаил Алексеев* (Россия), *Видас Кавалиаускас* (Литва), *Ольга Кураш* (Россия), *Алла Ахундова* (Россия), *Мехмет Мехди Баят* (Ирак), *Тофик Меликли* (Россия).

Участники конференции ознакомились с Бакинским славянским

университетом, побывали в его музее, в научно-исследовательских лабораториях, ознакомились с богатым книжным фондом университета. Также состоялась презентация книги профессора *Ю.Помпеева* «Карабахский дневник», в которой приняли участие гости, студенты, преподаватели и сотрудники университета.

Работа конференции велась в 2-х секциях, которые проходили в Российском культурном центре и конференц-зале Бакинского славянского университета. В первой секции было заслушано около 30-ти докладов, по разнообразной тематике. С докладами выступали проф. *М.Алиев* (Азербайджан) «Религиозная толерантность в современном Азербайджане», *Кавалиаускас Видас* (Литва) «Страницы истории азербайджанско-литовских культурных связей», *С.Муртузалиев*, *А.Исмаилова* (Россия) «Средневековые историко-экономические связи Азербайджана и Дагестана», *Эйюп Зенгин* (Турция) «Экономика Азербайджана в годы правления Гейдара Алиева», *Тамара Шинджиашвили* (Грузия) «Демографический портрет азербайджанцев, проживающих в Грузии», *Нино Миндиашвили*, *Тамара Пайчадзе* (Грузия) «Из истории грузинско-азербайджанских культурно-литературных взаимоотношений», *Улжан Мусабекова* (Казахстан) «Этноязыковые процессы: государство и язык (азербайджано-казахстанские параллели)», *Садир Мамедов* (Азербайджан) «Борьба с наркотиками в Азербайджане имеет стратегическое значение».

Во второй секции было заслушано всего восемь докладов, в тематике которых были отражены вопросы, волнующие общественность многих

стран. С докладами выступили *А.Байтуова* (Казахстан) «Репрес-сированные тюркологи Азербайджана и Казахстана (Б.В.Чобанзаде, Р.А.Ахундов, Х.С.Ходжаев, А.Байтурсынов, Х.Жубанов)», *Рустам Камал* (Азербайджан) «Китаби-Деде Горгуд»: предисловие как литературный этикет», *Э.Агасиева* (Азербайджан) «Формирование и развитие национальной идеи азербайджанцев».

Затем конференция продолжила работу одновременно в Баку и Нахчиване. В БСУ в двух секциях было прочитано более сорока докладов. Из них хотелось бы выделить доклады *Заура Иранпура* (Россия) «Ислам в культурной жизнедеятельности Баку», *А.Намазлы* (Азербайджан) «Политический дискурс и риторические фигуры (анафоры) (по материалам выступления Гейдара Алиева)», *Э.Пириева* (Азербайджан) «Фонетические особенности персидских слов, употреблявшихся в языке «Китаби Деде Горгуд», *Г.Мясоутовой* (Азербайджан) «Деятельность Газиза Губайдуллина в Азербайджане», посвященная памяти выдающегося татарского историка, репрессированного в годы культа личности Сталина.

Из докладов, прозвучавших в Нахчиванском гос. университете, следует отметить выступления *Мишеля Малерба* (Франция) «Азербайджан и Европейское содружество в 21 веке», *А.Ахундова* (Россия) «Оранта Нахчиванская», *Мехмет Мехди Баята* (Ирак) «Влияние поэмы «Салам, Гейдар баба» на иракских туркмен», *Д.Годцеридзе* (Грузия) «Грузинско-азербайджанские культурные связи», *А.Багирова* (Азербайджан) «Пути образования и формирования некоторых топонимов на территории Нахчивана». В Нахчиване участники конференции посетили дом-музей общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева и Гусейна Джавида, великого

азербайджанского поэта и драматурга, репрессированного и погибшего в ссылке в Сибири.

Затем участники конференции отправились в древний город Азербайджана, Гянджу, на родину великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви, и продолжили работу в Гянджинском гос. университете. Были заслушаны доклады *М.Алексеева* (Россия) «О некоторых аспектах азербайджанско-дагестанских событий», *Т.Меликли* (Россия) «Азербайджановедение как комплексная наука», *Б.Мусаевой* (Азербайджан), *О.Кураш* (Россия) «Проблема формирования межкультурной коммуникативной компетенции при обучении азербайджанскому языку как иностранному (опыт работы в МГЛУ)», *Э.Гейдаровой* (Азербайджан) «Языковая политика в современном Азербайджане».

Участники конференции посетили мавзолей великого поэта XII в. Низами Гянджеви, который призывал все народы мира к дружбе и воспевал высшую справедливость, призывая правителей, власть имущих, к справедливому господству, создав образ удивительной страны всеобщего равенства, братства, свободы.

В Баку конференция продолжила свою работу в Российском и Польском учебно-культурных центрах, где прозвучали доклады *Э.Шукюрлю* (Азербайджан) «Алфавит и политика алфавита в Азербайджане: вчера, сегодня, завтра», *Гарун-Рашид Гусейнова* (Россия) «К протогенезу азербайджанцев и кумыков в контексте древнейшей прикаспийской прародины тюркских народов», *Э.Гаджиева* (Россия) «К проблеме развития тюркских этнокультурных общностей», *Эмин Услу* (Турция) «Азербайджан в эмигрантской деятельности Чингиза Гёкгёля», *Д.Алиева* (Азербайджан) «Создание армянских областей на территории Азербайджана»,

Е.Герай-заде (Азербайджан) «Игра с реальностью и со словом в романе С.Ахмедли «Запрещенная игра»», *Н.Гафарова* (Азербайджан) «Азербайджанское мышление в русской поэзии XIX века», *Н.Мамедханова* (Азербайджан) «Восприятие поэзии Мирза Шафи Вазеха поэтами некрасовской школы», *Г.Ниязовой* (Россия) «Лексические параллели диалектов сибирских татар с тюркскими языками огузской группы (на примере наименований быта)», *Г.Халилова* (Россия) «Сравнительный анализ азербайджанского языка с закательским диалектом аварского языка», *Т.Джафаров* (Азербайджан) «Евразийство и азербайджанство: точки соприкосновения и перспективы сближения». Высокий уровень заслушанных докладов свидетельствовал об актуальности затронутых в докладах проблемах.

В последний день конференции в двух секциях было прослушано около тридцати докладов по различным вопросам. Особо запомнились доклады *Ш.Ахмедовой* (Азербайджан) «Учебные задачи преподавания азербайджанского языка как иностранного», *И.Халипаевой* (Россия) «Мифологические представления древних и современных тюрков о воде и земле», *Э.Алиева* (Грузия) «Азербайджанские заимствования в удинском языке», *М.Ш.Шихиевой* (Россия) «Проблематика и идейно-художественные особенности классических волшебных-фантастических сказок в фольклоре

дагестанских азербайджанцев», *И.Топицына* (Россия) «Самозванцы, как инструмент внешнеполитической борьбы (новые данные о подрывной деятельности Турции на территории Закавказья в середине XVIII в.)», *Р.Новрузова* (Азербайджан) «К проблеме передачи поэтики Мамеда Араза на русский язык», *Е.Мустафаевой* (Азербайджан) «Вклад видных азербайджанских пианистов в развитие национального музыкального искусства».

Во время торжественного закрытия международной конференции, проходившей в течении шести дней в г. Баку, Нахивань, Гянджа, была отмечена широта поставленных в выступлениях проблем. Она стала важным этапом в развитии научных контактов ученых всего мира, интересующимися актуальными проблемами азербайджанского народа, историей, культурой, политикой, экономикой Азербайджана. Вместе с тем это наглядный пример успехов международной политики Азербайджанской суверенной республики, стремящейся жить в мире и согласии со всеми народами. Изучать язык и культуру азербайджанского народа – значит глубже понимать социально-культурные изменения, происходящие не только в Азербайджане, на Востоке, но и во всем мире. Статьи и тезисы конференции были напечатаны в двух журналах.

А.И.Гусейнова

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

МАХМУД АЛ-КАШГАРИ. ДИВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК (СВОД ТЮРКСКИХ СЛОВ): В ТРЕХ ТОМАХ. – Т.1./ПЕР. С АРАБСКОГО А.Р.РУСТАМОВА; ПОД РЕД.И.В.КОРМУШИНА. ПРИМ. И.В.КОРМУШИНА, Н.А.ПОЦЕЛУЕВСКОГО, А.Р.РУСТАМОВА; ИН-Т ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН; ИН-Т ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН.

М.: ВОСТ.ЛИТ, 2010. – 461 с. (ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА. СХХVIII)

Настоящим томом открывается давно задуманное и подготовленное полное издание на русском языке выдающегося памятника средневековой филологии «Диван лугат ат-турк», составленного в 70-х годах XI века на арабском языке по канонам арабской лингвистической школы ученым, тюрком по рождению, знатоком своего

языка и словесности Махмудом ал-Кашгари. Это словарь особого рода, который сочетает в себе и признаки обычного переводного, и диалектного, и энциклопедического словарей, содержит ценные сведения по грамматике, морфологии и истории тюркских языков, поэзии, фольклору, этнографии и культуре тюркских народов.

ДИАЛЕКТЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ: ОЧЕРКИ /ИН-Т ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

М.: ВОСТ.ЛИТ., 2010. – 522 с. (ОСНОВЫ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ: ОСН.в 2010 г.).

Настоящий том открывает серию изданий «Основы тюркского языкознания», задуманную Э.Р.Тенишевым и планировавшуюся как углубленное введение в изучение тюркских языков. В коллективной монографии «Диалекты тюркских языков» представлены очерки диалектов ряда тюркских языков, содержащие их краткую характеристику и историю изучения. Тематически работа примыкает к вышедшему из печати в 2003 г. V тому «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» – «Региональные реконструкции». В то же время это первая из книг серии «Основы тюркского языкознания».

Диалектологические материалы собраны и описаны (описания представлены в виде статей) ведущими диалектологами-специалистами по отдельным языкам тюркской семьи (Ширалиев М.Ш. – азербайджанский язык, Баскаков Н.А., при участии И.Я.Селютиной – алтайский язык, Юлдашев А.А. – башкирский язык, Покровская Л.А. – гагузский язык, Мусаев К.М. – караимский язык, Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т., Рамазанова Д.Б. – татарский язык, Сарыбаев Ш.Ш. – казахский язык, Э.А.Грунина – турецкий язык и т.д.).

Кроме того, имеется обобщающий раздел, подводящий итоги работы боль-

шого коллектива диалектологов и предлагающий читателю очерк современного состояния тюркской диалектологии.

МУДРАК О.А. КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДОВ ГЛОТТОХРОНОЛОГИИ НА ОСНОВЕ ВОПРОСОВ ПО МОРФОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ /ПОД РЕД. И.С.СМИРНОВА (ORIENTALIA ET CLASSICA . ИРУДЫ ИН-ТА ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР И АНТИЧНОСТИ. ВЫП.ХХІІІ.

М.:РГГУ, 2009. – 187 с.

Конкретной задачей данной работы является доказательство возможности формального определения степени родства и, соответственно, построения генеалогического древа языков даже при известных случаях активных близкородственных контактов.

Рассматриваемая работа построена следующим образом. Вначале разбирается устройство тюркской семьи (для изучения отобраны данные по 42 тюркским языкам и диалектам, включая языки наиболее крупных и исследованных памятников.), основанная на анализе вопросника. Вопросы в нем актуальны для праязыковой реконструкции и находят соответствие в рефлексации хотя бы в паре языков, лежащих в разных географических ареалах, т.е. поздние объяснимые ареальные инновации по возможности исключаются.

Для тюркской семьи выделяется 83 таких значимых вопроса по морфологии и исторической фонетике. Таким образом выделяются основные ветви (филы) и внутренняя топография ЭТИХ ветвей.

Далее, с помощью анализа получившихся результатов (построения древа) и привлечения экстралингвистических данных устанавливается коэффициент X, характеризующий скорость распада (выветривания) списка. С его привлечением удастся соотнести по времени узлы деления (распада), а также произвести соотнесенность языков средневековых памятников с получившейся

классификацией. На последнем этапе вводятся дополнительные вопросы и вопросник доходит до 96, причем первые 83 также учитываются. Эти вопросы также важны для праязыковой реконструкции, что подтверждают внешние алтайские сравнения с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским и японским языками. Но они характеризуют уникальные процессы, типичные лишь для одной тюркской языковой ветви, и позволяют разобраться во временной глубине самого основания пратюркского древа. Вопросы эти характеризуют уникальный материал чувашского языка и особой болгарской ветви, кардинально отличающейся от остальных тюркских языков.

Важным является и определение основных методов, которые должен использовать исследователь при решении проблемы таксономических характеристик внутри конкретной языковой семьи. Не вдаваясь в проблему о кажущейся спорности лексической глоттохронологии для некоторых исследователей, надо отметить, что принципиально в данной работе по классификации используется классически традиционный набор характеристик, отражающий фонологический, морфологический и лишь частично лексический уровни языка. Вопросы имеют общетюркский характер, т.е. ответы на них могут быть найдены практически во всех языках.

По принципу использования глотто-

хронологических наработок данная работа идет в русле Московской ностратической школы и использует с некоторой

модификацией математический аппарат Сводеша-Старостина.

КОРМУШИН И.В. ТЮРКСКИЕ ЕНИСЕЙСКИЕ ЭПИТАФИИ: ГРАММАТИКА, ТЕКСТОЛОГИЯ / ОТВ. РЕД. НАСИЛОВ Д.М.; ИН-Т ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН.

М.: НАУКА, 2008. – 342 с.

В книге продолжено исследование тюркских рунических надписей VIII–XI вв. с территорий Хакасии, Тувы, отчасти Монголии, составляющих письменное наследие государства древних кыркызов. в состав которого входили предки современных киргизов, алтайцев, хакасов, тувинцев и некоторых других народов.

В отличие от первой части труда «Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования» (М.: Наука, 1997), которая, кстати, в основном была посвящена палеографическим проблемам установления аутентичных текстов надписей и лишь попутно содержала замечания лингвистического характера, в данной книге основное внимание уделено закономерностям организации эпитафийного содержания, знание которых позволяет глубже интерпретировать древние тексты. Критико-палеографическому обследованию подвергнуто около 20 надписей, не вошедших в первую книгу. В книге даны фотографии некоторых из рассмотренных памятников.

Главная причина такой задержки была в исключительной трудности идентификации плохо сохранившихся, полустертых или стертых знаков, в невозможности сколько-нибудь удовлетворительной интерпретации слов, частей фраз или даже целых фраз. Иногда кажется, что исследование достигло своего

естественного предела, однако настойчивое повторение попыток в ряде случаев дает результат, и дело сдвигается с мертвой точки.

Поэтому первая часть настоящей книги представляет собой анализ памятников, не вошедших в изданную ранее. Описание следует по выработанной стандартизированной схеме: краткий обзор нынешнего состояния памятника, его размеры, материал, географическое место первоначальной установки и место нынешнего нахождения, особенности первой и последующих публикаций. Затем в разделе "Коррекции состава знаков" дается подробный, часто побуквенный анализ палеографической стороны памятника, позволивший уточнить состав каждого слова в каждой строке и внести во многих случаях коррективы в чтение, в широком смысле, памятника, т.е. в его формальную и содержательную стороны. Далее в разделе "Текст" приводится текст памятника в разных видах (в оригинальной графике типизированными руническими буквами, не передающими многих палеографических особенностей, в транслитерационной передаче специальными символами на латинско-греческой основе, однозначно соответствующими руническим знакам и т.д.

Д.М.Насилов

ЮСУПОВ Р.А. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

КАЗАНЬ: ТГТТУ, 2010. – 366 С.

Велика роль перевода в развитии интернациональной культуры, взаимобогащении литератур народов Российской Федерации. Около половины всей издаваемой на русском языке художественной литературы составляют переводы лучших произведений зарубежных писателей, а также мастеров слова народов нашей страны. В то же время большинство значительных произведений классиков и наиболее крупных современных русских писателей имеют переводы на языки народов России. Сегодня невозможно представить без переводческой деятельности успешное развитие культурной, политической и экономической жизни в национальных республиках Российской Федерации.

Для Республики Татарстан, являющейся двуязычной, перевод имеет особую значимость. Здесь, поскольку общественно-политическая, культурная, административно-хозяйственная жизнь и отчасти наука и образование осуществляются в основном на татарском и русском языках, переводческая деятельность широко внедрена во все сферы общественной жизни республики.

Разумеется, в наш цивилизованный век двуязычие должно реализовываться на качественном уровне. А это в значительной степени обусловлено правильностью языка переводов с одного языка на другой. Между тем, как показывает практика, качество переводов средств массовой информации, различных информационных материалов и делопроизводства, определенной части художественной, публицистической, научно-технической и учебной литературы оставляет желать лучшего.

Сегодня литературные нормы татарского языка, как и нередко русского языка, серьезно нарушаются. Главной причиной тому является отсутствие у журналистов и государственных чиновников, а также у представителей других профессий, связанных с необходи-

мостью знания двух языков, достаточных навыков перевода с одного языка на другой.

Вышедшая в свет монография докт.филол.наук, проф. Р.А.Юсупова о теории и практике перевода призвана содействовать повышению знаний и навыков журналистов и др. специалистов, занимающихся вопросами перевода и культуры речи.

В данной работе излагаются важнейшие вопросы теории и практики перевода на основе раскрытия закономерностей в соотношении разноструктурных языков, а также в свете изучения проблем культуры речи в условиях двуязычия.

Книга состоит из четырех глав: общетеоретические вопросы перевода, лексические вопросы перевода, грамматические вопросы перевода и стилистические вопросы перевода.

Общетеоретические вопросы перевода, такие, как предмет и задачи перевода, основные принципы перевода, основная единица перевода, перевод как процесс установления языковых соответствий, рассматриваются, придерживаясь основополагающих положений лингвистического подхода к переводческим задачам, заложенного в трудах известного теоретика перевода А.В.Федорова. Данный подход основывается на понимании процесса перевода как операции, производимой над двумя языками. «Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы» (с.15).

Исключительно большой круг вопросов передачи лексических средств с одного языка на другой охватывает вторая глава. Здесь излагаются способы перевода так называемых слов-соответствий, а также слов разных языков, не имеющих соответствий в основном но-

минативном значений, освещаются вопросы передачи контекстуальных соответствий, заимствований, собственных имен, названий специфических реалий, архаизмов, диалектных и просторечных слов. Большие разделы посвящены рассмотрению способов перевода лексических средств выразительности (сравнений, метафор, эпитетов), а также фразеологических явлений.

Было бы несправедливо не отметить такую важную особенность монографии Р.А.Юсупова, которая заключается в том, что способы передачи средств одного языка на другой автором работы определяются в тесной связи с характером соответствий между языком оригинала и языком перевода. Сказать точнее, по утверждению автора рецензируемой работы, общие свойства, имеющиеся в данных языках, обуславливают дословный, точный, эквивалентный способы передачи, специфические же особенности их обуславливают адекватные, контекстуальные способы перевода, так называемые замены, компенсации, устанавливаемые лишь с учетом узкого и широкого контекста.

Такой подход Р.А.Юсупова, нам представляется, вполне правомерен, если учесть, что в оригинале и переводе, представляющих разноструктурные языки, проявляются как общие (одинаковые, сходные), так и отличительные (специфические) свойства данных языков.

При этом следует подчеркнуть, что именно такая методика определения способов передачи средств одного языка на другой позволяет избежать при переводе механического переноса в язык перевода явлений, свойственных лишь языку оригинала, и тем самым предупредить нарушение естественных норм языка перевода, что является одним из главных условий обеспечения полноценного перевода.

Необходимо отметить, что в рецензируемой работе большое место уделяется анализу многочисленных нарушений норм языка перевода, даются

рекомендации по устранению и предупреждению случаев искажения языка.

Представляет большой интерес также третья глава монографии, в которой рассматриваются многочисленные грамматические вопросы перевода. Особого внимания заслуживает раздел о морфологических средствах разноструктурных языков и способы их передачи с учетом общих свойств и специфических особенностей.

Методы перевода синтаксических средств излагаются в двух плоскостях: 1) воспроизведение синтаксических особенностей оригинала и 2) воссоздание синтаксической структуры оригинала. Среди вопросов, рассматриваемых в первом из этих разделов, наибольшую теоретическую и практическую значимость имеет вопрос о сочетаемости слов языка оригинала и языка перевода и проявление ее в переводе. Как видно из работы, именно отсутствие достаточного учета при переводе особенностей сочетаемости соотносимых слов оригинала и перевода нередко приводит к грубейшим нарушениям литературных норм языка перевода.

Автор монографии, излагая соотношение многочисленных форм сложных конструкций языка оригинала и языка перевода и способы передачи их, раскрывает большие потенциальные возможности воссоздания синтаксических форм соответствующими средствами.

Большим подспорьем в деятельности переводчиков, как и в целом билингов, явится также четвертая глава рецензируемой книги о способах воспроизведения стилистических средств, многие из которых являются оригинальными с точки зрения их изучения в качестве предмета перевода.

В заключение хочется выразить уверенность в том, что новая монография профессора Р.А.Юсупова явится полезным пособием как для теоретиков, так и для практиков, занимающихся переводческой деятельностью, а также для тех, кто по долгу службы призван стоять на страже культуры речи.

Ф.С. Хакимзянов

СУТРА ОБЩИНЫ БЕЛОГО ЛОТОСА: ТЮРКСКАЯ ВЕРСИЯ / ТРАНСКРИПЦИЯ, ПЕР. С РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ТЮРКСКОГО ЯЗ., ПРЕДИСЛ., ПРИМЕЧ., УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ Л.Ю.ТУГУШЕВОЙ ; С.-ПЕТЕРЬ. ФИЛИАЛ ИН-ТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН.

М. : ВОСТ. ЛИТ., 2008. – 207 с. (ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА. СХХVII

В книге впервые публикуются уникальные фрагменты тюркской версии сочинения, известного под названием «Сутра Общины белого лотоса», предположительно составленного в X–XI вв. Община белого лотоса, сформировавшаяся в Китае в IV в. как особая школа буддизма махаянистского направления, была основана на культе будды Амитабхи и сыграла в дальнейшем заметную роль в развитии северо-западных школ буддизма. Большая часть сочинения сохранилась в тюркской версии, и с этой точки зрения ее публикация и исследование имеют особое значение для изучения истории и культуры регионов, в которых получило распространение данное направление буддизма.

Дошедшие до наших дней фрагменты публикуемого произведения не содержат его полного названия, сведений о его составителе и времени составления; сохранилось лишь сокращенное название. В соответствии со способом пагинации, принятым в раннесредневековых тюркских текстах, на полях листов наряду с числовыми обозначениями разделов произведения и порядка листов в разделах нередко приводится также его сокращенное название. Здесь оно также зафиксировано на полях рукописи и воспроизводится как *Abitaki*. Данное сокращение соответствует китайскому названию *A 'mi-t 'o-ching*, которое восходит к санскритскому *Amitabha-sutra*, служившему обозначением одного из известных сочинений, относящихся к культу будды Амитабхи, – Малой сутры *Сукхавативьюха* (санскр. *Sukhavatīvyūha-sūtra*). Перевод его на китайский язык был осуществлен в 402 г. известным деятелем той эпохи в области распространения буддизма Кумардживой. Вместе с тем анализ содержания

некоторых сохранившихся частей публикуемого произведения показал, что, несмотря на совпадение названия, оно не является переводом сутры *Сукхавативьюх*, а представляет собой иное сочинение и, более того, относится к числу редких буддийских текстов, не представленных в китайском своде *Трипитахи*. Этим обстоятельством в значительной мере определяется особое значение публикуемого текста как источника: он может послужить восполнению утраченных звеньев того значительного литературного пласта, к которому он относится.

Первые шаги по публикации и исследованию тюркской версии сочинения были предприняты уже на первых этапах изучения восточнотуркестанских письменных памятников; относящиеся к этому сочинению материалы в свое время были опубликованы акад. В.В.Радловым и японским исследователем Ханэда Тору. В процессе дальнейших исследований было обнаружено довольно значительное число фрагментов сочинения, которые в настоящее время хранятся в библиотеках и музеях в Анкаре, Стамбуле, Париже и в Национальной библиотеке в Пекине (25 фрагментов).

Публикуемые фрагменты были обнаружены и идентифицированы автором в процессе работы над центрально-азиатскими коллекциями тюркских рукописей из собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Сведений о том, каким образом фрагменты этого сочинения оказались в Санкт-Петербурге (Ленинграде), не обнаружено.

В настоящем издании впервые публикуются более 40 фрагментов тюркской версии сочинения, хранящиеся в рукописном собрании СПб филиала Института

востоковедения РАН. Они относятся к разделу III (фрагменты листов 23–45) и к разделу IV (факсимиле и транскрипция листов 29–37 и 45–53 с лакуной между листами 37 и 45). Шифры хранения рукописи – SI Uig4 и SI Uig 5. Судя по

внешним данным, публикуемые нами фрагменты и фрагменты из Музея этнографии в Анкаре, возможно, являются частями одной и той же рукописи, так как формат листов, качество бумаги и степень ее разрушения, характер почерка и иные признаки в них совпадают.

HATİCE ŞİRİN UZER. KÖKTÜRK ÖTÜKEN UYGUR KAĞANLIĞI YAZITLARI.
SÖZ VARLIĞI İNCELEMESİ

KÖNYA: KÖMEN YAYINLARI, 32. TÜRK DİLİ DİZİSİ 1, 2009. – 550 s.

Несмотря на то, что имеется достаточно много исследований по II каганату тюрков (кёктюрков) и каганату Отюкенских уйгуров, нельзя утверждать, что мы сегодня имеем на руках словарь, отражающий все лексическое богатство памятников каганатов. Даже при том, что в широкоизвестных Древнетюркском словаре (Л., 1969) и в этимологическом словаре сэра Г.Клаусона (1972) представлен богатый словарный материал древних периодов, отрезок истории до XIII в. может пополниться специфическими словами, выражениями, зафиксированные в эпиграфических памятниках.

С такой целью автором просмотрены все письменные памятники, относящиеся к рассматриваемому периоду, сделана сплошная выборка имен существительных и морфологического материала. Имена существительные сгруппированы в лексико-семантические группы (ономастика – имена каганов, географические объекты и т.д., грамматические категории). После анализа имеющегося лексического материала, в отдельных главах книги (в книге всего 7 глав) представлены тексты эпиграфических памятников, источники, лексический инвентарь в алфавитном порядке.

БУЛГАКОВ Р.М., ГАЛЯУТДИНОВ И.Г. ОПИСАНИЕ ВОСТОЧНЫХ
РУКОПИСЕЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ. –
Ч.1. – ТЮРКСКИЕ РУКОПИСИ.

УФА: АН РБ, ГИЛЕМ 2009. – 456 с.

Данная публикация является результатом работы группы полевой и камеральной археографии Института истории, языка и литературы Академии наук Республики Башкортостан, выполнявшейся в 1984–1989 гг. на материале Фонда рукописей и старопечатных книг Института и Научного архива УНЦ РАН. Сразу же необходимо отметить, что создание Фонда рукописей и ста-

ропечатных книг – результат деятельности многих сотрудников Башкирского филиала АН СССР (ныне Уфимского научного центра РАН) и Института истории, языка и литературы, в первую очередь его языковедов, литературоведов и фольклористов.

В составе группы ее руководитель И.Г.Галяутдинов описывает произведения XIX–XX вв., Р.Х.Халикова – баш-

кирские шеджере, Р.М.Булгаков – произведения XII–нач. XVIII вв. Схема описания в ходе работы уточнялась и ныне состоит из 10-ти областей: номер и шифр, заглавие, автор, произведение, переписчик, список, языковые особенности, палеографические сведения, коллекция, библиография.

Рецензируемый труд, не считая введения (автор Р.М.Булгаков) и сведений об археографических находках ИИЯЛ УНЦ РАН в 1968–1988 гг. (автор И.Г.Галаяудинов), состоит из трех разделов: раздел 1 – произведения XII–нач. XVIII вв. (автор Р.М.Булгаков), раздел 2 – произведения XIX–XX вв. (автор И.Г.Галаяудинов), раздел 3 – башкирские родословные XIX–нач. XX вв. (автор Н.М.Булгаков).

В отделе «История» первого раздела присутствует 6 произведений (7 списков), это – «Тэварихи Табари» (список 1862 г.), «Кысса ал-Анбия» Рабгузи (списки 1857 и конца XIX в.), «Болгарие тэварих» Хисамеддина б. Шэрэфетдин ал-Болгари (список 1864 г.) «Алты бармак китабы» Мухаммеда б. Мухаммеда

(список 1841 г.), «Дэфтэри Чыңгыз наме» (список 1861 г.), «Тарих» (список 1831 г.). В отделе «Литературы» описаны списки произведений А.Ясеви, «Бакырган китабы», хикметы Кул Сулеймана, «Ахыр заман китабы», «Мэрйэм китабы» и др. – всего 24 поэтических произведения (58 списков) и 8 прозаических (9 списков). Так как исследователи четко придерживаются принятой схемы описания, читатель может получить полный объем информации об этих источниках начиная от бумаги и кончая языковыми особенностями, иметь сведения о переписчиках и владельцах.

Подробно не останавливаясь на содержании других разделов, необходимо подчеркнуть важность работ подобного рода, научную значимость же данного конкретного труда можно увидеть в разработке и применении ряда концептуальных новых для тюркской археографии методов и приемов изучения и публикации документов.

Ф.С.Хакимзянов.

ИСМАЙЛОВА Л.Г., НАСИЛОВ Д.М. УЧЕБНИК АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО
ЯЗЫКА ДЛЯ СТРАН СНГ / ОТВ. РЕД. М.С.МЕЙЕР ;
ИН-Т СТРАН АЗИИ И АФРИКИ МГУ им. М.В.ЛОМОНОСОВА.

М.: ВОСТ. ЛИТ., 2009. -- 261 с.

Данный учебник азербайджанского языка предназначен прежде всего для вузов стран СНГ, в которых азербайджанский язык как иностранный изучается в качестве основного или второго языка. В странах Содружества учебник может быть также использован и в учебных студенческих группах вузов, и в школах с русским языком обучения, где азербайджанский язык преподается как иностранный язык. Однако это не означает что он предназначен только для студентов, с учебником могут работать также все желающие освоить азербайджанский язык

26 уроков учебника охватывают практически все основные грамматические правила азербайджанского языка,

опираясь на знание которых можно овладеть речевыми навыками, строить правильные высказывания и понимать живую речь.

Тематика текстов носит страноведческий и разговорно-бытовой характер. В конце каждого урока имеется словарь, содержащий необходимую для освоения активную лексику. Практическому освоению языка способствуют введенные в уроки многочисленные упражнения, диалоги, устойчивые сочетания, пословицы и поговорки, стихотворения, которые можно заучивать и пересказывать.

К учебнику приложен азербайджанско-русский словарь, включающий более 4000 лексем и устойчивых словосочетаний.

PERSONALIA

ФУАТ АШРАФОВИЧ ГАНИЕВ

(к 80-летию со дня рождения)

Ганиев Фуат Ашрафович родился 1 августа 1930 г. в с. Насибаш Салаватского р-на Республики Башкортостан. Окончил Насибашевскую среднюю школу с отличными оценками. В 1949 г. поступил в Казанский гос. университет в отделение татарского языка и литературы, окончил его с дипломом с отличием. После окончания ун-та работал в средней школе преподавателем и директором, редактором в Татар. кн. изд-ве. В 1959 г. прошел по конкурсу в аспирантуру по специальности «татарский язык» при Ин-те языка, лит-ры и истории Казан. филиала Академии наук СССР. С тех пор его судьба связана с этим Институтом. Был младшим, старшим, ведущим научным сотрудником, в течении 17 лет работал заведующим отделом. В настоящее время глав. научный сотрудник, про-

фессор (1985), член-корр. Академии наук Республики Татарстан (1992), акад. Рос. Академии гуманитарных наук (1999), член-корр. Турецкого лингвистического общества (2000), советник Американского биографического института (2000), Лауреат Гос. премии РТ в области науки и техники (1994) и Международной премии им. Кул Гали (2004). Ему присвоены звания «Заслуженный деятель науки ТАССР» (1989) и «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1996).

Фуат Ганиев в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Видовая характеристика глаголов татарского языка», где научно доказал, что в тюркских языках нет категории совершенного и несовершенного видов. До него большинство исследователей допускало наличие данной категории в тюркских языках. Он установил, что значения категории совершенного и несовершенного видов, имеющиеся в русском языке, в тюркских языках передаются формами времени, в зависимости от предельности и неопределенности глаголов, что явилось совершенно новым положением в тюркологии. Он впервые сумел объяснить, что

«модифицирующие глаголы» (так называемые вспомогательные глаголы) никакого отношения не имеют к выражению категории совершенного и несовершенного видов. Ученый впервые в тюркологии установил и системно исследовал категорию способов действия («Aktionsart»). Как показал Ф.А.Ганиев, например, в татарском языке данная категория, является лексико-грамматической, ибо в ее выражении участвуют как лексические, так и грамматические средства: модифицирующие глаголы, редупликация глагольных форм и суффиксы.

В 1970-85 г. он издал ряд монографий: «Фонетическое словообразование в татарском языке» (1973), «Суффиксальное словообразование в татарском литературном языке» (1974), «Вопросы морфологии татарского языка» (1980), «Образование сложных слов в татарском языке» (1982), «Конверсия в татарском языке» (1985).

В 1977 г. Ф.А.Ганиев защитил докторскую диссертацию на тему «Суффиксальное словообразование в татарском литературном языке». В докторской диссертации и в монографиях, изданных в вышеуказанные годы, им установлено 8 способов словообразования в татарском языке: 1) фонетический, 2) суффиксальный, 3) основосложение, 4) переход словосочетания в сложное слово, 5) переход словосочетания в сложное слово при одновременной его суффиксации, 6) конверсия (переход слова и словоформы одной части в другую), 7) лексико-семантический, 8) аббревиация. Ф.А.Ганиев создал самостоятельную лингвистическую дисциплину – словообразование в татарском языкознании.

Следует отметить, что в тюркологии в грамматиках до исследований

Ф.А.Ганиева как правило рассматривалось лишь 3-4 способа словообразования. Вдобавок, три способа словообразования, а именно основосложение, переход словосочетания в сложное слово, переход словосочетания в сложное слово при одновременной суффиксации, изучалось как один способ – словосложение, что в корне искажало систему образования сложных слов в татарском языке. В тюркологии практически не обращалось внимания на конверсию как на способ словообразования, тогда как она представляет целую систему, и в какой-то степени напоминает конверсию, имеющуюся в английском языке.

В татарском языке как реликтовое явление сохранился и фонетический способ словообразования, на что ученый также обратил внимание.

Ученый исследует суффиксальное словообразование структурно-функциональным методом, т.е. значение каждого суффиксального слова связывает со значением производящей основы, что дало возможность объективно правильно раскрыть словообразовательные значения, чего не было в грамматиках.

Во всем языкознании структура слова, как известно, рассматривается как морфологическая структура. Фуат Ганиев в слове находит две структуры: 1) словообразовательную структуру; 2) морфологическую структуру. По мнению ученого, они между собой не имеют ничего общего: словообразовательная структура включает в себя все то, что в слове имеет лексическое значение, морфологическая структура включает в себя все то, что в слове имеет грамматическое значение, что является совершенно новым положением в лингвистике.

Следует подчеркнуть, что ученый категорически против употребления термина «аффикс» вместо тер-

мина «суффикс». Как известно, термин аффикс является общим обобщающим термином для многих понятий: для префикса, конфикса, инфикса, суффикса, интерфикса и т.д.

Ф.А.Ганиев определил также критерии различения омонимичных суффиксов. Им учтен и проанализирован практически весь состав словообразующих суффиксов в татарском языке, увеличив их количество более чем в 2 раза в сравнении существовавших до него в исследованиях и грамматиках.

Как известно, все исследователи тюркских языков рассматривают их только как агглютинативные, т.е. по их мнению, в них как грамматические, так и лексические значения выражаются агглютинацией, т.е. суффиксацией. Такое рассмотрение полностью искажает сущность и характер тюркских языков, ибо в них больше половины лексических, около половины грамматических значений выражается аналитически, т.е. дополнительными словами. Таким образом, отнести тюркские языки только к агглютинативным не представляется возможным. Тюркские языки, по мнению ученого, являются агглютинативно-аналитическими языками. Отсюда вытекает, что морфология тюркских языков наполовину является аналитической, и в лексике тюркских языков больше половины слов являются аналитическими, т.е. их следует считать сложными словами.

Ф.А.Ганиев впервые в татарском языкознании установил наличие аналитических падежей, как это имеет место во французском и английском языках. Например, в татарском языке имя с нулевым *суффиксом* + *последом* широко употребляется в татарском языке.

Прорывом в изучении лексики татарского языка является установ-

ление наличия в нем огромного количества сложных лексических единиц. При составлении словарей такое богатство языка не учитывалось, не принималось во внимание из-за незнания его аналитизма. И, поскольку при составлении словарей не учитывались сложные слова, тюркские словари выглядели и выглядят очень бедно.

Ученый занимается также проблемами орфографии татарского языка, исследованием ее научных основ.

В результате научных исследований Ф.А.Ганиева в татарском языкознании появилась новая дисциплина «Словообразование» наряду с «Морфологией» и «Синтаксисом». Эти же научные исследования дали возможность ученому впервые создать и издать учебное пособие для вузов «Словообразование в татарском языке» (1988, 2003, 2005).

Ф.А.Ганиев автор более 300 научных трудов, в том числе 13 монографий. В книге «Современный татарский язык. Словообразование» ученый обобщил все свои изыскания в области татарского словообразования. Создатель (в соавторстве) и научный редактор трехтомной грамматики татарского языка. За нее основные авторы, в т.ч. Ф.А.Ганиев, стали лауреатами Государственной премии в области науки и техники Республики Татарстан.

Вместе с тем, ученый внес и вносит большой вклад в татарскую лексикографию. Он соавтор однотомного «Русско-татарского словаря» (Казань, 1971), «Татарско-русского словаря» (Москва, 1966). Ученый является одним из составителей трёхтомного «Толкового словаря татарского языка» (Казань, 1977–1981). Под его научным руководством, редакции и участии изданы «Татарско-русский словарь» (Казань, выдержав-

ший четыре издания), «Русско-татарский словарь» (Москва, выдержавший также четыре издания), «Та-тарско-русский учебный словарь» (Москва, Казань выдержавший три издания). Под его руководством, научной редакцией и участием изданы «Татарско-турецкий словарь» (Москва) и «Турецко-татарский словарь» (Москва) и т.д.

Под его руководством составлено и издано 23 русско-татарских лексических минимума для работников различных отраслей народного хозяйства и культуры с целью изучения государственных языков Республики Татарстан на курсах и кружках.

Ф.А.Ганиев и в настоящее время продолжает интенсивно работать над составлением словарей. Так, под его научным руководством завершено составление «Школьного толкового словаря татарского языка» (70 авт.л.), «Русско-татарского словаря новых слов и новых значений» (40 авт.л.), «Татарско-русского словаря» (150 авт.л.). Развернута большая работа по составлению четырехтомного «Толкового словаря татарского языка» (450 авт.л.). В этом последнем словаре большое место займут сложные слова, в т.ч. составные глаголы татарского языка. Все эти словари составлены и составляются по «Инструкции», подготовленной ученым.

Ф.А.Ганиев активно выступает перед научной аудиторией, что дает ему возможность апробировать свои идеи и поделиться достигнутыми результатами. Так им прочитано свыше 115 научных докладов, из них 18 – на международных, 25 – на всесоюзных и всероссийских конференциях.

Под его научным руководством защищено 30 кандидатских диссертаций, в настоящее время ученый

руководит 3 аспирантами. По научным концепциям и положениям Ф.А.Ганиева написано и защищено 12 докторских и 23 кандидатских диссертаций. За научной консультацией в Казань к Фуату Ашрафовичу очень часто приезжают ученые из разных республик, регионов и из-за рубежа.

Ф.А.Ганиев является одним из авторов проекта «Государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ» и проекта Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», которые были утверждены Верховным Советом Республики Татарстан.

Наряду с большой научной работой Ф.А.Ганиев с 1959 г. по настоящее время вел общие и специальные курсы в Казанском государственном университете, Казанском педагогическом институте и Набережно-Челнинском педагогическом институте в качестве совместителя. В течении ряда лет ученый был председателем ГЭК и ГАК в Казанском государственном университете, Елабужском государственном педагогическом институте.

Ученый является членом двух специальных советов по защите диссертаций: в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ и в Казанском государственном (ныне – Поволжский федеральный) университете.

Ф.А.Ганиев награжден несколькими государственными медалями.

Кембриджским биографическим центром (Англия) внесен в энциклопедию «Знаменитые люди XX века» (1998), «Международные интеллектуалы: кто есть кто» (1999), «Современная наука» (2003) за большой вклад в филологию, избран иностранным член-корр. Турецкого лингвистического общества (2000).

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ НАСИЛОВ

(к 75-летию со дня рождения)

Одному из ведущих тюркологов нашей страны, доктору филологических наук, профессору кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова Дмитрию Михайловичу Насилову в 2010 г. исполняется 75 лет. Дмитрий Михайлович является питомцем этой кафедры, а также продолжателем тюркологической династии.

Он снискал себе известность как хранитель и пропагандист лучших традиций отечественной тюркологии. Его научный потенциал нашел выражение в фундаментальных работах по истории тюркских языков, сравнительно-исторической тюркологии, теоретической грамматике, социолингвистике. Трудно перечислить все сферы его многогранных научных интересов. Монография «Проблемы тюркской аспектологии» (Л., 1989), а также многие статьи и научные доклады Дмитрия Михайловича посвящены изучению различных глагольных категорий, среди которых выделяется актуальность с широким теоретическим охватом проблем видовых значений, способа действия, семантики глагольных основ. Названные глагольные категории изучаются как в ряде конкретных современных тюркских языков, так и в общем тюркском, а также ал-тайском и урало-алтайском плане. К последним и наиболее значительным статьям Дмитрия Михайловича по этой тематике относятся: «Некоторые рецессивные формы в карлукско-уйгурской временной парадигме (Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология / материалы конференции. – М.: Тезаурус, 2009), «Глагольные имена в ранней истории тюркских языков» (Вестник ВЭГУ;

Мир Востока. Ч.2. Уфа 2006), «Вы-

ражение эвиденциальности в тюркских языках» (Типология эвиденциальности. СПб 2004). С другой сто-

роны, Дмитрий Михайлович проследживает становление этих категорий в древнетюркском и древнеуйгурском языках. Этому кругу вопросов посвящен, в частности, доклад «О реконструкции путей становления видо-временных категорий тюркского глагола» (Дмитриевские чтения в ИСАА при МГУ, 2003).

Теория грамматики тюркских языков, а также общая грамматическая теория, в которой воплощаются принципы функциональной лингвистики, являются важной областью научных интересов Дмитрия Михайловича. В этом отношении из статей и докладов последних лет можно упомянуть: «Таксис в тюркских языках» (Типология таксисных конструкций. – М.: Знак, 2009, соавторы: Невская И.А., Исакова Х.Ф.), «Лингвистическая мысль» (Очерки истории исламской цивилизации. Т.1. – М.: РОССПЭН, 2008, соавторы: Добродомов И.Г., Чайковская А.И.), «Некоторые грамматические формы в рунических памятниках» (Международная конферен-

ция «Рунические надписи Алтая и проблемы рунологии», Горно-Алтайск, 20–24 мая 2009 г.), «Проблемы современной тюркологии» (Дешти-Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов, ИСАА МГУ, М., 2003), «Уступительные конструкции в тюркских языках» (Типология уступительных конструкций, СПб 2004), «К статусу «всеобщего формоизменения» в исторической грамматике» (Конференция по языкам Евразии, Уфа 2003). При разработке данной тематики Дмитрий Михайлович стремится изучать и пропагандировать идеи видных отечественных тюркологов XX века, о чем говорят, например, такие статьи и доклады как «Г.П.Мельников и проблемы тюркологии» (Межвузовская научная конференция «Язык как целостность. Системная лингвистика Г.П.Мельников и её современное развитие», 20–21 января 2009 г., соавтор: В.Г.Гузев), «Выдающийся ученый-тюрколог. Памяти Э.Р.Тенишева» (Э.Р.Тенишев. Избранные труды. Кн. 1. Уфа 2006), ««Значение» и «функция» в функциональной грамматике А.В.Бондарко» (Исследования по языкознанию, М., 2001), «Языковой строй» в трудах Е.Д.Поливанова» (Е.Д.Поливанов и его идеи в современном освещении, М., 2001), «Исследование тюркской языковой общности и процессов ее членения в свете идей Н.С.Трубецкого» (Вавилонская башня. Слово. Текст. Культура. М., 2002).

Еще одной значительной областью научной работы Дмитрия Михайловича являются древнетюркские языки и проблема реконструкции праязыка. Вышел написанный Д.М.Насиловым раздел «К реконструкции деривационных категорий глагола» объемом 3,5 п.л. в академическом издании «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюрк-

ский язык-основа», М., 2006. В этом отношении показателен также написанный Дмитрием Михайловичем раздел по реконструкции уйгуро-карлукского группового состояния в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков (групповая реконструкция)» (ИЯ РАН, М., 2002). К данной сфере относятся, в частности, такие статьи и доклады, как «Кыпчаки в «Диване» Махмуда Кашгарского» (Тюркологический сборник. 2007–2008. – М.: Вост. литература, 2009), «Диван Махмуда Кашгарского и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (Аспекты алтайского языкознания, Материалы Тенишевских чтений – 2007, РАН Институт языкознания, Сов. писатель. – М., 2007), «Этноязыковая ситуация в Центральной Азии X–XI вв. по «Словарю Махмуда Кашгарского»» (8 Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. – Оренбург: ОГАУ, 2009). Дмитрий Михайлович был официальным рецензентом ряда томов и автором части статей «Этимологического словаря тюркских языков» (ИЯ РАН, М., 2000–2003) и рецензентом тома «Лексикология» Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (ИЯ РАН, М., 2001).

Одной из важных работ последнего времени, которая велась Дмитрием Михайловичем совместно с Г.Ф.Благовой, явилась подготовка к изданию научного наследия крупнейшего отечественного тюрколога академика А.Н.Самойловича. Фундаментальный том (объемом более 80 л.) избранных трудов этого ученого «Тюркское языкознание. Филология. Руника» был издан в 2005 г. Дмитрий Михайлович был ответственным редактором книги: «А.Н.Самойлович: Научная переписка. Биография» (Сост.,

автор Г.Ф.Благова. – М.: Вост. литература, 2008. – 590 с).

Весьма значимой является научная деятельность Дмитрия Михайловича в области тюркологической социолингвистики. Он принимал активное участие в подготовке трудов: 1) «Государственные языки в Российской Федерации», «Государственные и титульные языки России» (М., 1995 и 2002), где им написаны словарные статьи по языкам нагайбаков, телеутов, тувинцев-тоджинцев, челканцев, по чулымскому и шорскому языкам, а также 2) «Языки народов России, Красная книга» (М., 2002), словарные статьи по алтайскому, тувинскому, хакасскому языкам. Дмитрий Михайлович часто приглашается в Думу в качестве консультанта по вопросам языковой политики в отношении малых народов Российской Федерации.

К данному кругу деятельности Дмитрия Михайловича относится также разработка вопросов преподавания как национальных языков, так и русского языка в национальных школах, проблем создания национального учебника, контрастных и сопоставительных грамматик. В 2009 и 2010 годах вышли его учебники узбекского и азербайджанского языков, которые активно используются в преподавании этих языков на кафедре тюркской филологии ИСАА МГУ.

Об этой сфере деятельности свидетельствует такая важная работа, как «Филологическое образование на начальном этапе обучения в двуязычной образовательной среде» (Монография – М.: ИНПО, 2009. – 376 с., соавторы: Андреева И.В., Тудвасева З.К., Бичелдей К.Н., П.П.Дамбуева и др.), а также его участие в конференциях «Учебники 21 века» (СПб 2002 г.) и «Русистика на пороге 21 в.» (М., МГЛУ 2002 г.) с докладами по темам соответственно «Национальный

учебник сегодняшнего дня» и «Русский язык в среде малочисленных народов России».

На кафедре тюркской филологии ИСАА МГУ Д.М.Насилов читает лекции по введению в тюркологию, функциональной и сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, ведет спецкурсы и спецсеминары по руническим и уйгурским памятникам, по различным проблемам тюркской социолингвистики. Кроме того, Дмитрий Михайлович ведет теоретические и практические занятия по узбекскому и азербайджанскому языкам. Он руководит значительным числом курсовых и дипломных работ, активно готовит магистров и аспирантов.

Д.М.Насилов занимает видное место в деле организации тюркологической жизни в нашей стране. Он является зам. председателя Российского комитета тюркологов при Историко-филологическом отделении РАН, редактором журнала «Российская тюркология» (Москва-Казань) и периодического сборника «Вопросы тюркской филологии» (ИСАА МГУ). Он выступал со статьями и докладами: «Российская тюркология наших дней» (Российская тюркология. М.-Казань, 2009, №1), «Важнейшие задачи российской тюркологии» (Международная конференция «Новые исследования в международном изучении турецкого языка», Анкара, 26–27 сентября 2009 г.), «Современная тюркология в России» (38 Международный конгресс востоковедов ИКА-НАС, 10–15 сентября 2007, Анкара).

Благодаря активной научной и общественной деятельности Дмитрия Михайловича обеспечиваются связи кафедры с научными и учебными тюркологическими центрами нашей страны и за ее рубежами. Весьма важна также деятельность Дмитрия Михайловича по оппонированию при защитах кандидат-

ских и докторских диссертаций, а также рецензированию научных работ. Эту его деятельность отличает неизменно высокий профессиональный уровень и должная принципиальность оценок.

Десятки студентов, аспирантов, соискателей научных степеней, которых Дмитрий Михайлович поддержал в творческих исканиях, открыв им путь в науку, хранят благодарность как за прошлое научное общение, так и за продолжение этого общения в настоящем, поскольку Дмитрий Михайлович продолжает быть отзывчивым наставником в их дальнейшей работе. Нити научной поддержки, сопричастия к современным проблемам тюркологии, чисто человеческой притягательности тянутся к Дмитрию Михайловичу из Петербурга, Казани, Новосибирска, Якутии, Алтая, Узбекистана, Туркменистана – отовсюду, от тех, кому он помогал, передавая свои знания и душевную щедрость. Д.М.Насилов выступает с лекциями в тюркологических центрах ближнего зарубежья. Так, в

ноябре–декабре 2007 г. он выезжал в Казахский национальный университет им. аль-Фараби с курсом лекций по теории языкознания.

Коллеги Дмитрия Михайловича по кафедре тюркской филологии гордятся тем, что работают рядом с одним из ведущих тюркологов нашей страны, продолжателем тюркологической династии, прекрасным человеком, чья интеллигентность, доброта и отзывчивость снискали любовь всех членов кафедры.

Доброта Дмитрия Михайловича его радушие, смешливость во многом скрепляют коллектив кафедры, делая ее семьей с ее радостями и заботами, всегда неравнодушным друг к другу.

Трудно поверить, что Дмитрий Михайлович отмечает такую возрастную дату. Пожелаем дорогому Дмитрию Михайловичу долго оставаться таким же деятельным, молодым, бодрым, а его замечательной семье – благополучия, радости и осуществления всех надежд.

ФАРИД САБИРЗЯНОВИЧ ХАКИМЗЯНОВ

(к 65-летию со дня рождения)

В этом году исполняется 65 лет докт.филол.наук, профессору Фари-ду Сабирзяновичу Хакимзянову, который родился в г.Казани, в Старотатарской слободе. После окончания 11 классов средней школы №80 им.Ш.Камала, хотя ему и прочили путь в большой спорт, поступил в отделение татарского языка и литературы истфилфака Казанского гос. университета им. В.И.Ульянова-Ленина. Возможно то, что за время обучения в учиверситете успел прослужить 3 года в Советской

Армии на территории Венгрии. Знакомство с разговорным венгерским языком дало ему возможность под руководством проф. Д.Г.Тумашевой написать дипломную работу о типологических сходствах татарского и венгерского языков. Затем эту работу он представил в качестве реферата при поступлении в аспирантуру Института языкознания АН СССР.

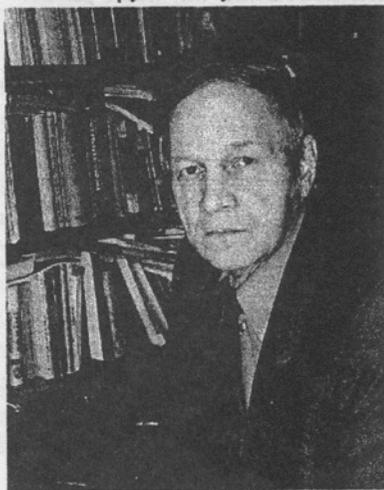
Таким образом, путь в большую науку Ф.С.Хакимзянов начал в 1971 г.

после окончания историко-филологического факультета Казанского гос. университета. Поступив в аспирантуру Ин-та языкознания АН СССР, молодой специалист в отделе тюркского языкознания начал вникать азы тюркологии под руководством крупного тюрколога, ученого с энциклопедическими знаниями Эдхема Рахимовича Тенишева язык надмогильных плит волжских болгар XIII–XIV вв. Исколесив в течении двух лет Закамские районы Татарстана, ему удалось увеличить количество найденных памятников до нескольких сот, а это в свою очередь дало ему возможность расширить исследовательскую языковую базу надгробных текстов.

После блестящей защиты диссертации молодой ученый вернулся в родную Казань, где его ждала должность научного сотрудника сектора языка в Институте языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова КФАН СССР. В эти годы и в течение всей последующей жизни он вел начатые исследования памятников болгарской седой старины. Выход в 1978 г. в издательстве «Наука» в Москве уникальной монографии «Язык эпитафий волжских болгар» позволил молодому ученому занять достойное место в ряду ведущих ученых страны. В 1987 г. в том же издательстве вышла и вторая его монография «Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык», где уже ставился вопрос о языковой ситуации в средневековой Волжской Булгарии, а затем увидел свет совместный труд с Д.Мухаметшиным «Эпиграфические памятники г.Булгара».

Отличительным в изучении среднетюркских надписей явилось чтение ученым сохранившихся текстов, именно чтение, а не просто транскрибирование. А это помогло снять ряд вопросов этношнетического порядка.

Профессор Ф.С.Хакимянов является крупным ученым-специалистом

в области изучения истории тюркских языков. Известным тюркологом,

единственным специалистом-эпиграфистом по волжско-булгарским письменам. Ему принадлежит раскрытие структурно-функциональной и генетической связи письменного языка и звукового языка волжских болгар, объяснение оформления текстов надмогильных текстов различного типа языками, раскрытие свойств системы письма и дешифровка средневековых эпиграфических памятников. Он внес весомый вклад в исследование истории и этногенеза племен Волжско-Камской Булгарии.

Перу Фариды Хакимянова, видного языковеда широкого профиля, принадлежат академические работы в крупных изданиях «Языки мира: Тюркские языки» (Москва, 19097; Бишкек, 1997), «Большой энциклопедический словарь: Языкознание» (Москва, 1998), подготовленных и изданных Институтом языкознания РАН, в словаре грамматических терминов тюркского мира, под ред. Э. Гюрсой-Наскалы, изданную в Анкаре (Турция).

Ф.С.Хакимянов не замыкается в своих рамках, он делится знаниями, принимал активное участие в работах Всесоюзных тюркологических конференций (Ташкент, 1980; Ашхабад.

1984; Фрунзе, 1988), выступает на международных тюркологических конференциях и конгрессах (Будапешт, 1989; Казань, 1992; Стамбул, 1989; 1994; Анкара 1993; 1994; 1998 и т.д.; Афйон 2009; Эскишехир 2009), на Международном симпозиуме, посвященном А.Ясеви (Турция – Кайсери, 1993; Северный Кипр, 1993; 2008). на I Международном историческом симпозиуме (Турция – Элазик, 1993), на съездах по турецкому языку (Анкара, 1993, 2009), на Международном румыно-тюркском симпозиуме «Связь культур» (Румыния – Константа, 1993), на I и II Международном симпозиумах по культуре и туризму (Турция – Изник, 1994; 1995) и т.д. Он первым из татарских ученых выступил с научным докладом о прошлом и будущем татарского языка на XIV Международной ярмарке «Языки мира, культура и туризм» (Франция – Париж, 1996) и многих других.

Особо следует выделить период жизни ученого, связанного с вузами, с преподавательской деятельностью. В 1992 г., после защиты докторской диссертации, Ф.С.Хакимзянов был приглашен правительством Турецкой Республики на работу в Анкарский университет.

Годы работы за границей помогли профессору Фариду Хакимзянову вникнуть в особенности преподавания одного языка лицам, не владеющим этим языком, написать ряд учебных пособий и словарей для иностранных студентов-филологов. Так, например, на турецком языке были изданы пособия «Татарская грамматика», «Композиция татарского языка», «Турецко-татарско-русский разговорник». Его научные идеи, изложенные в более чем в 250 научных статьях и 15 монографиях, получили заслуженную высокую оценку в отзывах, рецензиях и трудах крупных отечественных и зарубежных ученых-тюркологов и вос-

токоведов. Кстати, за достигнутые научные достижения ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Русской Республики Татарстан».

В 1996 г. профессору Ф.С.Хакимзянову предложили возглавить кафедру языкознания во вновь образованном Татарском гос. гуманитарном институте и он возвратился в родную Казань.

Его незаурядный организаторский талант, глубокие знания, энергия и инициатива, трудолюбие ярко проявились и здесь, в ТГГИ. Он активно участвует в составлении учебных программ и методических пособий, руководит курсовыми и дипломными работами. Практика полученная в преподавании всех языковых дисциплин татарского языка. литературы с элементами культуры и истории за рубежом помогла ему организовать работу кафедры (а здесь кроме татарского языка, вел преподавание русского, турецкого, арабского, персидского языков). За короткий период на высоком научно-методическом уровне были разработаны лекционные курсы на татарском и русском языках «Введение в языкознание», «Общее языкознание». «История татарского языка», «Графика на латинской основе» и др. Его учебник по фонетике современного татарского языка (Казань, 2000; 2001, 2005) стал основным учебным пособием на филологических факультетах в ряде российских вузов. Таким образом ученый стал уделять больше внимания подготовке практических трудов, росту квалификации молодых преподавателей.

Фундаментальная научная подготовка и широта научных интересов позволяла ему сказать решающее слово в различных областях гуманитарной науки. Руководство института поручило ему по совместительству возгла-

вить издательство «Gumaritarua», назначило Главным редактором «Ученых записок Татарского государственного гуманитарного института», является членом редколлегии научного журнала Института истории Академии наук РТ «Татарика», и ряда интернет изданий, главным редактором научного журнала «Национальная культура», ежегодника «Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем)», научным редактором многочисленных монографий и сборников статей. После избрания его руководителем Татарского тюркологического центра гораздо больше стало и организационных (например, под эгидой центра в Казани ежегодно проводятся «Тенишевские чтения»), и издательских забот.

Сделано многое, но останавливаться на достигнутом не в характере Фариды Сабирзяновича. Научная программа проф. Ф.С.Хакимзянова на ближайшие годы охватывает весьма

актуальные и перспективные проблемы. Совсем недавно вышли в свет «Русско-татарский словарь нефтепромышленных терминов» (подготовлен под его руководством), I том «Татарско-русского толкового словаря омонимов», книга «Хэзерге татар теле: Пунктуация» (в соавторстве с доц. КГУ М.М.Шакуровой), где поставлен вопрос о необходимости унификации пунктуационных правил татарского языка, исходя из значения самого знака; им подготовлены впервые «Словарь устойчивых сравнений татарского языка» и «Словарь сравнений татарского языка» и т.д.

Научно-педагогическую работу Ф.С.Хакимзянов успешно сочетает с общественной. Он является членом двух спец. советов по защите докторских диссертаций Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, Тобольской гос. соц.-педагогической академии, с 80-х годов членом Российского (Советского) комитета тюркологов, членом Российской ассоциации востоковедов.

Сунгатов Г.Ш.

Российская тюркология

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

БЮРО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

17 февраля 2010 г.
№ 22

Москва

О Российском комитете тюркологов

Бюро Отделения историко-филологических наук РАН
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Утвердить состав Российского комитета тюркологов (приложение).

Академик-секретарь
Отделения историко-филологических
наук РАН
академик

А.П. Деревянко

Начальник Отдела – зам. академика-
секретаря
Отделения историко-филологических
наук РАН
по научно-организационной работе
кандидат исторических наук

А.Е. Петров

Приложение
к постановлению
Бюро Отделения историко-филологических наук РАН
от 17 февраля 2010 г. № 22

С о с т а в
Российского комитета тюркологов

Бюро

Кормушин И.В.	- д.ф.н., Институт языкознания РАН, председатель
Дыбо А.В.	- член-корр. РАН, Институт языкознания РАН, заместитель председателя
Насилов Д.М.	- д.ф.н., Институт стран Азии и Африки при МГУ, заместитель председателя
Кляшторный С.Г.	- к.и.н., С.-Петербургское отделение Ин-та востоковедения РАН, заместитель председателя
Экба З.Н.	- к.ф.н., Институт языкознания РАН, ученый секретарь
Васильев Д.Д.	- к.и.н., Институт востоковедения РАН
Хузангай А.П.	- к.ф.н., Чувашский институт гуманитарных наук
Широбокова Н.Н.	- д.ф.н., Институт филологии СО РАН

Члены Комитета

Алексеев Н.А.	- д.ф.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Алишина Х.Ч.	- д.ф.н., Тюменский госуниверситет
Артемьев Н.М.	- д.ф.н., Санкт-Петербургский госпедуниверситет
Бавуу-Сюрюн М.В.	- к.ф.н., Тывинский госуниверситет
Батчаев А.-М.Х.	- к.ф.н., Карачаево-Черкесский госуниверситет им. У.Д.Алиева
Бичелдей К.А.	- д.ф.н., Тывинский институт гуманитарных исследований
Благова Г.Ф.	- д.ф.н., Институт языкознания РАН
Боргоякова Т.Г.	- д.ф.н., Хакасский госуниверситет им. Н.Ф.Катанова
Габышева Л.Л.	- д.ф.н., Якутский госуниверситет
Гаджихмедов Н.Х.	- д.ф.н., Дагестанский госуниверситет
Галяутдинов И.Г.	- д.ф.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра УО РАН
Ганиев Ф.А.	- д.ф.н., Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан
Гарипов Т.М.	- д.ф.н., Уфимский госпедуниверситет
Грунина Э.А.	- д.ф.н., Институт стран Азии и Африки при МГУ

- Гузов В.Г. - д.ф.н., Санкт-Петербургский университет
Добродомов И.Г. - д.ф.н., Московский госпедуниверситет
Егоров Н.И. - д.ф.н., Чувашский институт гуманитарных наук
Зайнуллин М.В. - д.ф.н., Башкирский госуниверситет
Закиев М.З. - д.ф.н., Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан
- Кызласов И.Л. - д.и.н., Институт археологии РАН
Меликов Т.Д. - д.ф.н., Московский гос. лингвистический университет
- Минуллин К.М. - д.ф.н., Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан
- Мусаев К.М. - д.ф.н., Институт языкознания РАН
Невская И.А. - д.ф.н., Институт филологии СО РАН / Университет г. Франкфурта, Германия
- Нуриева Ф.Ш. - д.ф.н., Казанский госуниверситет
Рассадин В.И. - д.ф.н., Калмыцкий госуниверситет
Рыкин П.О. - к.и.н., Институт лингвистических исследований РАН
Сарбашева С.Б. - к.ф.н., Горно-Алтайский госуниверситет
Селютина И.А. - д.ф.н., Институт филологии СО РАН
Сергеев В.И. - д.ф.н., Чувашский госуниверситет
Слепцов П.А. - д.ф.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
- Стеблева И.В. - д.ф.н., Институт востоковедения РАН
Тугужекова В.Н. - д.и.н., Хакасский НИИ языка, литературы и истории
- Тыбыкова А.Т. - д.ф.н., Горно-Алтайский госуниверситет
Улаков М.З. - д.ф.н., Кабардино-Балкарский НИИ языка, литературы и истории
- Усманов М.А. - д.ф.н., Казанский госуниверситет
Утургаури С.Н. - д.ф.н., Институт востоковедения РАН
Функ Д.А. - д.и.н., Институт этнологии РАН
Хаджиева Т.М. - к.ф.н., Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН
- Хакимзянов Ф.С. - д.ф.н., Татарский гос. гуманитарно-педагогический университет
- Хисамитдинова Ф. - д.ф.н., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра УО РАН
- Чебодаева Л.И. - к.ф.н., Хакасский госуниверситет им. Н.Ф.Катанова
- Чеченов А.А. - д.ф.н., Институт языкознания РАН
Шенцова И.В. - д.ф.н., Кузбасская госпедакадемия
Щека Ю.В. - д.ф.н., Институт стран Азии и Африки при МГУ

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ , ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«РОССИЙСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 2009–2010 ГГ. (№№1–3)

	№	стр.
<i>Кормушин И.В.</i> (Москва). О текущей деятельности и задачах Российского комитета тюркологов	3	3–8
<i>Насилов Д.М.</i> (Москва). Российская тюркология наших дней	1	3–7
Постановление Бюро Отделения историко-филологических наук РАН о Российском комитете тюркологов	3	131–133
Указатель статей , опубликованных в журнале «российская тюркология» в 2009–2010 гг. (№№1–3)	3	134–138
Правила для авторов	3	139–142
Как оформить подписку на журнал	3	143–146

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Бичелдей К.А.</i> (Кызыл). 80 лет тувинской письменности: становление, развитие, перспективы	3	9–17
<i>Ганиев Ф.А.</i> (Казань). Еще раз об интерфиксах в тюркских языках	3	31–35
<i>Дыбо А.В.</i> (Москва). Заимствования в словаре Махмуда Кашгарского из языков Синьцзяна	1	15–21
<i>Есипова А.В.</i> (Новокузнецк). О формировании словообразовательного значения (на материале тюркских языков)	3	36–44
<i>Закиров Р.А.</i> (Наб.Челны). Функции инструментального падежа в древнеуйгурском литературном языке	3	28–30
<i>Кормушин И.В.</i> (Москва). К проблеме историко-лингвистического контекста труда Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк»	1	8–14
<i>Кормушин И.В.</i> (Москва). Об одной поправке в тексте рунической надписи с Алтын-Кёля, Хакасия (Е-29)	2	3–8
<i>Насилов Д.М.</i> (Москва). Об особенностях карлукско-уйгурской языковой общности	2	9–12
<i>Насилов Д.М.</i> (Москва). К историко-лингвистической интерпретации древнетюркских текстов	3	3–9
<i>Насилов Д.М.</i> (Москва). К историко-лингвистической интерпретации древнетюркских текстов	2	17–23
<i>Невская И.А.</i> (Новосибирск; Берлин). Уступительные и противительные конструкции в тюркских языках Сибири	3	18–23
<i>Омакаева Э.У.</i> (Элиста), <i>Бурыкин А.А.</i> (Санкт-Петербург). Заметки к этимологии названий металлов в алтайских языках.....	2	13–16
<i>Рассадин В.И.</i> (Элиста). Семантический метод исследования лексики алтайских языков	3	24–27
<i>Селютина И.Я.</i> (Новосибирск). Фарингалтзация в тюркских языках Южной Сибири как отражение языковых контактов	1	22–33

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

<i>Благова Г.Ф.</i> (Москва). Новая тюркология и новое учение о языке: А.Н.Самойлович и Н.Я.Марр (К 70-летию со дня гибели А.Н.Самойловича)	2	24–34
<i>Гузев В.Г.</i> (Санкт-Петербург), <i>Насилов Д.М.</i> (Москва), <i>Г.П.Мельников</i> и тюркология	2	35–44
Решетов А.М. (Санкт-Петербург). Эдгем Рахимович Еенишев как этнограф	2	45–53

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Бурыкин А.А.</i> (Санкт-Петербург). Общеалтайская реконструкция и перспективы изучения тюрко-монгольских параллелей	1	34–42
--	---	-------

ОНОМАСТИКА

<i>Базаяев А.С., Мусукаев Б.Х.</i> (Нальчик). Семантический ряд топонимов Балкарии	2	67–69
<i>Молчанова О.Т.</i> (Ярославль)	1	43–48
<i>Н.Ж.Мынбаев</i> (Шымкент, Казахстан). К вопросу возникновения миграционных в русской и тюркской топонимической системах	3	67–72

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Напольнова Е.М.</i> (Стамбул, Турция). «Душа» в русском и турецком языках	1	49–55
<i>Е.М.Напольнова</i> (Стамбул, Турция). Языковая модель	3	73–80

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Бурыкин А.А.</i> (Санкт-Петербург). К типологии изображения иного мира в эпосе и волшебных сказках (турецкая сказка «Дильфирип ханым»).....	3	49–54
<i>Исламов Р.Ф.</i> (Казань). “Келла-наме” – перевод “Джумджума-наме” ‘Аттара	3	45–48
<i>Ларионова Е.</i> (Москва). Фольклорные элементы в современном турецком кинематографе	1 2	56–65 54–63
<i>Репенкова М.М.</i> (Москва).. Рохан Памук и его роман «Снег»	3	63–66
<i>Сулейманова А.С.</i> (Санкт-Петербург). Предпосылки формирования образа постмодернистского героя в турецкой литературе XX века	3	55–64
<i>Яковлев В.М.</i> (Москва). К локализации истоков знакомого сюжета ...	2	64–66
<i>Яхин Ф.З.</i> (Казань). Эволюция понятия о душе человека в татарской литературе	2	64–66

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Кожанулы Манасбай</i> (Астана, Казахстан). О некоторых этнозоонимах в составе этнонимов казахов (по материалам этнонимов Младшего жуза)	2	76–79
<i>Мусуков Б.А.</i> (Нальчик). Цветовые компоненты в составе свободных и лексикализованных словосочетаний в тюркских языках	3	81–83

<i>Ниязова Г.Н.</i> (Тюмень). Лексика жилищно-хозяйственного комплекса в диалектах сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах)	2	70–75
<i>Рафиев А.Р.</i> (Ташкент, Узбекистан). Об истории образования литературной нормы в лексике узбекского языка	3	84–86
<i>Хакимзянов Ф.С.</i> (Казань). Изучение омонимии в татарском языкознании	1	75–83
<i>Хакимзянов Ф.С.</i> (Казань). О словаре устойчивых сравнений татарского языка	2	80–82
<i>Чайковская А.И.</i> (Таллинн). Подход к описанию турецкого словопроизводства	1	66–74

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Годичное собрание Российского комитета	3	87–97
<i>Тыбыкова Л.Н.</i> (Горно-Алтайск), <i>Невская И.А.</i> (Берлин). Проект «Документация, каталогизация, дешифровка и публикация древнетюркских рунических письменных памятников Республики Алтай (Российская Федерация)»	1	84–87
<i>Харунова М.М.-Б.</i> «Россия и Тува на рубеже веков – общество, власть, политика»	2	83

ХРОНИКА

<i>Ай Озгур</i> (Афйонкарахисар, Турция). I Международная конференция «Старотюркский – от Дальней до Передней Азии»	2	86–87
<i>Ахунов А.М.</i> (Казань). «Наследие Дэрдменда и современность». Конференция, посв. 150-летию татарского поэта Дэрдменда	2	94–96
<i>Балчы Айше</i> (Анкара), <i>Боз Эрдоган</i> (Эскишехир, Турция). Международный научный симпозиум по татарскому языку	2	84–85
<i>Благова Г.Ф., Щека Ю.В.</i> (Москва). Дмитриевские чтения-2008	1	90–94
<i>Гусейнова А.И.</i> (Баку). Международная научная конференция в Азербайджане	3	109–111
<i>Кадирова Э.Х.</i> (Казань). Конференция MegaLing -2008	1	88–89
<i>Кульганек</i> (Санкт-Петербург). «Россия–Монголия: историко-культурное взаимодействие в прошлом и настоящем (к 70-летию событий на Халхин-голе)»	2	88–91
<i>Латфуллина Л.Г.</i> (Москва). Проблемы филологии народов Поволжья	3	104–108
<i>Мижит Л.С.</i> (Кызыл). Международный форум ученых к 80-летию тувинской письменности	3	100–103
<i>Ниязова Г.Н.</i> (Тюмень). Тумашевские чтения-2009	2	92–93
<i>Ниязова Г.Н.</i> (Тюмень). Тумашевские чтения-2009	1	95–96
<i>Салимова Д.А.</i> (Елабуга). Юбилейная филологическая конференция		
<i>Сибгатуллина А.Т.</i> (Москва). Международный симпозиум по изучению орхонских памятников	3	98–99

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

- Акын Л.* (Стамбул, Турция). Li Yong-Song, Lee Ho-young, Choi Hyong-won, Kim Geon Sook, Lee Dong Eun, Mehmet Ölmez. *A Study of The Middle Chulym Dialect of The Chulym Language. Altaic Languages Series. 3.* Seoul National University Press, S., Korea 2008, 260 s. 2 97–98
- Гусейнова А.И.* (Баку, Азербайджан). А.Гаджиев. Коран в русской литературею – Баку, 2009. – 285 с. 2 104–105
- Диалекты тюркских языков: очерки / Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – 533 с. (Основы тюркского языкознания: осн. в 2010 г.)* 3 112
- Еникеев И.А.* (Казань). М.И.Ахметзянов. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа. – Казань: Таткнигоиздат, 2009. – 351 с. 2 99–100
- Исмайлова Л.Г., Насилов Д.М.* Учебник азербайджанского языка для стран СНГ/ отв. ред. М.С.Мейер; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Вост. лит., 2009. – 261 с. 3 119
- Кадирова Э.Х.* (Казань). Татар халык сөйләшләре/Татарские народные говоры: 2 китапта/Ф.С.Баязитова, Д.Б.Рамазанова, Т.Х.Хәйретдинова һ.б. 1 100–101
- Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3-х томах. – Т.1 – / Пер. с араб. А.Р.Рустамова под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В.Кормушина, Н.А.Поцелуевского, А.Р.Рустамова; Ин-т востоковедения РАН: Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – 461 с. (Памятники письменности Востока. СХХVIII) 3 112
- Мудрак О.А.* Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике / Под ред. И.С.Смирнова. (*Orientalia et Classica: Труды Ин-та восточных культур и античности; вып. XXIII.*) – М.: РГГУ, 2009. – 187 с. 3 113
- Насилов Д.М.* Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология / Отв. ред. Насилов Д.М.; Ин-т языкознания РАН. – М.: Наука, 2008. – 342 с. 3 114
- Сарбашева С.Б.* (Горно-Алтайск). А.Т.Тыбыкова, М.И.Черемисина, Л.Н.Тыбыкова. Осложненное предложение в алтайском языке. – Новосибирск: ИД “Сова”, 2008. – 196 с. 2 103
- Сутра Общины белого лотоса: тюркская версия / транскрипция, пер. с раннесредневекового тюркского яз., предисл., примеч., указатель слов Л.Ю.Тугушевой ; С.-Петербург. филиал Ин-та востоковедения РАН. – М. : Вост. лит., 2008. – 207 с. (Памятники письменности Востока, СХХVII)* 3 117
- Хакимзянов Ф.С.* (Казань). А.Г.Шайхулов, Л.У.Бикмаева, З.Р.Садыкова. татар теле диалектларының идеографик сүзлегенә материаллар [Материалы к идеографическому словарю татарского языка]. – Уфа: Изд-во РИО БашГУ, 2005.– Т.1, ч.1 – 512 с.; Т.1., ч.2 – 506 с. 1 97–98
- Хакимзянов Ф.С.* (Казань). Ишмөхәмәт Ғәләүетдинов. Башкорт әзәби теле тарихы: XIX быуат– XX быуат башы.– Өфө: Китап, 2008. – 272 б.; И. Ғәләүетдинов. Башкорт әзәби теле һәм шәркият мәсьәләләре. Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения. – Өфө: Ғилем, 2008. – 408 б. 1 99–100

<i>Хакимянов Ф.С.</i> (Казань). Э.Ф.Жаббарова. Гомәр Толымбай прозасының теле һәм стиле/фәнни мөх. Шарыпова Н.Х. [Язык и стиль прозы Г.Тулумбайского]. – Казан: ҚДМСУ мәғл.-нәшр.үзәге, 2009. – 152 с.	2	101–103
<i>Хакимянова Д.Ф.</i> (Казань). Рүзәл Юсупов. Тәржемә һәм сөйләм культурасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. – 240 б.	1	101–103
<i>Хакимянов Ф.С.</i> Юсупов Р.А. Теория и практика перевода. – Казань: ТГГПУ, 2010. – 366 с.	3	115–116
<i>Хакимянов Ф.С.</i> Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г. Описание восточных Рукописей Института истории, языка и литературы. – Ч.1. – Тюркские рукописи.– Уфа: АН РБ, Гилем 2009. – 456 с.	3	118
Язык поэзии Г.Тукая. Интернет-словарь.	2	106
<i>Hatice Şirin Uzer.</i> Köktürk ötüken Uygur kağanlığı yazıtları. Söz varlığı incelemesi.– Könya: Kömen yayınları, 32. Türk Dili Dizisi 1, 2009. – 550 s.	3	118

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Грунина Э.А.</i> (Москва). Гарипов Талмас Магсумович	1	104–105
<i>Грунина Э.А., Щека Ю.В.</i> (Москва). Дмитрий Михайлович Насилов ...	3	124–127
<i>Кара-оол Д.С.</i> (Кызыл). Кормушин Игорь Валентинович	1	105–107
<i>Кормушин И.В.</i> (Москва). Дыбо Анна Владимировна	1	108–111
<i>Р.и.</i> Рассадин Валентин Иванович	2	113–114
<i>Р.и.</i> Егоров Николай Иванович	1	108
<i>Сунгатов Г.Ш.</i> Хакимянов Фарид Сабирзянович	3	127–130
<i>Сурээдар Н.Ч.</i> (Кызыл). Татаринцев Борис Иванович	2	107–113
<i>Сурээдар Н.Ч.</i> (Кызыл). Бичелдей Кадыр-оол Алексеевич	2	114–120
Фуат Ашрафович Ганиев	3	120–123

НЕКРОЛОГИ

Арпад Берта	1	119–122
Левитская Лия Сергеевна	2	123–124
Покровская Людмила Александровна	2	121–122
Хаков Вахит Хозятович	1	116–119
Щербак Александр Михайлович	1	112–116

НАШИ АВТОРЫ

Бичелдей Кадыр-оол Алексеевич, докт. филол. наук, проф., Тувинский институт гуманитарных исследований (г. Кызыл).

E-mail: igi@tuva.ru

Насилов Дмитрий Михайлович, докт. филол. наук, проф., Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: nadi1803@mail.ru

Рассадин Валентин Иванович, докт. филол. наук., проф., чл.-корр. РАЕН, зав. лаб., Калмыцкий гос. университет (г. Элиста).

E-mail: rassadin17@mail.ru

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт языкознания РАН (г. Москва), председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН.

E-mail: igorkormushin@yandex.ru

Закиров Р. А., канд. филол. наук, доцент, Набережночелнинский гос. педагогический институт (г. Набережные Челны).

E-mail: ngpi@nm.ru

Ганиев Фуат Ашрафович, докт. филол. наук, проф., чл.-корр. АН ТР, Институт языка, литературы и искусств АН РТ (г. Казань).

E-mail: ganiev@hitv.ru

Есипова Алина Васильевна, канд. филол. наук, доцент, Кузбасская педагогическая академия (г. Новокузнецк). E-mail: kuzspa@yandex.ru

Ислямов Рамил Ф., докт. филол. наук, Казань.

Бурькин Алексей Алексеевич, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

E-mail: albury@mail.ru

Яковлев Виктор Михайлович, канд. философ. наук,

E-mail: vm.yakovlev1@gmail.com

Сулейманова Алия Сократовна, канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский гос. университет. E-mail: suleymanova2001@mail.ru

Рафиев А.Р., канд. филол. наук, доцент, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека.

Напольнова Елена Марковна, канд. филол. наук, доцент, Özyegin Üniversitesi: İstanbul.

Мусуков Борис Абдул-Керимович, канд. филол. наук, ст. научн. сотр., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (г. Нальчик).

Тел.: (866) 425169

Сибгатуллина А.Т. докт. истор. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт востоковедения РАН (г. Москва), E-mail: inf@ivran.ru

Хакимзянов Фарид Сабирзянович, докт. филол. наук, проф., Татарский гос. гуманитарно-педагогический университет (г. Казань).

E-mail: khakim@list.ru

Латфуллина Л.Г., канд. филол. наук, доцент, Московский гос. педагогический университет. E-mail: filfac@mpgu.edu

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться следующими правилами оформления статей, представляемых в редакцию. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Научный журнал «Российская тюркология» выходит 2 раза в год и публикует материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований по рубрикам:

- ✦ Структура и история языка
- ✦ Дискуссии и обсуждения
- ✦ Языковые связи
- ✦ Ономастика
- ✦ Культурология
- ✦ Литературоведение
- ✦ Фольклористика
- ✦ Сообщения и обзоры
- ✦ История науки, документы
- ✦ Рецензии и аннотации
- ✦ Научная жизнь
- ✦ Хроника
- ✦ Персоналии
- ✦ Некрологи.

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ✦ актуальности
- ✦ проблемности
- ✦ научной новизны
- ✦ доказательности
- ✦ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материала для публикации. Все статьи проходят рецензирование.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются авторам на доработку.

Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья не принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным вариантом статьи, а также с ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией исправленного варианта статьи.

Вопросы, связанные с размещением рекламных материалов, решаются в индивидуальном порядке.

Журнал не является гонорарным.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТАТЕЙ

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему на русском и английском языках и ключевые слова на двух языках (не более 8) – представляются в редакцию в 2-х экземплярах в распечатанном виде, подписанных автором (или авторами), а также в электронном варианте. Если статья отправлена по Интернету, вариант на электронном носителе не обязателен.

Нумерация страниц сквозная.

ТЕКСТ ДОЛЖЕН ОТВЕЧАТЬ СЛЕДУЮЩИМ ТРЕБОВАНИЯМ

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (12 пт), межстрочный интервал – одинарный, абзацный отступ – 0,75 см. Редактор – Word 97–2003. Текстовые файлы, созданные в другом редакторе (Word 2007–2008 и др.), должны быть сохранены в формате Word 97–2003 или RTF.

Примеры на национальных языках необходимо давать курсивом. При применении для подачи примеров другого оригинального шрифта этот шрифт должен быть прислан по Интернету.

Все примеры на национальных языках должны сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках ('...').

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру, на следующей строке идет фамилия автора (инициалы стоят впереди).

Специальные символы набираются шрифтом Symbol. При введении сложных или авторских символов текст статьи необходимо прислать дополнительно в формате PDF.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статей – 10–12 стр., сообщений, обзоров – 6–8 стр., хроники, научной жизни – до 2-х стр.

В конце статьи приводятся сведения об авторе (авторах).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Число рисунков не должно превышать 4.

Они должны быть выполнены на компьютере или черной тушью

на белой бумаге с обозначением всех необходимых букв и символов и обязательно упомянуты в тексте.

Размеры рисунков не должны превышать размеры текстового поля.

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме Вставка – Объект – Рисунок. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (разм. 9 пт.) и вставляются в режиме Вставка.

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи. На обороте каждого рисунка необходимо написать карандашом ФИО автора и № рисунка. Надписи не должны повреждать лицевую часть, при необходимости указать верх рисунка.

ТАБЛИЦЫ

Выполняются в режиме Таблица редактора WinWord с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Times New Roman размером 10,5 пт.

- Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, точка, тире, общее количество страниц.

- Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Примеры оформления.

Абдуллаев 1967 – *Абдуллаев Ф.А.* Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. – Ташкент, 1967.

Зуев 2001 – *Зуев Ю.А.* Кыпчакский Урбе-хан в эпосе и истории // Древнетюркская цивилизация: Памятники письменности. – Алматы, 2001.

Бирюкович 1975 – *Бирюкович Р.М.* О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология, 1975, № 6. – С. 55–67.

ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974.

СИТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и должности с указанием места работы. Указывается область научных интересов и число опубликованных работ (по желанию). Если статья является публикацией по подготавливаемой кандидатской или докторской диссертации, необходимо указать этот факт, назвать утвержденную тему диссертации, а также фамилию и ученое звание руководителя / консультанта.

Указывается контактный адрес (e-mail – индивидуальный или рабочий, возможно – телефон).

Статьи в журнал «Российская тюркология» можно представлять через региональных сотрудников журнала, членов редколлегии, а также направлять непосредственно в указанные электронные адреса:

1) Ответ. секретарю Редколлегии *Аникеевой Т.А.*; e-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

2) *Насилову Д.М.*; e-mail: nadi@mail.cnt.ru

3) *Хакимзянову Ф.С.*; e-mail: farid.khakim@gmail.com

4) Статьи по литературоведению, фольклору и культурологии *Огановой Е.А.*, e-mail: OVA8@yandex.ru

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала «Российская тюркология»/ «Russian Turcology» по СНГ:

— стоимость подписки на один год (= два номера) печатной версии журнала РТ — 500 руб.;

не в странах СНГ:

— стоимость подписки на один год (= два номера) печатной версии журнала РТ — 50 €.

Оплатить журнал «Российская тюркология» можно в:

— ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА

— ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки

• Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно скопировать из настоящего извещения или вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnalrostiturkologiya@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

• Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnalrostiturkologiya@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnalrostiturkologiya@mail.ru

В н и м а н и е !

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Price of the Journal «Russian Turcology»:

for CIS countries:

— price for a couple printed issue is 500 RUB.;

outside CIS countries:

— price for a couple printed issue is 50 €.

You can purchase RUSSIAN TURCOLOGY:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals

• Payment via bank transfer:

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can copy here below or cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

• PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Send us, please, an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
 Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФОНDBANK»
 (наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
 (ИНН получателя платежа)

№ _____
 р/с 40802810041000000004
 (номер счета получателя платежа)

в _____
 ОАО «АКВ «ТАТФОНDBANK», г. Москва
 (наименование банка и банковские реквизиты)
 к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:
 «Российская тюркология»
 (наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ИП Кормушин И.В.,
 Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФОНDBANK»
 (наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
 (ИНН получателя платежа)

№ _____
 р/с 40802810041000000004
 (номер счета получателя платежа)

в _____
 ОАО «АКВ «ТАТФОНDBANK», г. Москва
 (наименование банка и банковские реквизиты)
 к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:
 «Российская тюркология»
 (наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Российская тюркология»		
год\№	1	2
2010		

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№ _____
(номер лицевого счета (1

Журнал «Российская тюркология»		
год\№	1	2
2010		

СОДЕРЖАНИЕ

- Кормушин И.В.* (Москва). О текущей деятельности и задачах Российского комитета тюркологов 3

Структура и история языка

- К.А.Бичелдей* (Кызыл). 80 лет тувинской письменности: становление, Развитие, перспективы 9
- Д.М.Насилов* (Москва). К историко-лингвистической интерпретации древнетюркских текстов 18
- В.И.Рассадин* (Элиста). Семантический метод исследования лексики алтайских языков 24
- Р.А.Закиров* (Наб.Челны). Функции инструментального падежа в древнеуйгурском литературном языке 28
- Ф.А.Ганиев* (Казань). Еще раз об интерфиксах в тюркских языках 31
- А.В.Есипова* (Новокузнецк). О формировании словообразовательного значения (на материале тюркских языков) 36

Литературоведение и фольклористика

- Р.Ф.Исламов* (Казань). “Келла-нāме” – перевод “Джумджума-нāме” ‘Атгāра 45
- А.А.Бурькин* (Санкт-Петербург). К типологии изображения иного мира в эпосе и волшебных сказках (турецкая сказка «Дильфирип-ханым»)..... 49
- В.М.Яковлев* (Москва). К локализации истоков знакомого сюжета 55
- А.С.Сулейманова* (Санкт-Петербург). Предпосылки формирования образа постмодернистского героя в турецкой литературе XX века 63

Ономастика

- Н.Ж.Мынбаев* (Шымкент, Казахстан). К вопросу возникновения миграционных в русской и тюркской топонимической системах 67

Лингвокультурология

- Е.М.Напольнова* (Стамбул, Турция). Языковая модель мира 73

Сообщения и обзоры

- Б.А.Мусуков* (Нальчик). Цветовые компоненты в составе свободных

и лексикализованных словосочетаний в тюркских языках	81
<i>А.Р.Рафиев</i> (Ташкент, Узбекистан). Об истории образования литературной нормы в лексике узбекского языка	84

Научная жизнь

Годичное собрание Российского комитета тюркологов	87
---	----

Хроника

<i>А.Т.Сибгатуллина</i> (Москва). Международный симпозиум по изучению орхонских памятников	98
<i>Л.С.Мижит</i> (Кызыл). Международный форум ученых к 80-летию тувинской письменности	100
<i>Л.Г.Латфуллина</i> (Москва). Проблемы филологии народов Поволжья	104
<i>А.И.Гусейнова</i> (Баку). Международная научная конференция в Азербайджане	109

Рецензии и аннотации

Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3-х томах. – Т.1 – / Пер. с араб. А.Р.Рустамова под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В.Кормушина, Н.А.Поцелуевского, А.Р.Рустамова; Ин-т востоковедения РАН: Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – 461 с. (Памятники письменности Востока. СХХVIII.	112
Диалекты тюркских языков: очерки / Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – 533 с. (Основы тюркского языкознания: осн. в 2010 г.).	112
Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике / Под ред. И.С.Смирнова. (Orientalia et Classica: Труды Ин-та восточных культур и античности; вып. XXIII.). – М.: РГГУ, 2009. – 187 с.	113
<i>Насилов Д.М.</i> Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология / Отв. ред. Насилов Д.М.; Ин-т языкознания РАН. – М.: Наука, 2008. – 342 с.	114
<i>Хакимянов Ф.С.</i> Юсупов Р.А. Теория и практика перевода. – Казань: ТГГПУ, 2010. – 366 с.	115
Сутра Общины белого лотоса: тюркская версия / транскрипция, пер. с раннесредневекового тюркского яз., предисл., примеч., указатель слов Л.Ю.Тугушевой; С.-Петербург. филиал Ин-та востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 2008. – 207 с. (Памятники письменности Востока, СХХVII	117
<i>Natice Şirin Uzer.</i> Köktürk ötüken Uygur kağanlığı yazıtları. Söz varlığı incelemesi.– Könya: Kömen yayınları, 32. Türk Dili Dizisi 1, 2009. – 550 s.	118
<i>Хакимянов Ф.С.</i> Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г. Описание восточных Рукописей Института истории, языка и литературы. –Ч.1. – Тюркские рукописи.– Уфа: АН РБ, Гилем 2009. – 456 с.	118
<i>Исмайлова Л.Г., Насилов Д.М.</i> Учебник азербайджанского языка для стран СНГ/ отв. ред. М.С.Мейер; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Вост. лит., 2009. – 261 с.	119

Персоналии

Фуат Ашрафович Ганиев	120
Э.А.Грунина, Ю.В.Щека (Москва). Дмитрий Михайлович Насилов	124
Г.Ш.Сунгатов. Фарид Сабирзянович Хакимзянов	128

Постановление Бюро Отделения историко-филологических наук РАН о Российском комитете тюркологов	131
Указатель статей , опубликованных в журнале «российская тюркология» в 2009–2010 гг. (№№1–3)	134

Наши авторы

Правила для авторов	140
Как оформить подписку на журнал	143

CONTENTS

<i>I.V. Kormushin.</i> About current activity and tasks of the Russian committee of turkologists.....	3
--	---

Structure and history of Language

<i>K.A. Bicheldey</i> (Kyzyl). 80 years old Tuvinian writing system: formation, development, prospects	9
<i>D.M Nasilov.</i> (Moscow). To historical linguistic interpretation of Old Turkic texts	18
<i>V.I.(Rassadin Elista)</i> About semantic method of research of Altay languages	24
<i>R.A Zakirov.</i> (Nab.Celny). About functions of instrumental case in Old Uygur literary language	28
<i>F.A Ganiev.</i> (Kazan). To the question of interfixes in Turkic languages	30
<i>A.V Esipova.</i> (Novokuznetsk). About forming word-building meaning (on the material of Turkic languages)	36

Literary critics and folklore studies

<i>R.F Islamov.</i> (Kazan). “Kella-name” – translation of Attar’s “Jumjuma-name”	45
<i>A.A. Burykin</i> To the typology of the other world representation in epos and fairy-tales (Turkish fairy-tale “Dilfirip-hanym”)	49
<i>V.M. Yakovlev</i> (Moscow). To localization of sources of familiar plot	55
<i>A.S. Suleymanova</i> Presuppositions of forming of the image of postmodern hero in Turkish literature of the XX-th century	63

Onomastics

<i>N.J. Mynbayev</i> (Shymkent, Kazakhstan). To the question of appearance of migration names in Russian and Turkic toponymic systems.	67
--	----

Studies of language and culture

E.M.Napolnova (Istanbul, Turkey). Linguistic world model..... 73

Reports, surveys

B.A.Musukov. (Nalchik). Color naming components in free phrases and collocations in Turkic languages 81

A.R.Rafiev. (Tashkent, Uzbekistan). About the history of forming the literary standard in the lexis of Uzbek language 84

Scientific Life

Annual meeting of Russian committee of turkologists 87

Chronicle

A.T.Sibgatullina (Moscow). International scientific symposium on Orkhon monuments studies 98

L.S.Mijit (Kyzyl). International scientific forum confined to 80 years old Tuvian writing system 100

L.G.Latfullina (Moscow). Problems of philology of peoples of the Volga region 104

A.I.Guseynova (Baku, Azerbaijan). International scientific conference in Azerbaijan.. 109

Reviews and Annotations

Mahmud al-Kashgari. Divan lugat at turk: in 3 volumes.– V.1 – / Translated by A.R.Rustamov; ed. I.V.Kormushin, notes by I.V.Kormushin, N.A.Potzeluevskiy, A.R.Rustamov; Institute of oriental studies of the Russian Academy of Sciences: Institute of oriental studies of the RAS. – Moscow.: Vostochnaya literatura, 2010. – 461 p. (Writing monuments of the East, XXVIII)..... 112

Dialects of Turkic languages: essays / Linguistics Institute of the RAS. – Moscow.: Vostochnaya literatura, 2010. – 533 p. (Bases of Turkic linguistics: – based in 2010). 113

Mudrak O.A. Classification of Turkic languages and dialects with the help of glottochronology method basing on the morphology and historical phonetics questions / Ed. I.S.Smirmova. (Orientalia et Classica: Works of the Institute of Oriental Studies and Antiquities; № XXIII.). – Moscow.: Russian State University for the Humanities, 2009. – 187 p. 113

Nasilov D.M. Kormushin I.V. Turkic Enisey epitaphs: grammar, textology /Executive editor Nasilov D.M.; Linguistics Institute of the RAS. – Moscow.: Nauka, 2008. – 342 p. 114

Khakimzyanov F.S. Yusupov R.A. Theory and practice of translation. – Kazan: Tatar State University of Humanities and Education, 2010. – 366 p. 115

Sutra of the White lotus community : Turkic version / transcription, translated from the Early Medieval Turkic, foreword, notes, words index by L.U.Tugusheva; Saint-Petersburg, branch of the Institute of oriental studies of the RAS. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2008. – 207 p. (Writing monuments of the East, № XXVII) 117

Hatice Şirin Uzer. Köktürk ötüken Uygur kağanlığı yazıtları. Söz varlığı incelemesi. – Könya: Kömen yayınları, 32. Türk Dili Dizisi 1, 2009. – 550 s. 118

Khakimzyanov F.S., Bulgakov R.M., Galyautdinov I.G. Description of the Eastern manuscripts of the Institute of history, language and literature. –V.1. – Turkic manuscripts.– Ufa: AN RB, Gilem 2009. – 456 p. 118

Ismaylova L.G., *Nasilov D.M.* Azerbaijan language textbook for CIS countries / executive editor M.S.Meyer; Institute of Asian and African studies, MSU. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. – 261 p. 119

Personalia

Editorial information. Fuat Ashrafovich Ganiev 120

E.A.Grunina, Yu.V.Tcheka (Moscow). *Dmitriy Mikhaylovich Nasilov* 124

G.Sh.Sungatov. (Kazan). *Farid Sabirzyanovich Khakimzyanov* 128

Resolution of the bureau of the branch of history and philology of the RAS about Russian committee of turkologists 131

Index of the articles published in the “Russian turkology” in 2009–2010 (№№1–3) 134

Our authores 139

Author guidelines 140

How to subscribe to the journal 143

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:
Выпускающий редактор *Ф.С.Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф.Хакимзянова*
Технический редактор *А.М.Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф.Свиридова*
Дизайн обложки *Ф.Н.Латыпова*

Оригинал-макет изготовлен группой F & Di-dezign

С готового оригинал-макета
подписано в печать 10.08.10. Формат 70x108^{1/16}.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 11.0. Печать на RISO.

Тип.зак. № 45.

Типография ООО «Печатный двор». Казань, ул.Журналистов, 2/16; тел. (843)2727459.